

Николай Михайлович Коняев
Шлиссельбургские псалмы.
Семь веков русской крепости

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5824137

Шлиссельбургские псалмы. Семь веков русской крепости: Центрполиграф; М.; 2013

ISBN 978-5-227-04252-1

Аннотация

Автор представляет читателю полную драматизма историю крепости «Орешек» от основания ее внуком Александра Невского князем Юрием Даниловичем до наших дней. Это история крепости-твердыни, защитницы Отечества, и история страшной тюрьмы, сломавшей и уничтожившей многие жизни – от царственных узников до революционеров, история Шлиссельбургского образа Казанской иконы Божией Матери.

Автор не просто рассказывает о различных периодах и этапах жизни крепости, он фактически показывает историю России через историю Шлиссельбургской крепости, используя в своем повествовании множество документов: уникальные архивные материалы, письма и дневниковые записи...

Содержание

Вступление	4
Часть первая	9
Глава первая	9
Глава вторая	17
Глава третья	27
Глава четвертая	39
Глава пятая	57
Глава шестая	72
Глава седьмая	85
Глава восьмая	97
Глава девятая	114
Часть вторая	133
Глава первая	133
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Николай Михайлович Коняев

Шлиссельбургские псалмы.

Семь веков русской крепости

Посвящая эту книгу памяти моего отца, Михаила Максимовича Коняева.

Вступление

21 ноября 2010 года в крепости Орешек города Шлиссельбурга зазвучало церковное пение. Падали с серого неба снежинки, ледяным холодком тянуло с Ладоги, на развалинах храма Рождества Святого Иоанна Предтечи состоялась первая за последние девяносто лет литургия. Совершили ее недавно назначенный настоятелем храма Рождества Иоанна Предтечи игумен Евстафий (Жаков) и иеромонах Украинской Православной церкви Московского патриархата Гавриил (Коневиченко).

За спиной игумена Евстафия (Жакова) уже три поднятых из руин храма: храм Иоанна Предтечи в Старой Ладоге, храм Петра и Павла в Знаменке, храм Святой равноапостольной княгини Ольги в Михайловке. Еще два храма возрождены им в Карелии.

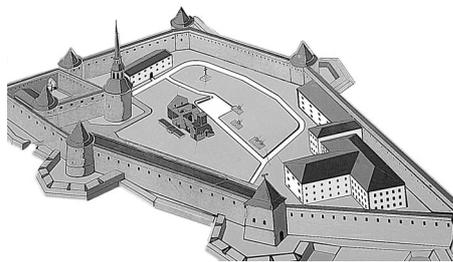
Храм Рождества Иоанна Предтечи в Шлиссельбурге – уже шестой в этом списке.

Не так уж и много найдется в России мест, подобных этому, – продуваемому студенными ладожскими ветрами островку.

У основанной внуком Александра Невского князем Юрием Даниловичем крепости Орешек героическое прошлое, и понятно, почему шведы стремились овладеть ею.

За девяносто лет оккупации они перевели на свой язык название крепости – она стала Нотебургом – и укрепили цитадель, но 11 октября 1702 года русские войска «разгрызли» «шведский орех».

Говорят, что Петр I послал на остров офицера с приказом командиру штурмующего отряда подполковнику Семеновского полка М.М. Голицыну отступить. Голицын ответил посылному: «Скажи царю, что теперь я уже не его, а Божий», – и велел оттолкнуть от острова лодки.

Схема расположения строений крепости Орешек

Штурм продолжался. Крепость была взята. Павших во время штурма героев похоронили внутри крепости.

На стене церкви Иоанна Предтечи была установлена доска в память о них, но потом эту доску увезли в Санкт-Петербург, в Музей города.

Ну а герой штурма, конечно, не мог знать тогда, что берет крепость, в которую через несколько лет засадят его брата, князя Дмитрия Михайловича Голицына.

Петр I переименовал вставшую в истоке Невы крепость в Шлиссельбург – «ключ-город», объявляя тем самым, что этим ключом он открывает для России выход к Балтийскому морю.

Однако новая, придуманная Петром I профессия крепости оказалась ненужной русской истории, потому что не прошло и полгода, как сломан был сам «шведский замок». В устье Невы тогда началось строительство Санкт-Петербурга, и хотя Шлиссельбург укреплялся все эти годы, никакого участия в боевых действиях он уже не принимал.

Прошло более полутора десятков лет, прежде чем Петр I решил употребить свой «ключ» в тюремных целях.

Первой узницей Шлиссельбурга он сделал свою сестру, царевну Марью Алексеевну, обвинив ее в заговоре, в котором она не участвовала. А следом за сестрой превратил в узника «города-ключа» и святого благоверного князя Александра Невского, вернее его святые мощи, которые посмели не поспеть в Петербург к празднованию первой годовщины Ништадтского мира. Решено было не ввозить их в Петербург до следующей годовщины и держать в Шлиссельбургской крепости.

Переход от воинской доблести к новой специальности нелегко дался старинной русской крепости, и в скрежете тюремного ключа различается нечто большее, чем обыкновенное лишение свободы. Ведь тогда, в 1723 году, в крепости случился пожар и святые мощи Александра Невского сильно пострадали в огне, но все равно по воле Петра I были торжественно встречены в Санкт-Петербурге.

Древний Орешек. Реконструкция

Торжественно встретили и другую узницу Шлиссельбурга – Евдокию Лопухину. Ее засадила в крепость императрица Екатерина I, но через год царица Евдокия вышла на свободу, и вышла уже... бабушкой императора Петра II.

А «город-ключ» продолжал скрежетать, смыкая несмыкаемое, и племянница Петра I, Анна Иоанновна, заточила в крепость членов Верховного тайного совета, которые избрали ее на царство: братьев Долгоруких и князя Дмитрия Михайловича Голицына.

Узником Шлиссельбурга стал потом и любовник Анны Иоанновны, курляндский герцог Эрнест Иоганн Бирон, сделавшийся после ее кончины регентом при четырехмесячном императоре Иоанне VI Антоновиче.

Впрочем, Бирон сидел в Шлиссельбурге всего полгода, а вот Иоанну VI Антоновичу не повезло. Он просидел в крепости «безымянным колодником» девять лет, и был убит при попытке поручика Мировича освободить его.

Кровь безвинного страдальца, кажется, впервые обагрила древние камни Шлиссельбурга.

Больше царственных особ в Шлиссельбургскую крепость не сажали.

Теперь узниками цитадели были: участник башкирского восстания Мулла Батырша Алев, убитый при попытке побега, и масон, прославленный издатель Николай Иванович Новиков; декабристы: Михаил, Николай и Александр Бестужевы, В.А. Дивов, Я.М. Андреевич, А.П. Юшневский, А.С. Пестов, И.И. Пущин, И.И. Горбачевский, М.М. Спиридов, А.П. Барятинский, В.К. Кюхельбекер, Ф.Ф. Вадковский, В.С. Норов, П.А. Муханов, А.В. и И.В. Поджио и поляк Валериан Лукасинский, проведенный в одиночном заточении почти 38 лет; основатель и вдохновитель «Общества святых Кирилла и Мефодия» Николай Иванович Гулак и известный революционер-народник Михаил Александрович Бакунин; участник заговора Каракозова Николай Андреевич Ишутин и член Центрального национального комитета Польского восстания 1863 года Бронислав Шварце; народовольцы Н.А. Морозов, М.Р. Попов, М.Ф. Фроленко, В.Н. Фигнер, М.Ю. Ашенбреннер, М.В. Новорусский, Т.А. Лопатин и Л.А. Волкенштейн.

В Шлиссельбурге производились теперь и казни.

Вид крепости Орешек в XVI веке. Реконструкция

10 октября 1884 года у крепостной стены, обращенной к Ладожскому озеру, повесили членов военной организации «Народной воли» офицеров А.П. Штромберга и Н.М. Рогачева, а 8 мая 1887 года – обвиняемых по делу «Второго 1-го марта»¹

А.И. Ульянова, П.Я. Шевырева, В.С. Осипанова, В.Д. Генералова и П.И. Андреюшкина.

«Среди русского народа, – сказал тогда Александр Ульянов, – всегда найдется десяток людей, которые настолько горячо чувствуют несчастье своей родины, что для них не составляет жертвы умереть за свое дело. Таких людей нельзя запугать чем-нибудь».

И слились эти слова со скрипом ключей, открывающих двери злу и мраку, скопившемуся в шлиссельбургских подземельях, и откликнулся на них гимназист в далеком Симбирске, сказавший: «Мы пойдем другим путем».

---

¹ Второе первое марта – в исторической литературе название попытки покушения народовольцев 1 марта 1887 года на императора Александра III. Покушение народовольцев 1 марта 1881 года на Александра II завершилось убийством государя.

Первая литургия в храме Рождества Иоанна Предтечи в Шлиссельбурге

Бесконечным и кровавым для России оказался этот путь, и вот нет уже давно ни Российской империи, ни СССР, а все еще не кончается эта мучительно долгая дорога.

«Владыка прещедрый! Слыши слова похваляющихся разорить святую веру православную! Стань в помощь мне! Ты бо еси Бог наш и на Тя уповаем!» – сказал в минуту смертельной опасности для всей Руси святой благоверный князь Александр, собираясь на Невскую битву, и кажется, что только эти слова и способны заглушить недобрый скрежет шлиссельбургских ключей.

И вот исполнилось время, и эти слова зазвучали наконец-то и на студеном ладожском сквозняке...

И повторил их внучатый племянник повешенного в Шлиссельбурге Александра Ульянова игумен Евстафий (Жаков)². 12 октября 2010 года указом Высокопреосвященнейшего Владимира, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, игумен Евстафий назначен настоятелем храма Рождества Святого Иоанна Предтечи в крепости Орешек города Шлиссельбурга.

И слушают эти вечные слова первыми вошедшие в разрушенный храм бронзовые бойцы стрелковой роты 1-й дивизии НКВД и 409-й морской батареи, которые, продолжая героическую летопись крепости Орешек, обороняли в годы войны и крепость, и эту церковь.

Почти 500 дней небольшой гарнизон держал здесь оборону, и все эти дни реял над колокольней Иоанновского храма советский флаг, и все эти дни совершалась Божия помощь, о которой в минуту смертельной опасности для Руси говорил святой благоверный князь Александр Невский.

---

² Его бабушка Евдокия Александровна Ардашева была двоюродной сестрой братьев и сестер Ульяновых.

И, стоя рядом с бронзовыми защитниками острова, слушаешь эти слова на развалинах открытого ледяному ладожскому ветерку собора Рождества Иоанна Предтечи, кажется, видишь, как начинают подниматься стены собора, как воздвигаются обрушенные купола, как вершится Чудо Господне...

Шлиссельбург.

21 ноября 2010 года

Часть первая КРЕПОСТЬ. От убийства святого до убийства императора 1323–1764 годы

*А из Котлина озера (Финский залив) вытекла река Нева и пала в
Ладожское озеро против град Орешка.
Книга Большого Чертежа*

Глава первая ОСНОВАНИЕ ПЕРВОГО МИРА

*И преклони небеса и сниде, и мрак под ногами Его.
И възиде на херувимы и лете, лете на крилу ветреню.
Псалом 17, ст. 10–11*

Уже не простиралась тьма над бездною, свет отделился от тьмы, и отделилась вода, которая под твердью, от воды, которая над твердью, и явилась суша, и произвела вода пресмыкающихся, и птицы полетели над землею, по тверди небесной...

Так семь тысячелетий назад был сотворен Мир, а совсем недавно, как утверждают геологи, всего четыре тысячелетия назад, качнул Господь Ладожское озеро, и чистейшая вода его, превращаясь в Неву, потекла вначале по долине Мги, а потом – прорвав перешеек! – по долине Тосны, наполняя отступающее Варяжское море.

И в новом море хватило бы простора мореплавателям всех миров, но оно почти сразу стало местом бесконечных сражений и кровопролитных стычек между немногочисленными народами, населявшими здешние берега...

Тогда и поставили новгородцы, еще не различая названиями озеро Нево и вытекающую из него реку, на острове, который двумя рукавами обтекает в своем истоке Нева, крепость.

Случилось это в лето 6381 от Сотворения мира, а от Рождества Христова в 1323 году.

1

Месяц уже дымились костры на Ореховом острове и стучали топоры новгородских плотников.

И можно было укрыться за крепостными стенами от пронизывающего холода, которым тянуло с озера, но князь Юрий Данилович стоял на берегу и, не обращая внимания на ветер, треплющий рыжие волосы, вглядывался в бесконечную даль горячей на солнце воды.

Набегая на отмели, закипали белыми гребнями волны, шумели на россыпях галечника и валунов, мешаясь с обрывками всплывающих в памяти псалмов.

«В скорби призвал мя еси, и избавих тя; услышах тя в тайне бурне; искусих тя на воде пререкания.

Слышите люди мои и засвидетельствую вам»...

Больше месяца стоял князь со своей дружиной на острове и еще не видел полного штиля, но уже несколько раз наблюдал миражи, возникающие то тут, то там над озером; раз-

личал ладьи, надвигающиеся порою на лесистые берега, а иногда видел скалистые острова, парящие над водой в тусклом небе.

Странным было это озеро, проносящее в рыбьем серебре небес неведомые острова, шепчущее своими волнами в прибрежной траве обрывки псалмов, как шептал их перед своей кончиной князь Михаил Тверской...

«Рече и ста дух бурен, вознесошася волны Его; Восходят до небес и низходят до бездн: душа их в злых таяше»...

Свей, с которыми ратился князь прошлым летом, называли это озеро Альдога.

Против них и надобно было стоять Юрию Даниловичу нынешним летом, после того как, захватив обоз и казну, загнали его осенью в Псков сыновья покойного князя Михаила.

«Смятошася, подвигошася яко пьяный, и вся мудрость их поглощена бысть»...

2

Непростым было положение, в котором оказался летом 1323 года внук Александра Невского князь Юрий Данилович. Долгой – череда событий, которая привела его на Ореховый остров.

Много лет боролся Юрий Данилович за великокняжеский престол...

В 1317 году, женившись на сестре хана Узбека, ставшей в крещении Агафьей, он получил-таки ярлык на великое княжение, но одолеть дядю, тверского князя Михаила Ярославовича, не сумел, и на следующий год – новгородцы ходили на Або и не могли пособить ему! – потерпел поражение.

Молодая жена Юрия попала тогда в плен и вскоре умерла в Твери.

Юрий Данилович поспешил обвинить в этом отравлении дядю.

Михаила Ярославовича вызвали в Орду и 22 ноября 1318 года казнили на берегу Терека. Тело его Юрий Данилович привез в Москву, и после долгих переговоров передал тверичам, потребовав с них немалый выкуп.

Однако, хотя главный соперник и был мертв, хотя его сын Дмитрий Михайлович, прозванный Грозные Очи, и признал в 1321 году законность власти московского князя, ни он, ни его брат Александр не простили убийства отца.

Тем более что скоро тверским князьям представился случай свести счеты.

В 1322 году, когда по просьбе новгородцев ходил Юрий Данилович разорять «осиное гнездо» свеев – город Выборг, он, дабы не лежало серебро мертвым грузом, пустил через купцов-посредников в оборот ордынскую дань Тверского княжества.

Проценты набежали немалые, но очень дорого обошлись они Юрию Даниловичу, поскольку, сведав о его предприятии, Дмитрий Грозные Очи немедленно отправился в Орду.

И вот, когда «Георгий, великий король Руссов, осадил замок Выборг в день святой Клары с великой силой», хан Узбек передал ярлык на великое княжение Владимирское Дмитрию.

Не повезло Юрию Даниловичу и под Выборгом.

Хотя и было у него 22 тысячи войска, но ни штурмом, ни осадой взять крепость не удалось. Ратники и дружинники Юрия Даниловича опустошили тогда окрестности Выборга, без счета перебили народа, множество свеев взяли в плен и отправили в Суздальскую землю, но на этом и завершилось дело.

Сам Юрий Данилович, вернувшись в Новгород, собрался ехать в Орду, но не сумел пробраться сквозь тверские волости.

Александр Михайлович Тверской перехватил Юрия на реке Урдоме и отнял казну. Самому Юрию Даниловичу с трудом удалось спастись, бежав с остатками дружины в Псков.

Там он и встретил нынешнюю весну.

Слава Богу, что свей не забыли Выборгского разорения, и новгородцы, решив поставить в истоке Невы на заросшем лещиной Ореховом острове крепость, снова призвали Юрия Даниловича.

3

Уже окружили земляным валом деревянную крепость, а свеев все не было.

– Должны прийти... – уверил Юрия Даниловича тысяцкий Аврам Олферьевич. – Когда они свою Ландскрону поставили, чтобы выход в море перекрыть, мы и года терпеть не стали. Сразу ихню крепость разрыли, чтобы твердость та была ни во что, за их высокоумие...

Аврам Олферьевич отправлял гонца в Новгород. На столе лежали грамоты, запечатанные печатью тысяцкого. На обороте печати изображен был святой всадник с копьем, подпись к которому сообщала, что это святой Авраам, хотя на иконах так изображали только святого покровителя князя Юрия Даниловича – Георгия Победоносца.

И снова, сам не помнил *как*, оказался Юрий Данилович на ладожском берегу, и, глядя на вспыхивающие в бегущей воде искры костров, прислушивался, как мешаются с шуршанием темной воды в прибрежной осоке всплывающие в памяти псалмы:

«Объяша мя болезни смертныя, беды адовы обретоша мя, скорбь и болезнь обретох и имя Господне призвах. О, Господи, избави душу мою! Милостив Господь и праведен, и Бог наш милует.

Храняй младенцы Господь, смирихся и спасе мя»...

И не заметил Юрий Данилович, как возникли из этого шума ладожской воды на отмели голоса.

Это плотники у костра – у одного племянник недавно из Твери вернулся! – разговаривали о покойном князе Михаиле Тверском.

– После приставили к князю семь сторожей, возложили на выю тяжелую колоду, и так и держали до самой казни... – звучал в темноте голос. – А хан в то время двинулся на охоту к берегам Терека. Повлеки таксама и князя тверского. Еще смолоду имел он обычай каждую ночь петь псалмы Давида, и теперь, осужденный на смерть, утешал себя этим пением. Так он молился со слезами всякую ночь, а днем старался ободрить своих спутников. Ему предлагали бежать, но он отвечал, что и прежде никогда не бегал от врагов, не побежит и теперь. Не бросит в беде бояр своих и слуг. Почти месяц страдал князь, а однажды разогнул Псалтирь, и попал на слова: «Сердце мое смятется во мне, и боязнь смерти нападе на мя. Страх и трепет прииде на мя и покры мя тма. И рех: кто даст ми криле яко голубине, и полещу и почию». И вот, едва дочитал псалом, как ворвались в шатер, будто дикие звери, палачи, всей толпой набросились на князя, топтали ногами, а один из них, который уже давно бежал от княжеского суда в Орду, выхватив нож, и вырезал сердце князя. Сказывают, что в ту же ночь многие из христиан и иноверных видели, как два облака осенили то место, где находилось честное тело убиенного князя. Облака то сходились, то расходились, и сияли, точно солнце. И в Маджарах³, где поместили тело князя в хлев, жители видали, что над тем местом поднялся огненный столб до самого неба. Другие же видели радугу, которая склонялась над хлевом. Отсюда тело Михаила повезли в Москву; и в дороге тоже были чудесные видение – множество народа со свечами и кадилами окружало тело князя, светлые всадники носились в воздухе над колесницей. А через год, когда привезли князя в Тверь, открылось и самое главное чудо – тление совершенно не коснулось тела... Теперь тверичи молятся у гробницы своего князя и получают разрешение от недугов...

Рассказчик смолк.

---

³ Сейчас на этом месте находится современный Буденновск (бывший город Святой Крест).

– Что же? – раздался в темноте другой голос. – Столько князь Михайло с Новгородом ратился, а Бог прославил его?

– Выходит, что так! – Рассказчик подкинул в костер сучьев, и поднялось облако огненных искр, истаивающих в холодной черноте неба. – Выходит, что тепереча предстоит он у Престола Божия...

4

Несколько пепельных хлопьев отнесло в темноту, и они упали на руки князя Юрия.

Еще где-то посреди рассказа шевельнулось в нем желание встать и выйти на свет костра, прерывая разговор, но позабыл тогда князь о своем желании. Нахлынули воспоминания: сколько соболей, бобров и куниц подарил он ханским женам в Орде, сколько серебра раздал эмирам и темникам, приближая гибель Михаила.

И тот холодный день 22 ноября 1318 года, когда вместе с покойным Кавдыгаем смотрели они на берегу Терека на казнь Михаила, тоже припомнился ему.

И князь подавил в себе похожий на стон вздох.

Перекрестился, глядя на звезды, сверкающие в черноте августовского неба.

– Избавит миром душу мою от приближающихся мне, яко во мнозе бяху со мною... – пробормотал он.

И тут же услышал ответ.

– Возверзи на Господа печаль твою, – шевельнулся ветерок в темноте у воды. – И Той ты препитаешь: не даст в век молвы праведнику...

И так явственно прозвучали эти слова, что встал Юрий Данилович.

Что-то большое и высокое привиделось ему в августовской тьме.

– Это ты что ли, Михайло Ярославович, тут? – спросил он, шагнув к воде. – Чего тебе?

Но уже качнулось, унеслось большое и высокое в темень озера, названного свеями Альдога.

– Ты же, Боже, изведеши их в студенец истления, мужие кровей и лъсти не преполовят дний своих, – зашумела на отмели озерная волна.

– Аз же, Господи, уповаю на Тя! – откликнулся этому шуму князь.

5

На следующий день пришли свеи...

Они встали на берегу в виду крепости, поднявшейся на Ореховом острове, день простояли так, а потом прислали на остров послов.

Памятный знак, установленный в память заключения Ореховецкого мира

«В лето 6831 (1323 от Р. Х.) ходиша Новгородци с князем Юрием Даниловичем в Неву и поставиша город на усть Невы на Ореховом острове, – записал тогда в Новгороде летописец. – Тут же приехавше послы великие от Свейского короля и докончаша мир вечный с князем и с Новым городом по старой пошлине».

Так 12 августа 1323 года был заключен Ореховецкий мир, подведший итог трем десятилетиям непрерывных стычек. Впервые официально была установлена между Великим Новгородом и Шведским королевством государственная граница.

Западная часть Карельского перешейка и соседняя с ней область Саволак отошли шведам, восточная часть перешейка с Корелой и всем течением Невы и частью Финского залива, включающей половину острова Котлина, – Новгороду. Граница от Финского залива прошла по реке Сестре.

От новгородцев договор подписали князь новгородский Юрий Данилович, посадник Алфоромей и тысяцкий Аврам. От Швеции – Герик Дюурувиц, Геминки Орисловиц, Петр Юншин.

Это был первый мирный договор, и даже в 1478 году, когда Новгородская земля утратила независимость и подчинилась Москве, Ореховецкий договор продолжал действовать.

И подписали это международное соглашение на острове, который холодная вода Альдоги обтекала двумя широкими сильными течениями, чтобы слиться позади и превратиться в полноводную реку, наполняющую Балтийское море, ставшее почти на три столетия общим для всех...

6

Понимал ли сам Юрий Данилович, что, по сути, он продолжал дело, которое начал его дед, святой князь Александр Невский, разгромивший в 1240 году в Невской битве силы тогдашнего НАТО и остановивший первый крестовый поход на Русь?

Ответить на этот вопрос непросто.

Когда читаешь житие святого князя Александра Невского, поражает то, что воинскую доблесть, талант полководца и мудрость правителя он совмещал с подлинным христианским смирением. Святой благоверный князь, по сути дела, преподал нам, своим соотечественникам, великий национальный урок того, как, подчиняя свое своеволие Божией воле, может обрести русский человек воистину сверхчеловеческие способности, помогающие ему совершить невозможное.

Александр Невский не мог знать того, что известно сейчас любому школьнику. Разумеется, он и не догадывался, что, разгромив нашествие Биргера, защитил не только новгородские пределы, но еще и будущую столицу империи, которую столетия спустя построят *возле Невской битвы* его потомки.

Разумеется, Александр Невский не знал, что, пробираясь в далекий Каракорум, он очерчивает своим путем южную границу этой империи...

Но Александр Невский был святым, и яснее, чем мы сейчас, вооруженные знанием исторических фактов, прозревал духовным зрением последствия своего отнюдь не случайного, а глубоко продуманного решения повенчать Русь со степью.

И мы видим сейчас, что выбор святого князя оказался безукоризненным и с геополитической точки зрения. Сохранив православие, Русь надежно прикрыла с помощью татар северо-западные земли, где уже при внуках и правнуках Святого Александра Невского началась кристаллизация Москвы – нового центра Русской земли, разросшегося в могуществен-

нейшее государство, вобравшее и подчинившее себе и другие русские княжества, и своих завоевателей...

И это государство, которое через века прозревал святой князь, не могли сокрушить никакие враги...

7

Внук Александра Невского, князь Юрий Данилович, оказался мельче своего деда, и как полководец, и как государственный деятель, а уж о том подвиге христианского смирения, который каждодневно совершал его святой благоверный дед, Юрий Данилович, кажется, и вообще не задумывался.

Но странно...

Вопреки собственной бесталанности и мелочности, вопреки своей гордыне и мстительности, он шел по проложенному дедом пути, и даже, совершая преступления, обусловленные, кажется, только собственным злым своеволием, он продолжал начатые его святым дедом дела, вел страну по назначенному пути.

На следующий год Юрий Данилович пойдет со своей дружиной в Заволочье, чтобы подчинить новгородской воле Великий Устюг, и уже оттуда, по Каме, обходя тверские заставы, спустится на Волгу и прибудет в Орду.

Узнав об этом, великий князь владимирский Дмитрий Грозные Очи сам поспешит к хану Узбеку.

8

Они встретятся 21 ноября 1325 года...

Столкнутся возле спящих на земле, похожих на заросшие лишайниками валуны, верблюдов.

Будет в тот день праздник на Руси – Введение во храм Пресвятой Богородицы, канун седьмой годовщины мученической смерти отца Дмитрия князя Михаила Тверского.

Юрий хотел сказать о том, что он думал августовскими ночами на Ореховом острове, но, встретившись с горящими ненавистью глазами Дмитрия, понял, что не сможет ничего сказать.

«Удивися разум Твой от мене, утвердися, не возмогу к нему.

Камо пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего камо бегу?

Аще възду на небо, Ты тамо еси...

Аще сниду во ад, тамо еси»...

Княжеское ли дело объяснять, что и когда ты почувствовал?

Княжеское дело приказы отдавать, сражаться и посылать людей на смерть...

И жалко, совсем не по-княжески улыбнулся Юрий Данилович, но улыбка эта, показавшаяся князю Дмитрию Грозные Очи злой усмешкой, совсем помutilа его рассудок.

Выхватив застрявшую в ножнах саблю, Дмитрий Грозные Очи обрушил смертельный удар на брата, убившего его отца.

Говорят, что перед смертью человек вспоминает свою жизнь.

Может, и перед глазами князя Юрия встали в тот последний миг и убитые им русские князья, и построенная на Ореховом острове крепость.

Юрий Данилович ничего не совершил доброго, только возвел эту крепость, и он не знал, что странным образом эта крепость вбирает в себя то многое, что еще он мог бы – и злого, и доброго! – совершить, вбирает всю его несовершившуюся судьбу.

И, может быть, догадался бы в последний свой миг князь Юрий Данилович, и, может быть, уже различал он в блеске занесенного над ним клинка тусклый блеск изливаемой в Неву воды Альдоги, но уже не оставалось времени...

Юрий Данилович вобрал в себя сабельный удар брата и, прижимаясь к верблюду, похожему на заросший лишайниками валун на берегу Невы, мягко сполз наземь, словно укладывался спать.

Верблюд поднял голову, пытаясь понять, зачем беспокоят его, зачем течет по волосатому боку теплая человеческая кровь, но не понял ничего, ничего не почувствовал и снова закрыл свои огромные, размером со взрослый кулак, глаза...

9

За свою вспышку гнева 28-летний князь Дмитрий Грозные Очи заплатил жизнью. По приказу хана Узбека его казнили, и ярлык на великое княжение был отдан его брату – Александру Михайловичу Тверскому.

Однако недолго княжил и Александр Михайлович.

15 августа 1327 года тверской дьякон Дудко повел поить свою лошадь, и пьяный татарин попытался отнять ее у него.

Завязалась драка.

Татары схватились за оружие, тверичи ударили в колокола – поднялся весь город.

Несчастливой для родни хана Узбека была Тверь.

Девять лет назад отравили там сестру хана, выданную замуж за Юрия Даниловича, теперь, во время восстания, убили двоюродного брата – Щелкана (Чол-хана).

Сведав об этом, Иван Данилович (Калита) немедленно отправился в Орду, чтобы донести о неслыханной дерзости тверичей.

Великий князь Александр Михайлович бежал в Псков, а пятидесятитысячное татарское войско во главе с Федорчуком пришло на Русь, и в лютый мороз побежали талые, чуть розоватые от крови ручьи в замерзшую Волгу из сожженной Твери.

Ярлык на великое княжение получил тогда участвовавший в походе московский князь Иван Данилович.

Не схож характером с братом Юрием Даниловичем был он, но, как и брат, получив ярлык, не собирался терять его. И когда, переждав в Литве гнев хана Узбека, поехал в Орду князь Александр Михайлович, и был прощен, Иван Данилович сам отправился в Орду, и скоро, «по думе его», вызвали в Орду прощенного Александра.

28 октября он и его сын Феодор приняли мученическую – были «розняты по суставам» – смерть.

А Иван Данилович Калита приказал вывезти из Твери вечевой колокол, и 25 ноября «заложил град Москву дубовый, который был срублен тою зимой и окончен Великим постом 1340».

И еще две недели Великого поста оставалось в 1340 году, как, приняв схиму, внезапно умер и сам Иван Данилович.

Летописцы и историки называют его собирателем Русской земли, но всегда добавляют и прозвище – Калита.

Прозвали так князя за кошелек (калиту), который всегда имел при себе, как для раздачи милостыни, так и совершения подкупов.

Иван Данилович первым стал называться великим князем всея Руси, и, действительно, его правление стало началом единой державы на Руси. Умирая, он поручил старшему сыну Семеону «княгиню свою с меньшими детьми».

Интересно, что в том году, как запомнило народное предание, появилась в пределах Российских Божия Матерь.

Пастух Иоанн Босой наяву увидел на вершине Почаевской горы Богородицу, окруженную пламенем. Когда, поднявшись на гору, осматривали место, обнаружили на камне, где стояла Богоматерь, выдавленный отпечаток стопы.

В этом же 1340 году Симеон Гордый получил в Орде ярлык на великое княжение, а в Успенском соборе в Москве открылись мощи новоявленного угодника Божия митрополита Петра.

Глава вторая

ОРЕШЕК СТАНОВИТСЯ КАМЕННЫМ

*Благо есть уповати на Господа, нежели уповати на князи.
Псалом 117, ст. 9*

Четверть века миновала с тех дней, когда поставили новгородцы с князем Юрием Даниловичем крепость на Ореховом острове.

Как видно из археологических раскопок, площадь крепости тогда не покрывала всего острова и составляла всего 8500 квадратных метров. Вся она – планировка крепости представляла собою две взаимно перпендикулярные улицы шириною четыре метра – была застроена деревянными избами, в которых помещалось около четырех сотен человек.

Тяжело покачивались в невской воде потемневшие от времени деревянные стены, крепость преграждала путь незванным пришельцам, наполняла уверенностью сердца снарядившихся в дальние плавания новгородских гостей.

Немало ладожской воды утекло с той поры, как привезли в Москву и погребли в Архангельском соборе тело основателя крепости Юрия Даниловича, и в Москве начал княжить его брат – 37-летний Иван Данилович Калита.

Неотвратимо и грозно вершился ход истории, и вершился он совсем не так, как хотелось тверским или московским князьям, а так, как Богу было угодно...

В 1342 году сын Ивана Даниловича Калиты Иван II Иванович Красный женится на дочери московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова, и в этом браке будет рожден князь Дмитрий, которого назовут Донским.

Тогда же в лесу, к северо-востоку от Москвы, Сергей Радонежский построил себе келью и церквушку, которая положила начало не только Троице-Сергиеву монастырю, но стала и духовным основанием всей Московской Руси...

«По творческому замыслу основателя, Троичный храм, гениально им, можно сказать, открытый, есть прототип собирания Руси в духовном единстве, в братской любви, – отмечал Павел Флоренский. – Он должен быть центром культурного объединения Руси, в котором находят себе точку опоры и высшее оправдание все стороны русской жизни».

Павел Флоренский говорил, что смертоносной раздельности противостоит живоначалное единство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания, и, «вглядываясь в русскую историю, в самую ткань русской культуры, мы не найдем ни одной нити, которая не приводила бы к этому первоузлу: нравственная идея, государственность, живопись, зодчество, литература, русская школа, русская наука – все эти линии русской культуры сходятся к преподобному. В лице его русский народ сознал себя, свое культурно-историческое место, свою культурную задачу и тогда только, сознав себя, получил историческое право на самостоятельность. Куликово поле, вдохновленное и подготовленное у Троицы, еще за год до самой развязки, было пробуждением Руси, как народа исторического»...

В Первом послании к коринфянам Апостол Павел сказал:

«Не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком и все прошли сквозь море; и все крестились в Моисея в облаке и в море; и все ели одну и ту же духовную пищу; и все пили одно и то же духовное питие; ибо пили из духовного последующего камня; камень же был Христос.

А это были образы для нас, чтобы мы не были похотливы на злое, как они были похотливы. Все это происходило с ними, как образы, а описано в наставление нам, достигшим последних веков»...

Неотвратимо и грозно вершился ход истории, и все эти годы стояла посреди Невы, заслоня ладожские просторы и саму русскую историю, крепость Орешек.

1

Борьба между тверскими и московскими князьями не самым благоприятным образом отразилась на крепости, хотя бы уже потому, что когда началась борьба князя Ивана Даниловича Калиты за «дани новгородские», Новгород отшатнулся к Литве.

«В лето 6841... – говорит новгородская летопись. – Сем же лете вложи Бог в сердце князю Литовьскому Наримонту, нареченному в крещении Глебу, сыну великого князя Литовьскаго Гедимины, и приела в Новьград, хотя поклонитися святии Софии; и послаша новгородци по него Григорью и Олександра, и позваша его к собе; и прииха в Новьгород, хотя поклонитися, месяца октября; и прияша его с честью, и целова крестъ к великому Новуграду за одинъ человекъ; и даша ему Ладогу, и Ореховый, и Корельскийи и Корельскую землю, и половину Копорьи в отчину и в дедену, и его детем».

История, связанная с превращением сына литовского князя Гедимины князя Наримонта в князя Ладожского и Мозырского, путанная и темная.

«Бархатная книга» утверждает, что Наримонта выкупил в Орде сам Иван Данилович Калита и отпустил на великое княжение Литовское, однако, Наримонт «не дошед в своея вотчины, крестися по своему обещанию, и наречен бысть во святом крещении Глеб и тогда братья его и вся земля Литовская не даша ему великаго княжения, а посадиша на великое княжение Олгерда, а Наримонта взяли в Великий Новгород».

По другим источникам⁴, это сам новгородский архиепископ Василий Калика вынужден был пообещать Наримонту княжение в Новгороде, когда по дороге из Владимира Вольшского «гнался за ними с Татарским баскаком» киевский князь Федор.

Как бы то ни было, но передача Наримонту «в отчину и дедину» главных новгородских крепостей вместе с Орешком вызвала волнения в Новгороде.

«Думая, может быть, и то, что Россия, истерзанная Моголами, стесняемая Литвою, должна скоро погибнуть, – писал по этому поводу Н.М. Карамзин. – Новгородцы искали способ устоять в ее падении с своею гражданскою вольностию и частным избытком».

Вольно было новгородцам мудрить и подыскивать оправдания отходу от Руси, но перехитрить свою русскую судьбу им не удалось, и не могло удаться, поскольку не было на то Божией воли.

Судьба Орешка ясно показала это...

Ему предстояло заслонить Русь от очередного крестового похода.

2

Еще в 1316 году в Швеции в семье герцога Эйрика Магнуссона и принцессы Ингеборг, дочери норвежского короля Хакона V, родился сын, названный Магнусом.

В 1319 году свергли с престола Биргера, родного дядю Магнуса, и трехлетний ребенок стал королем Швеции.

Магнусу не исполнилось и четырех лет, когда скончался его дед, норвежский король Хакон V, и Магнус получил еще и норвежский престол.

В Швеции он был Магнусом II, а в Норвегии – Магнусом VII.

---

⁴ «Словарь исторический о русских святых».

Самостоятельное правление Магнуса, хотя он и согласился включить постановления первой шведской «конституции» 1319 года в состав Ландслага⁵, трудно назвать безоблачным.

Можно связать резкое ухудшение при Магнусе государственных финансов с излишне роскошной жизнью короля и его двора, а также со значительными затратами на многочисленные войны, но и непрекращающиеся конфликты с оппозицией, тоже не способствовали стабилизации положения.

Впрочем, это шведско-норвежская история короля Магнуса, а для нашего повествования интереснее и важнее русская часть его жизни...

3

Решение Магнуса II предпринять новый крестовый поход на восток некоторые историки объясняют влиянием на короля Бригитты (Бригитты).

Она была дочерью Биргера Персона, который возглавлял совет опекунов при юном короле Магнусе.

В семь лет, как рассказывала сама Бригитта, к ней явилась Богоматерь и возложила на ее голову корону, что, впрочем, не помешало 13-летней девушке – это произошло как раз в год воцарения трехлетнего Магнуса! – выйти замуж за Ульфа Гудмарссона и родить ему восьмерых детей.

И так, быть может, счастливо и жила бы она⁶, но в 1344 году умер муж, и вскоре после его смерти к Бригитте вернулись чудесные детские видения, и она осознала, что ее предназначение – не рожать детей, а передавать повеления Бога земным правителям и представителям высшего духовенства.

Считается, что это призывы Бригитты способствовали прекращению Авиньонского пленения пап⁷ и возвращению Святого престола в Рим.

Понятно, какое влияние оказывали видения святой Бригитты, про которую уже при ее жизни рассказывали, что она развешивает свои одежды на лучах солнца, на короля Магнуса, который знал ее с первых лет своей жизни.

Когда в видении в 1346 году Бригитта получила повеление основать новый монашеский орден, члены которого, мужчины и женщины, должны были жить совместно в смешанных монастырях, тридцатилетний король выделил под будущую обитель ордена землю на озере Ваттерн в Вадстене.

Чуть отвлекаясь, скажем, что папа римский Климент VI, который не был столь же осмотрителен и осмелился отклонить прошение святой Бригитты, поплатился за это после своей кончины.

«Услышьте теперь!

Колокола пылают⁸, и люди кричат: „Государь наш мертв, государь наш Папа покинул нас; благословен будь сей день, но не благословен сей государь“.

---

⁵ Кодекс общешведских законов – Ландслаг – выработывался большой комиссией под председательством лагманов – глав отдельных областей Швеции. Ландслаг основывался на законах Уппланда и Эстергетланда и королевских постановлениях.

⁶ «Под духовным руководством одного образованного монаха Бригитта начала изучать Писания и оказала очень благотворное влияние на свою семью: благодаря Бригитте она стала настоящей „домашней Церковью“, – говорил недавно в катехитической беседе с русскими католиками папа Бенедикт XVI. – Этот первый период жизни Бригитты помогает понять то, что сегодня мы могли бы назвать подлинной „супружеской духовностью“: христианские супруги вместе могут пройти путь святости, укрепляемые благодатью Таинства Брака».

⁷ Авиньонское пленение пап – период с 1309 по 1378 год, когда резиденция глав католической церкви находилась не в Риме, а в Авиньоне.

⁸ Накануне известия из Авиньона о кончине папы Климента VI, 2 декабря 1352 года, колокольня Святого Петра была

Как странно, ибо кричать им было б уместно: „Да благословит Господь нашего государя жизнью длинной и благополучной“; а они кричат и приговаривают с радостью: „Упал он, и пусть не встанет никогда!“

Но не странно это, ибо сам он, которому следовало б восклицать: „Придите ко мне и обретите покой в душах своих“, призывал всех: „Придите ко мне и поклонитесь ко мне, живущему в роскоши и славе более, чем у царя Соломона были. Придите ко двору моему, и опустошите кошель свои, и мы найдем прощение вашим душам“.

Так кричал он и устами, и пергаментами своими.

По сему и Моему гневу пришло время, и буду судить я его как одного из тех, кто разгонял стада святого Петра.

О, что за суд ожидает его!

Но все же, если он успеет обратиться ко Мне, я приду к нему и встречу на полпути, как заботливый Отче».

Так, от лица самого Бога, обличала святая Бригитта несговорчивого Климента VI после его кончины.

Понятно, что король Магнус, если даже у него и были сомнения, не дерзнул противоречить святой Бригитте, когда решался вопрос о крестовом походе на Русь.

4

Ранней весной 1348 года в Новгород прибыло необычайное посольство.

То есть посольство было самое обыкновенное, но вот предложения, привезенные послами, звучали странно и дико даже и для бывалых новгородцев.

Шведский король Магнус II предлагал новгородцам выставить своих самых искушенных философов и богословов, чтобы они в ученом диспуте со шведскими философами и богословами выяснили, чья же все-таки вера лучше?

Проигравшей спор стране следовало принять веру победителя.

Может быть, в устах святой Бригитты подобное предложение и звучало естественно, но изложенное прямой русской речью: «Ино аз иду в вашу веру, или, паки аще наша будет вера лучше, и вы пойдете в нашу веру!» – оно пробуждало в новгородцах беспокойство за состояние шведских умов...

Новгородским архиепископом был тогда святитель Василий Калика.

В молодости, будучи еще священником Космодемьянской церкви Григорием, Василий Калика, как и святая Бригитта, совершил паломничество на Святую землю, за что и получил свое прозвище⁹.

В 1330 году новгородцы «от мала до велика возлюбили» его и избрали по жребию новгородским владыкой.

Став после монашеского пострижения Василием, он семнадцать лет управлял новгородской епархией, и деятельность его выходила далеко за пределы церковной жизни.

Архиепископ Василий Калика занимался не только писанием икон и строительством храмов, но еще и укреплял крепостные стены в Новгороде, строил мосты, занимался дипломатической работой. Это ему обязан Новгород своим примирением с Москвой в 1340 году, когда Василий Калика заключил от имени Новгорода мир «по старым грамотам» с великим князем Симеоном Гордым.

Не чужд был архиепископ и ученых трудов.

подожжена ударом молнии. Все колокола упали на землю, разбились и расплавились.

⁹ Калика – паломник, странник. Словарь русского языка XI–XVII веков.

Его послание тверскому епископу Феодору о рае много веков повторяли русские летописи.

С годами авторитет святителя Василия стал столь высоким, что митрополит Феогност благословил его «крещатыми ризами». Этим знаком особого достоинства Василий Калика был отмечен первым не только из числа новгородских владык, но и среди всех русских иерархов.

Ну а белый клобук, посланный Василию Калике Константинопольским патриархом, превратился в сюжет «повести о новгородском белом клобуке», утверждающей, что Русская Церковь является наследницей и Византии, и Римской империи, поскольку клобук этот некогда из рук императора Константина получил первый папа римский Сильвестр.

Вот этому архиепископу и предстояло ответить святой Бригитте и шведскому королю Магнусу II. И Василий Калика проявил тут воистину святительскую мудрость.

– Веру мы приняли от греков, и не нам решать, лучше она или хуже латинской, – учтиво и смиренно ответил он. – Посылай с этим вопросом к Константинопольскому патриарху, а если имеешь какие претензии к нам – скажи прямо, о том мы готовы говорить.

Магнуса и святую Бригитту такой ответ не удовлетворил, и весной 1348 года, как только открылась навигация на Балтике, в Неву вошли шведские корабли.

Часть войска – крепость тогда занимала только часть острова – высадилась в конце июня на Ореховом острове, а другая часть, разделившись на небольшие отряды, начала грабить земли по берегам Невы.

Намеченный богословский диспут перешел сразу в практическую плоскость. Всех русских пленных, отказывающихся перейти в католическую веру, Магнус приказывал казнить.

5

Кто знает, может быть, и взятие Орешка тоже было открыто в видениях святой Бригитты, ведь захватом этой крепости решались чрезвычайно важные задачи крестового похода.

Во-первых, Орешек позволял контролировать торговлю Новгорода с Западной Европой, во-вторых, отрезал от Новгорода карел, и лишённые новгородской поддержки они неизбежно должны были покориться шведам. Ну и, в-третьих, открывалась возможность покорения всей Ижорской земли.

Сорок дней длилась осада.

Возможно, шведам и удалось бы задушить осадой крепость, тем более что ореховский князь Александр Наримонтович в своей столице отсутствовал, но тут случилось событие, которое не предвидели ни король Магнус, ни святая Бригитта.

23 июля сравнительно небольшой отряд новгородцев, возглавляемый боярами Онцифором Лукиничем, Яковом Хотовым и Михаилом Фефилатовым, с криком «Святая София!» неожиданно атаковал шведский корпус и разгромил его.

«...Избиша немец 500 в канун святых Бориса и Глеба, а иных изнимаша и переветников казниша, – сообщает по этому поводу новгородская летопись. – А бой бысть на Жабце поле».

Это Жабце (Жабче) поле располагалось в северо-западном углу Гатчинского района, на месте нынешнего поселка Терволово.

Весть о поражении на Жабце поле заставила Магнуса изменить тактику рыцарской войны.

В первых числах августа он отправил в осажденную крепость Орешек посланцев, обещая уйти, если город заплатит ему выкуп.

Подумав, жители столицы Ореховского княжества согласились и 6 августа отворили ворота.

Вместо того чтобы уйти, шведы вошли в город.

Впрочем, сам Магнус свое обещание сдержал.

Через неделю, оставив в Орешке восемьсот человек гарнизона, он отплыл обратно в Швецию на военный совет со святой Бригиттой.

Уплыл король вовремя...

Уже 15 августа новгородское ополчение осадило крепость.

Полгода новгородцы держали шведов в осаде, но те не сдавались, и 25 февраля 1349 года начался штурм.

Возведенные князем Юрием Даниловичем деревянные стены были обложены хворостом и подожжены. Шведы попытались укрыться в каменной башне, но новгородцы ворвались и туда.

Так был взят Орешек, вернее то, что осталось в нем после пожара.

6

В драматургической коллизии, что в полном соответствии со словами апостола Павла разворачивалась в середине XIV столетия как «образы для нас», как «наставление нам, достигшим последних веков», события сплелись так причудливо, что судьбы исторических персонажей кажутся заимствованными из волшебных сказок.

Как разделяют Ореховый остров потоки ладожской воды, так же разделены были судьбы инициаторов крестового похода 1348 года на Русь.

Мы знаем, что вернувшийся в Рим папа Урбан V разрешит Бригитте учредить орден, получивший название Ордена бригитток, и она построит смешанный монастырь в Вадстене на озере Ваттерн, в котором ее дочь, святая Катерина Шведская станет первой аббатисой.

Сама святая Бригитта умрет в 1377 году, и будет похоронена в монастыре в Пирите, в нескольких километрах от нынешнего Таллинна.

В честь ее заслуг, не последнее место среди которых занимала и проповедь крестовых походов против схизматиков, папа римский Бонифаций IX причислит Бригитту в 1391 году к лику святых, а в 1999 году она будет провозглашена папой римским Иоанном Павлом II покровительницей Европы.

Камень на могиле короля Магнуса II

Совсем другая судьба выпала королю Магнусу II.

Поощряемый будущей покровительницей Европы Магнус предпринял новый поход на новгородские владения, но поход этот оказался еще более неудачным, чем предыдущий.

Когда корабли крестоносцев вышли в Финский залив, поднялся шторм и, как сообщает новгородская летопись, «рать немецкая истопе (утонула) в море».

Утонул, согласно шведским хроникам, и сам король Магнус II.

Подтверждая этот факт, в XIX веке почитателей короля водили к его могиле – нагромождению камней на берегу моря. Однако в XX веке археологи раскопали могилу на берегу моря и вынуждены были разочаровать паломников. Захоронение, объявленное захоронением Магнуса II, относилось к бронзовому веку.

Зато сохранилась могила «Схимонаха Григория, шведского короля Магнуса» на старом монастырском кладбище Валаама. Как утверждают здешние предания, Магнус спасся во время бури и был подобран русскими монахами.

Они и выходили неудачливого крестоносца.

Магнус оставил тогда трон, постригся в монахи под именем Григория и, будучи схимонахом, умер в 1374 году в Валаамской обители.

7

Как мы уже говорили, новгородский архиепископ Василий Калика, пока не призвали его на святительское служение, был священником Григорием.

Король Магнус стал иноком Григорием.

В этом зеркальном отражении имен и чудится нам развязка богословского спора о вере, который пыталась затеять с новгородцами святая Бригитта.

Диковинный поворот случился и в посмертной, связанной с Россией судьбе самой Бригитты.

Монастырь в Пирита, где была погребена святая «просветительница эстов», – развалины его находятся в пешеходной доступности от современного Таллинна! – во время Ливонской войны (1558–1583) оказался разрушенным. Однако реформационное движение тогда уже охватило скандинавские страны и Прибалтику, и судьба захоронения католической святой никого не волновала.

Вспомнили о мощах «покровительницы Европы» уже при Петре I. И вспомнили чисто по-петровски.

Венера Таврическая

В Риме тогда откопали великолепную статую Венеры (Афродиты), Юрий Кологривов купил эту статую для русского государя, но поскольку папа римский Климент XI не разрешал вывезти ее, Петр I предложил обменять «мрамурового Венуса» на мощи святой Бригитты.

Климент XI был поставлен в безвыходное положение. Будучи главой католической церкви и наместником Бога на земле, он никак не мог предпочесть языческую богиню мощам католической святой.

Обмен состоялся, и так у Петра I появилась настоящая античная статуя, которая под наименованием Венеры Таврической экспонируется сейчас в Эрмитаже.

8

Впрочем, с обменом мощей святой Бригитты на «мрамурового Венуса» мы забежали почти на четыре столетия вперед, тогда же, в 1352 году, новгородские бояре и черные люди били челом владыке архиепископу Василию Калике, чтобы он «ехал и устроил башни в Орехове».

Василий Калика не стал медлить.

Решено было восстановить Орешек в камне.

После Ладоги, Копорья, Пскова, Новгорода и Изборска Орешек должен был стать шестой цельно каменной русской крепостью.

Каким был Орешек, спроектированный святителем Василием Каликой, археологам удалось выяснить совершенно точно.

«У стен церкви XIX века, в центре крепостного двора, почти под современной мостовой, во время раскопок 1969 года вдруг показался ряд валунов. Участников экспедиции насторожило то, что в сооружениях острова такие камни не употреблялись. Находку стали расчищать, обнажился отвесный край, и стало ясно, что это не отдельные камни, а необычная для этих мест кладка из крупных и мелких валунов на известковом растворе. Среди валунов были видны выравнивающие прокладки плитняка. Возникло предположение о дворце, тереме, церкви, отдельно стоящей башне... Из земли между тем освобождалось нечто необычное, словно былинное. На трассе 120 метров (с перерывами из-за поздних повреждений) открылась внушительная стена толщиной в три с лишним метра, сохранившаяся на высоту до двух с половиной метров. Ее внутренняя часть оказалась забутованной мелким булыжником. Фундамент образован двумя-тремя рядами крупных сложенных насухо (без раствора) валунов. Неровность плана, рельефно выступающие камни, затейливая игра светотени придавали сооружению вид гигантской скульптуры...

В одном месте раскопа наметился резкий поворот стены. На ее предполагаемом продолжении забили вешку и наметили новый раскоп. И снова лопата звякнула о стену. Поразительно, что здесь древние камни лежали почти на самой поверхности. По ним ходили и ездили, не подозревая о том, что они здесь существуют. Стена изгибалась буквой „Г“: это были северная и западная стороны неправильного четырехугольника. Восточная сторона его была выявлена в 1970 году (южная не сохранилась).

Итак, за два года раскопок удалось раскрыть три стороны древней крепости. Она занимала юго-восточную часть острова размером примерно 90 на 100 метров. Укрепление, построенное архиепископом Василием в ответственный момент русской истории, перестало быть загадкой»¹⁰...

---

¹⁰ Кирпичников А.Н., Савков В.М. Крепость Орешек: Историко-архитектурный очерк. – 2-е изд., испр. и доп. – Д., 1979.

9

Грозно возвышалась крепость на холме в юго-восточной части острова.

Восточная и южная стены ее, сложенные из крупных валунов и известковых плит, повторяли изгибы береговой линии, а вдоль западной стены крепости проходил трехметровой ширины канал, пересекавший остров с севера на юг и отделявший крепость от посада, занимавшего всю западную часть острова.

Остров Орешек

Воротная башня начала XVI века. Вид с крепостного двора

По верху крепостных стен был устроен боевой ход с квадратными бойницами.

Крепость имела три приземистые прямоугольные башни, которые возвышались над стенами. Воротная башня стояла почти в центре северной стены, две другие располагались в юго-западном и северо-восточном углах¹¹.

Впрочем, достраивали Орешек уже без архиепископа Василия Калики.

«Кто во что позван, тот в том пребывает», – говорил святитель и всегда следовал этим словам в собственной жизни.

«Нарядив костры» в Орешке (заложив крепостные башни), он уехал в Псков, где открылась тогда эпидемия моровой язвы.

Великое опустошение произвела «черная смерть» в Пскове, и подавленные горем и страхом жители умоляли архиепископа помолиться вместе с ними.

---

¹¹ Фрагмент северной стены новгородской крепости 1352 года с Воротной башней законсервирован и стал экспонатом музейной экспозиции.

Прибыв в Псков, Василий Калика исполнил свой архипастырский долг, совершил богослужение в трех церквях и обошел город с крестным ходом, а уже возвращаясь в Новгород, заболел и скончался в обители Архангела Михаила, при устье реки Узы, впадающей в Шелонь.

Случилось это 3 июля 1352 года.

И получается, что спроектированная и заложенная им незадолго до кончины крепость Орешек с тремя прямоугольными башнями, с маковкой церкви, выглядывающей из-за сложенных из валунов стен, стала еще и памятником великому – не зря был передан ему из Константинополя белый клобук! – святителю Василию Калике.

Глава третья **ТВЕРДЫНЯ МОСКОВСКОЙ РУСИ**

*Яко позна враг душу мою: смирил есть в землю живот мой:
посади мя есть в темных, яко мертвые века.*

Псалом 142, ст. 3

«Черная смерть», унесшая жизнь святителя Василия Калики, распространилась из Пскова по всем новгородским пределам.

«Был мор во Пскове, потом в Новгороде и Ладоге и по всей земле Новгородской». В городе Глухове не уцелело ни одного человека. Люди умирали, харкая кровью.

Не обошла «черная смерть» и Москву.

11 марта 1353 года скончался от чумы митрополит Феогност, который объединил под своим омофором всю Русскую Церковь, следом за ним умер со всей семьей и 35-летний великий князь Симеон Иванович Гордый.

«А по благословению нашего отца, что нам приказал жити за один, так и я вам приказываю своей братии – жити за один. А лихих бы людей вы не слушали, кто станет вас сваживать. Слушали бы вы отца нашего, владыку Алексея, также и старых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам. А пишу вам это слово для того, чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла», – писал он в своем завещании.

На московский престол вступил его брат Иван, отец князя Дмитрия, которого назовут Донским.

Казалось бы, оттесняя племянников, Иван Иванович поступил не право, но семь столетий спустя мы видим, что он просто исполнил тогда Божию волю. И как бы подтверждая это, династические перемены в Москве совпадают по времени с началом игуменства преподобного Сергия в обители Пресвятой Троицы близ Радонежа.

А вскоре произошло и совсем уже небывалое событие.

Сотворился «мятеж во святительстве»¹², и митрополитом Киевским и всея Руси оказался урожденный москвич, сын боярина Федора Бяконта, будущий святитель Алексей.

1

Всего шесть лет княжил Иван II Иванович Красный (Кроткий).

13 ноября 1359 года он умер, и на московский трон был возведен девятилетний Дмитрий.

Фактическим регентом при юном князе стал переваливший на седьмой десяток митрополит Алексей, великий молитвенник и прозорливец. Для того чтобы Москва превратилась в центр, вокруг которого начала объединяться Северо-Восточная Русь, святитель Алексей сделал, кажется, больше, чем сами московские князья.

Обширный жизненный и политический опыт митрополита Алексея оказался востребованным уже в самые первые месяцы княжения юного Дмитрия, поскольку в борьбу за великое княжение Владимирское, наследовать которое привыкли московские князья, вступил суздальский князь Дмитрий Константинович.

Но не только это обстоятельство требовало святительской осмотрительности и решительности.

---

¹² Тогда уже был поставлен митрополитом на Русь Роман.

Уже окрепла на Западе другая сила, угрожающая существованию Руси, и подобно московским князьям, которые приводили татар на Русь, чтобы упрочить свою власть, тверские князья начали обращаться с этой целью к Литовскому княжеству. Осенью 1368 года, когда «мгла стояла три месяца, и рыба в реках мерла», Михаил Александрович Тверской привел на Русь войска своего зятя Ольгерда.

Литовцы разбили на Тросне московский сторожевой полк и осадили Московский Кремль, но каменных стен сооруженной Дмитрием Иоанновичем и святителем Алексием крепости одолеть не смогли.

Три дня Ольгерд стоял в осаде, а потом ушел, опустошая Московскую землю. Впервые после 40-летнего мирного периода Московское княжество испытало неприятельское нашествие. «Такого зла и от татар не бывало», – сказано в летописи.

Немало зла против святого страстотерпца князя Михаила Ярославовича Тверского и всего Тверского княжества совершил основатель крепости Орешек князь Юрий Данилович.

Теперь, словно в злом волшебном зеркальце, перевернулись бывшие события.

31 мая 1372 год полки Михаила Александровича Тверского разбили новгородцев и сожгли Торжок, а жителей истребили.

«Было многое множество мертвых, избитых, утонувших, обожженных, задохнувшихся в дыму... – пишет летопись. – А другие начисто сгорели, а иные утопленники уплыли вниз по Тверце. Такой беды не было Торжку даже от татар».

А через две недели войска Ольгерда и Михаила Александровича Тверского соединились под Калугой и двинулись на Москву.

2

Но уже не остановить было движение Руси к Куликову полю.

И хотя посол Мамай Ачихожей и Некомат Сурожанин привезли в Тверь Михаилу Александровичу ярлык на великое княжение Владимирское, и князь тотчас же сложил «целование крестное» и разорвал мир с Москвой, это уже не могло ничего переменить.

Побеждая «страх пред ненавистною раздельностью мира», русские люди сохранили единство. 3 сентября 1375 года полной капитуляцией Михаила Александровича Тверского завершилось почти полувековое противостояние Твери и Москвы.

Михаил Александрович навечно отказался от притязаний на великое княжение и признал себя «младшим братом» московского князя. Никто из князей не осмеливался теперь оспаривать главенство московского князя Дмитрия.

И наступил долгожданный срок...

30 августа 1380 года во Владимире, в храме Рождества Богородицы, вдруг вспыхнули ночью сами по себе свечи, и когда в церковь вбежал испуганный пономарь, то увидел двух старцев, вышедших из алтаря. Они прошли к гробнице Александра Невского и сказали:

«Александр! Встань и спаси правнука твоего Дмитрия!».

И встал Александр Невский из гроба, и скрылся со старцами.

А на следующий день мощи святого князя были открыты и поставлены в раке посреди собора.

Начались чудеса исцеления от них.

Главное же чудо произошло 8 сентября на Рождество Богородицы, когда русские войска переправились через Дон и встали на реке Непрядве, на поле Куликовом.

«И была брань крепкая и сеча злая, и лилась кровь как вода, и падало мертвых бесчисленное множество от обеих сторон».

Весь передовой полк оказался вырублен татарами, и только стойкость владимирских и суздальских полков во главе с князем Глебом Брянским и воеводой Вельяминовым позволила предотвратить прорыв татар в центре.

Когда татары уже подсекли полковое знамя в Большом полку, в бой вступил Засадный полк под предводительством Владимира Андреевича Серпуховского. Вступление в бой свежих сил решило исход битвы – татары были разгромлены.

Все эти годы, омывая остров, неудержимо текла ладожская вода, и четко рисовался на фоне неба грозный силуэт города-крепости, окруженного водным простором.

Надежно закрывала крепость от врагов Приладожье.

3

И вот случилось и на этой земле великое чудо...

Три года спустя после Куликовской битвы вышедшие на промысел в Ладогу рыбаки увидели в небе икону Пресвятой Богородицы. Озаренная ослепительным сиянием повисла она 26 июня 1383 года над озером, а потом быстро стала удаляться в сторону устья Свири.

Наверное, чудесный свет различался и с крепостных башен Орешка, но скоро и здесь потеряли икону из виду.

Зато теперь икону увидели на берегу.

Недалеко от впадения реки Ояти в Свирь находится Смолкова гора, тут и остановилась первый раз на Русской земле пришедшая из Константинополя икона Божией Матери.

Следующая остановка была в деревне Имоченицы.

Отсюда, сопровождаемая толпами ладожских рыбаков и местных крестьян, чудотворная икона прошествовала к местности «нарицаемой Тихфин».

Дальнейшая история Тихвинской иконы, которую называют охранительницей северных пределов России, известна достаточно хорошо, но первые остановки на Русской земле иконы, которая, словно чистый свет, возникла в евангельски простом северном пейзаже над Ладожским озером, еще нуждаются в осмыслении.

Ведь эти остановки таинственным образом связаны с рождением человека, глазами которого воочию увидит Православная Русь Святую Троицу...

В Имоченицах, на высоком, обрывистом берегу Ояти, где останавливалась Тихвинская икона, сохранилось предание...

Рассказывают, что в тот летний день 1383 года местный перевозчик услышал с противоположного берега Ояти женский голос с просьбой перевезти через реку.

Однако, когда он переехал туда, никого не оказалось там, и пришлось возвращаться в Имоченицы.

И снова услышал перевозчик женский голос, и снова не нашел никого. Лишь на третий раз увидел перевозчик в своей лодке икону, которая после чудесным образом объявилась на речке Тихвинке...

В этом предании ценна не фактография события (после того как икона первый раз остановилась на Смолковой горе, ее сопровождали толпы богомольцев, отмечавшие каждую остановку иконы закладкой часовен и храмов), а внутреннее осознание современниками произошедшего чуда.

Большинство очевидцев встречи иконы в 1383 году ощущали, что плывущая по небу икона пришла именно к нему, именно в его жизнь...

4

Мы не знаем, где – в Смолковой горе, Имоченицах или Мандерах – жили деды и прадеды преподобного Александра Свирского, но можно не сомневаться, что они находились среди богомольцев, встречавших икону на Русской земле.

Что чувствовали они, глядя на вставший в воздухе, сияющий, как солнце, образ?

Какая благодать переполняла их души?

Понимали ли они тогда, что свет этого Божьего чуда озаряет рождение их детей Стефана и Вассы, будущих преподобных Сергия и Варвары – родителей преподобного Александра Свирского?

Но мы помним, что когда евангелист Лука написал на доске стола, за которым трапезовали Иисус Христос, Дева Мария и Иосиф Обручник, образ Божией Матери, который называют сейчас Тихвинским, Пречистая Богородица, посмотрев на икону, сказала: «С этим образом – благодать Моя и сила».

Среди этой благодати и силы, дарованных Богородицей, и прошло детство родителей преподобного Александра Свирского...

Житие Александра Свирского не расшифровывает, почему родители преподобного, уже имея многих детей и находясь в значительном возрасте, так сильно печалились о даровании им еще одного сына.

Видимо, что-то было открыто им свыше...

Нам это открывает сама история нашей страны...

Мы знаем, что середина XV века, когда рождается Александр Свирский, это время распространения и укрепления преобразующих Русь воззрений игумена всея Руси Сергия Радонежского.

Исследователи справедливо отмечают, что постижение идеи Троицы, выразившееся в широком строительстве на Руси Троичных храмов, развитии Троичной иконографии и создании цикла Троичных празднеств, которые Сергей Радонежский положил в духовное основание Святой Руси, было небывалым шагом вперед во всей православной истории. Все те *исторические случайности*, которые можно отыскать в предшествовавшей истории, следует рассматривать лишь как *смутные предчувствия* того целостного явления, которое раскрылось на Руси в XIV веке.

«Таковым было слово преподобного Сергия, выразившего самую суть исканий и стремлений русского народа, – говорил Павел Флоренский, – и это слово, хотя бы и произносимое ранее, сознательно и полновесно было, однако, произнесено впервые им... Читатель Пресвятой Троицы, преподобный Сергей строит Троичный храм, видя в нем призыв к единству земли Русской, во имя высшей реальности. Строит храм Пресвятой Троицы, «чтобы постоянным взиранием на него» «побеждать страх пред ненавистною раздельностью мира...

Смертоносной раздельности противостоит живоначалное единство, неустанно осуществляемое духовным подвигом любви и взаимного понимания. По творческому замыслу основателя, Троичный храм, гениально им, можно сказать, открытый, есть прототип собирания Руси в духовном единстве, в братской любви. Он должен быть центром культурного объединения Руси, в котором находят себе точку опоры и высшее оправдание все стороны русской жизни».

Скорее всего, Стефан и Васса не осознавали всей глубины проводимого учениками Сергия Радонежского духовного переустройства, возможно, они вообще ничего не знали о своем великом предшественнике, но это не помешало им стать его соратниками в духовном преображении Руси.

Ведь их духовное предназначение, как и духовное творчество преподобного Сергия Радонежского, как иконописание его ученика, преподобного Андрея Рублева, совершалось полностью по Божией воле, которую эти святые прозревали и воплощали в своих свершениях.

«Было же это, – говорит житие Александра Свирского, – по смотрению Божию, так как невозможно родить без молитвы и поста такое сокровище, которое еще прежде зачатия его, избрал Господь наставником многих ко спасению».

5

Ни появление Тихвинского монастыря, ни житие Александра Свирского, единственного святого, которому воочию явилась Святая Троица, напрямую не связаны с крепостной твердыней на Ореховом острове, но, возможно, без этой русской крепости и не было бы названных нами событий.

Прикрывая пространство Приладожья и Присвирья, крепость на Ореховом острове защищала от католической экспансии православие, и оно дивно расцветало здесь под ее защитой.

А шведы не оставили попыток захватить край.

В 1390 году, как говорят новгородские летописи, «...поставиша Свея город над Невою, на устьи Охты реки, нарекоша его Венец земли».

И еще более усилилось значение Орешка.

Поэтому-то в 1410 году, перед очередным походом на Выборг, оградили крепостной стеной, повторявшей изгибы береговой линии, и посад на Ореховом острове.

Мудры были строители, продолжившие фортификационное дело святителя Василия Калики...

Включив в крепостное пространство канал, в который можно было заводить на стоянку корабли, готовые к преследованию врага, они не только получили возможности контроля проходящих мимо караванов, но и многократно усилили военную мощь крепости...

А события в стране совершались своим чередом.

В 1425 году пришедшая из Прибалтики эпидемия захватила Новгород, Тверь и Москву, и «была скорбь великая по всей земле».

Умер тогда в Москве сын Дмитрия Донского, 53-летний великий князь Василий I Дмитриевич. И хотя он и не отличился ни в битвах, ни в походах, «незримой» своей деятельностью сумел значительно укрепить отцовское наследие.

Стол московский и владимирский занял десятилетний князь Василий II Васильевич (Темный).

Но встал на его пути дядя, звенигородский и галицкий князь Юрий Дмитриевич, развязавший вместе со своими сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой жестокую междоусобную войну. Семнадцать лет длилась она.

Новгород накануне этой междоусобной войны перешел под покровительство Свидригайла, великого князя литовского, но, словно в ответ на новое новгородское шатание, родился в Москве у Василия II Васильевича второй сын, будущий царь Иван III Васильевич – «собиратель земли Русской».

По преданию, блаженный Михаил Клопский сказал тогда новгородскому архиепископу Евфимию: «Сегодня радость большая в Москве. У великого князя московского родился сын, которому дали имя Иван. Разрушит он обычаи новгородские и принесет гибель нашему городу».

А на следующий год вернулся в Москву с Флорентийского Собора митрополит Исидор.

Совершая богослужение в присутствии великого князя, за литургией вместо Вселенских патриархов он помянул имя Папы римского, а по окончании службы зачитал грамоту Флорентийского Собора о произошедшем соединении римско-католической и византийско-православной церквей.

Назвав Исидора «латинским злым прелестником», Василий II Васильевич приказал заточить митрополита в Чудов монастырь.

А еще?

Еще скончался преподобный Арсений Коневский – создатель обители на Ладожском озере...

Еще, поевши отравленной курицы, умер в Новгороде неудачливый соперник Василия II Васильевича князь Дмитрий Шемяка...

В 1456 году Василий II Васильевич Темный за «неисправление новгородцев» предпринял карательный поход и захватил Старую Руссу. Узнав об этом, новгородцы выступили навстречу князю с дружиной, но были разгромлены. Посадник Михаил Туча и многие новгородские бояре попали в плен.

Новгород вынужден был заключить с Москвой Яжелбицкий договор, согласно которому Новгородская республика лишалась права вести самостоятельную внешнюю политику.

Когда великий князь Василий II Васильевич Темный прибыл в Новгород, чтобы поклониться новгородским святыням, искушение убить его так одолевало новгородцев, что архиепископу Ионе стоило большого труда отговорить их. Дело ограничилось бурей, что пронеслась, разрушая дома и церкви в Москве и Новгороде, а великий князь Василий II Васильевич Темный умер сам, заболев «сухотною болестию».

Престол в 1462 году занял его сын – Иван III Васильевич, который, как и предсказывал блаженный Михаил Клопский, разрушил обычаи новгородские.

Зато при Иване III Васильевиче был перестроен Орешек.

6

Старые стены крепости были разобраны почти до фундамента, и на острове поднялась новая мощная твердыня, стены которой, образуя вытянутый шестиугольник, практически повторяли очертания острова.

Крепость теперь состояла из «города» и дополнительного укрепления внутри него – цитадели.

«Город» защищали семь башен.

С запада, со стороны устья Невы, поставлена была самая мощная башня, с верхнего яруса которой велось наблюдение за рекой и ее берегами.

Цитадель защищали три башни. Самой высокой из них была Колокольная башня. Отсюда воеводы следили за ходом боя и передвижением врага, а дозорные вели непрерывное наблюдение за водными просторами Ладоги, Невы и за ее берегами¹³. Башни цитадели были соединены сводчатыми галереями, сделанными в стенах. В этих галереях хранились запасы продовольствия и боеприпасов.

Каждая башня имела ярусы. Подошвенный бой был перекрыт каменным сводом. Второй, третий и четвертый ярусы отделялись друг от друга деревянными настилами – мостами.

Изогнутый под прямым углом проход в крепость находился в Государевой башне¹⁴.

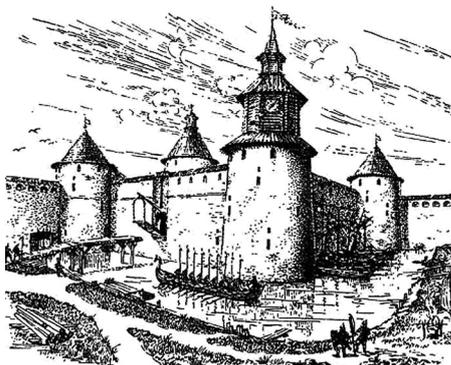
Не забыли строители возвести и каменную церковь Спаса внутри крепости.

---

¹³ Из башен цитадели уцелела только одна – Светличная.

¹⁴ Стены и башни Орешка начала XVI века, хотя и в значительно измененном виде, сохранились до наших дней. Реставраторами восстановлены сейчас Государева башня и боевой ход на стене между нею и башней Головина.

В 1555 году перестроенный Орешек держал первое испытание.

Цитадель с каналом и гаванью. XVI век

Иоанн Грозный, правивший тогда на Руси, уже взял Казань и готовился к войне за выход к Балтике, когда шведы решили проверить прочность обороны русских границ.

В нарушение 60-летнего перемирия «свей за рубеж перелезли».

10 сентября 1555 года шведский адмирал Якоб Багге осадил Орешек.

Как говорил современник, пришли они «от Выборга сухим путем на конях, и пеших с ним людей было много. И в бусах с моря Невою пришли в то же время многие с пушками люди к Орешку же и по городу из пушек били. И стояли под городом три недели».

Орешек не дрогнул.

Воеводам А.И. Ногтеву и С.В. Шереметеву удалось не только организовать успешную оборону – «инех же по суху многих немец побиша и живых взяша», но и произвести успешную речную операцию. Они захватили шведский корабль, на котором находилось полтораста человек и четыре пушки.

Через три недели шведы вынуждены были уйти.

Однако Иоанн Грозный не склонен был прощать шведам этой обиды. Поскольку войско все равно надо было посылать воевать за Балтику, решили для начала размяться на Швеции.

Ближе к зиме в Новгород прибыл воевода Петр Щенятев, приступивший к формированию армии, часть будущего войска формировалась непосредственно в Новгороде, так как здесь проживали около сотни пушкарей и пищальников, освобожденных от большинства налогов именно из-за того, что были приписаны к регулярному войску. Другая часть армии сосредоточивалась в деревне Кипень¹⁵, на берегу Финского залива. Некоторые историки считают, что для участия в шведской кампании 1555–1556 годов было мобилизовано 75 тысяч человек.

---

¹⁵ Современный Ломоносовский район.

Иоанн IV Грозный

Непосредственно в боевых операциях принимала участие лишь треть сформированной армии, но все равно сила эта была слишком большой для Швеции, и шведский король Густав Ваза начал говорить, будто адмирал Якоб Багге самовольно атаковал Орешек, а он, король, и не собирался нарушать мир. Иоанн Васильевич Грозный тоже был преисполнен самых миролюбивых намерений. Он ответил шведскому королю, что коли раздор учинился вопреки воле короля, то надо не позднее Рождества Христова подписать мир, а виновных, кто войну начал, с собою привезти да казнить.

Хотя – редко бывал так благодушен Иоанн Грозный! – можно и по-другому поступить. Пусть, если королю так желается, пришлет он лучших людей, кому верить можно, или бояре на Рождество Христово будут на границе с большою ратью и, виноватых сыскав, приведут же да казнят, чтобы крестное целование не нарушали.

Ну а уж если король таким несговорчивым окажется и если к Рождеству Христову не пришлет никого, то царь и великий князь велит за свою обиду и за королеву неправоту воевать. Тогда нарушение крестного целования будет на короле и кровь старых и молодых прольется из-за тебя, Густава-короля, и твоих державников, а не от нашего и справедливого государя, не от нас, наместников его.

Но то ли шведскому королю жалко стало Якова Багге, который весьма искусным флотоводцем был, то ли еще по какой причине, но не согласился Густав Ваза казнить за ослушание адмирала, который его приказание исполнял.

И тут уж, раз такие дикие порядки в Швеции царили, ничего не оставалось Иоанну Грозному, пришлось в поход идти.

Русские войска вошли в Финляндию.

7 февраля в пяти верстах от Выборга состоялось сражение. Разгромленные шведы были вынуждены укрыться за стенами Выборга.

Взять Выборг русским не удалось.

В ответ на разорение карельского берега русские войска опустошили окрестности Выборга и, уводя множество пленных, вернулись назад. Летопись свидетельствует, что шведских пленников продавали тогда за гривну (десять копеек), а девок за алтын (три копейки).

Со Швецией был заключен мир на сорок лет.

7

Сорок лет мира кончились у шведов через четыре года, как только у Иоанна IV Васильевича Грозного начались сложности в Ливонской войне. Магистр Ливонского ордена Готард Кетлер передал тогда свои земли в польско-литовское владение, а северные районы с центром в Ревеле (Таллинне) объявили себя подданными Швеции, и Московской Руси пришлось вести войну с коалицией государств.

На первых порах особых успехов для Швеции эта война не имела, но когда командующим шведскими войсками в Прибалтике, а заодно и губернатором Эстляндии, был назначен Понтус Делагарди, положение переменилось.

Понтус Делагарди, и особенно его сын Якоб Делагарди, оставили такой кровавый след в истории России, что, наверное, надо подробнее рассказать об истории этого рода.

Понс Декупри – так звали будущего завоевателя Эстляндии! – родился во Франции в имени Ла Гарди.

Родители хотели выучить его на аббата, но Понсу Декупри по душе была военная служба, и очень скоро он осуществил свои мечтания.

Понс Декупри воевал в Италии и Шотландии, участвовал в гражданской войне между католиками и протестантами, командовал наемниками-ландскнехтами в Дании, пока не попал в шведский плен.

Тут он поступил на шведскую службу, превратился в Понтуса Делагарди и уже в 1568 году изменил королю, приняв участие в государственном перевороте. После победы заговорщиков Понтуса Делагарди отметили многочисленными наградами, но вскоре он снова попал в плен, теперь уже к датчанам.

В награду за долгий плен 17 июля 1571 года король Юхан пожаловал ему титул барона Экхольма...

Вот такие события предшествовали появлению Делагарди на Ливонской войне.

В 1581 году король Иоанн III, задумавший отрезать Россию от Балтийского и Белого морей, одобрил запланированный Понтусом Делагарди поход на Новгород.

В конце октября Понтус Делагарди осадил Корелу – главный опорный пункт русских на Карельском перешейке. После бомбардировки шведской артиллерии удалось поджечь деревянные стены крепости.

Горящая крепость и пылающие ядра превратились в герб Кексгольмского герцогства, а Делагарди, не теряя времени, двинулся к Орешку. Защитникам его было передано письмо короля, в котором тот предлагал передать замок и поселения в его руки.

«Вам будет лучше, чем теперь!» – уверял он, но защитники Орешка не вняли этому королевскому совету, и Делагарди не решился идти к Новгороду.

Народное предание, изображающее Понтуса Делагарди злым чародеем, которому всегда и во всем помогает нечистая сила, подчеркивает, что Делагарди мог одновременно сражаться в нескольких местах, восполняя недостаток в войске птичьими перьями, которые он превращал в воинов.

Это легенды, но и подтвержденные надежными источниками сведения о кампании 1581–1582 годов не сильно отличаются от них.

Войска Понтуса Делагарди прошли по льду Финского залива и овладели Леалем, Везенбергом, Тольсбургом, Гапсалем, а 6 сентября взяли Нарву, являвшуюся в то время крупнейшим центром русской торговли с Европой.

Разумеется, можно спорить о способностях Делагарди к колдовству, но вот в феноменальной жестокости и коварстве его сомневаться не приходится.

Перед штурмом Нарвы Делагарди объявил, что отдает город на сутки на разграбление. В результате, за 24 часа после взятия Нарвы, не считая стрельцов из гарнизона, в крепости было убито 7000 мирных жителей.

После Нарвы пали Ивангород, Ям и Копорье, и только Орешек так и продолжал стоять на пути Понтуса Делагарди, не давая завершить столь успешно начавшуюся операцию.

Наверное, перед штурмом Орешка Понтус Делагарди особенно упорно разбрасывал птичьи перья, превращая их во все новых и новых солдат.

Считается, что шведы сосредоточили на невских берегах десятитысячную армию, не считая флотилии, блокировавшей крепость с воды.

Защищали Орешек всего пять сотен стрельцов...

8

1582 год выдался самым коротким в Европе.

Пятое октября 1582 года декретом папы Григория XIII предписано было считать 15-м числом октября.

Россия эту реформу тогда не приняла.

Такое ощущение, что десять лишних дней, хотя календарь – Новый год тогда начинался в России 1 сентября! – и не заметил их, оказались спасительными для нас.

Такое ощущение, что на эти дни и попали события, во многом определившие весь дальнейший ход русской истории.

6(15) января Россия и Речь Посполитая подписали Ям-Запольское перемирие в Ливонской войне на десять лет. Польский король отказался от претензий на российские территории, в том числе на Новгород и Смоленск.

19 октября у Иоанна Васильевича Грозного и Марии Нагой родился сын – царевич Дмитрий.

25 октября после битвы у Чувашского мыса Ермак взял столицу Кучума Искер.

«Царь же Кучум, видя свою погибель и царства своего и богатства лишение, рече ко всем с горьким плачем: о мурзы и уланове! Побежим, не помедлим». Он откочевал в ишимские степи.

26 октября, на день памяти святого Димитрия Солунского, дружина Ермака вошла в Искер под хоругвью, на которой и был изображен этот святой.

«Царство сибирское взяша, а царя Кучума победиша и под твою царскую высокую руку покориша многих живущих иноземцев, татар и остяков и вогуличей и к шерти их, по их вере, привели многих, чтобы быть им под твоею государскою высокою рукою до века, покамест Бог изволит вселенной стояти», – писал царю Иоанну Васильевичу Грозному Ермак.

Ермак

С этими судьбоносными для русской истории даты переплетаются даты обороны Орешка.

6 октября шведы установили на Монашеском острове осадные мортиры, и начали бить по западному углу крепости. Через два дня часть стены была разрушена, и шведскому десанту удалось захватить башню вблизи пролома.

Казалось бы, участь Орешка была решена, но тут – вот она Божия помощь! – сильное течение отнесло боты с новыми отрядами шведских десантников, и яростной контратакой стрельцы сумели скинуть в Неву ворвавшихся в крепость шведов.

«Штурм был начат зря и напрасно и прошел с большими потерями», – отмечает средневековая хроника.

14 октября на помощь защитникам крепости Орешек прибыли на 80 ладьях еще 500 стрельцов, и с их помощью был отражен и второй штурм, предпринятый шведами 18 октября.

7 ноября они сняли осаду крепости.

9

Двухмесячная героическая оборона города сорвала замыслы Делагарди, не помогло ему никакое чародейство, и в результате в 1583 году было подписано Плюсское перемирие.

Условия перемирия оказались тяжелыми для России. Уступая Ивангород, Ям, Копорье, она потеряла выход к побережью Финского залива.

Но можно понять, почему Москва пошла на такое перемирие.

Воевать одновременно с Польшей и Швецией страна была еще не готова, и Иван Васильевич Грозный, словно предчувствуя, что жить ему остается всего год, спешил завершить начатые войны.

В подписании перемирия участвовал и Понтус Делагарди.

Участвовал он, будучи уже членом риксрода¹⁶, и в переговорах о продлении перемирия.

Вот тогда-то, 5 ноября 1585 года, и перевернулась лодка, в которой шведская делегация возвращалась с очередного съезда с русскими представителями, и Делагарди потонул.

В Москве его гибель сочли «Божьим милосердием и великого чудотворца Николы милостию»...

Надо сказать, что недобрую память Понтус Делагарди оставил не только в памяти русских людей. Похоронен он был в Домском соборе Ревеля, и здесь сохранилась народная легенда, которую Ф.Р. Крейцвальд поместил в сборнике «Старинные эстонские народные сказки».

Согласно этой легенде, Понтус Делагарди имел обыкновение сдирать кожу с убитых солдат и отдавать ее дубильщикам для последующей продажи. Внезапная смерть в ноябрьской воде Наровы помешала ему завершить торговые операции, и дух жестокого полководца-авантюриста якобы до сих пор бродит по улицам Таллинна, пытаясь продать запоздавшим прохожим дубленые солдатские кожи.

Похоже, что со словами москвичей по поводу «Божьего милосердия», выразившегося в утоплении Понтуса Делагарди, готовы были согласиться и представители других народов, но ликование оказалось преждевременным – уже подрастал родившийся в Ревеле вскоре после заключения Плюсского перемирия сын Понтуса Делагарди – Якоб...

---

¹⁶ Государственный совет при шведском короле.

Младший сын Понтуса Делагарди превзошел своего отца, когда, «помогая» России отразить польскую интервенцию в Смутное время, довершил он отцовский замысел и «нечаянно» захватил и Новгород, и другие города Новгородской земли.

Тогда же Якоб Делагарди занялся и Орешком, который так и не сумел «раскусить» его отец.

23 февраля 1611 года Якоб Делагарди установил батарею на Монашеском острове и приказал идти на штурм.

Как следует из «Истории шведско-московской войны» Иоганна Видекинда, главный удар штурмующих был направлен на Воротную башню. Подведя петарды, шведы взорвали двое передних ворот, но там тотчас опустились третьи, железные ворота, которые не поддавались действию петард. Потеряв немало человек убитыми и ранеными, шведы вынуждены были отступить. Трупы лучших людей были сложены на десять возов и увезены в Выборг.

После этого неудачного штурма решено было прибегнуть к осаде. Уже захвачена была Ладога, и к 30 ноября 1611 года шведам удалось надежно замкнуть блокадное кольцо.

Будущий фельдмаршал Эверт Горн, командовавший войсками, осаждавшими Орешек, предложил осажденным капитулировать. От горожан требовалось подчиниться королевскому наместнику и принять шведский гарнизон. Но защитники Орешка отказались сдать крепость. Они продолжали отчаянно сопротивляться и, пользуясь потайной гаванью, делали вылазки на ладьях и лодках, нападая на шведов.

Однако 12 мая 1612 года твердыня Московской Руси на Неве пала. Как свидетельствует Иоганн Видекинд, в живых в крепости оставалось чуть больше сотни стрельцов.

Шведы переименовали русскую крепость-остров в Нотебург¹⁷.

---

¹⁷ От швед. – Nöteborg: Nöte – орех; borg – крепость, город.

Глава четвертая **ВКУС РАЗГРЫЗЕННОГО ОРЕХА**

*...Язык наш возвеличим, устны наша при нас суть: кто нам
Господь есть.*

Псалом 11, ст. 5

*Правда, что зело жесток сей орех был, однако ж, слава Богу,
счастливо разгрызен.*

Петр I

Некий мистический знак видится в том, что блокада Орешка совпала с заключением в темницу патриарха Гермогена. Мученическая смерть пришла к заморенному голодом святителю 17 февраля 1612 года, а блокадный Орешек держался дольше, шведы овладели крепостью только 12 мая.

«Да будут благословенны, которые идут на очищение Московского государства, – молился перед своей кончиной святитель Гермоген, обращаясь к образу Казанской иконы Божией Матери. – А вы, окаянные московские изменники, будьте прокляты!»

Перед сдачей Орешка, защитники замуровали в стену икону Казанской Божией Матери в надежде на то, что она поможет вернуть крепость России.

1

Медленно, но неотвратимо сплетаются в глубине столетий гибельные для нашей страны сети. Но еще далека опасность, а уже подыскивается то, что способно одолеть надвигающуюся беду...

Уместившись в пространство двух лет, сошлись две даты...

В 1578 году родился Дмитрий Михайлович Пожарский, будущий освободитель Москвы. А на следующий год обрели чудотворную икону Божией Матери, получившей название Казанской...

Это события, из которых предстояло произрасти спасению нашего Отечества от разрушительной Смуты, в которую ввергли его властолюбие и алчность, разврат и своеволие...

Как и многое на Руси, история Казанской иконы Божией Матери начинается во времена царствования Иоанна Васильевича Грозного...

После страшного пожара, уничтожившего 23 июня 1579 года в Казани весь посад, дочери казанского стрельца Матроне явилась во сне Богородица, указавшая место на пепелище, где находится Ее икона. На этом месте 8 июля 1579 года и откопали завернутый в ветхое вишневое сукно – это был рукав однорядки – Чудотворный образ... Сама икона – таких еще не было на Руси! – была необычной и вся она «чудно сияла светлостью», земная грязь еще не коснулась Образа...

Тотчас послали известить Казанского архиепископа Иеремию, но он посчитал излишним осматривать находку несмышленной девочки, и вместо него на пожарище пришел священник из ближайшей к пожарищу Николо-Гостинодворской церкви. Первым этот священник и поднял икону, чтобы благословить ею народ.

Звали священника Ермолай...

Уже на следующий день начались исцеления. Перед иконой прозрел казанский слепой Никита... Но оказалось, что образ Казанской Божией Матери дарует и духовное прозрение.

И самое первое чудо от него – это *самовидец*, как он потом сам называл себя, священник Ермолай, который и поднял из черноты пепелища Чудотворный образ, чтобы показать народу.

Пятьдесят лет исполнилось ему тогда, но словно и не было их – в непроницаемых сумерках времени скрыта жизнь иерея Ермолая. И только когда он взял в руки чудотворный образ Казанской Божией Матери, спала пелена с глаз русских людей – во всей духовной мощи явился перед ними облик великого святителя, будущего патриарха Гермогена.

И, конечно, никто не догадывался тогда, что чудо, которое совершила икона, превратив иерея Ермолая в грозного святителя, было только прообразом чуда, совершенного 22 октября 1612 года, когда вдруг очнулись перед Пречистым Ликом Казанской иконы Божией Матери разьединенные политическими симпатиями и антипатиями русские люди и, ощутив себя единым народом, сбросили с себя вместе с обморочностью смуты и ярмо чужеземных захватчиков.

Тогда загудели колокола в московских церквах, и двинулись на штурм Китай-города ратники князя Дмитрия Пожарского и Кузьмы Минина. Единым приступом был взят Китай-город, и поляки укрывшись в Кремле, чтобы через три дня сдать на милость победителей.

2

Слухи о необычной иконе и тех чудесах, которые были явлены от нее, растеклись по Руси еще до освобождения Москвы. Еще в 1594 году по повелению царя Федора Иоанновича в честь явления Чудотворного образа заложили каменный храм Пречистой Богородицы.

Ну а после освобождения от поляков Москвы к иконе пришла всенародная слава, и празднование ее стало совершаться не только в Казани 8 июля, но и в Москве – 22 октября.

Князь Дмитрий Пожарский на свои средства построил в Москве, на Красной площади, Казанскую церковь, где долгое время хранился тот самый список с иконы, перед которым молились ратники, шедшие освобождать Москву.

Три с половиной десятилетия спустя, 22 октября 1648 года, на праздник «чудотворная иконы Казанская, во время всеобщего пения» родился наследник престола царевич Дмитрий, и царь Алексей Михайлович повелел праздновать Казанскую икону «во всех городах по вся годы», как бы редактируя при этом и содержание самого праздника.

Но первенец царя Алексея Михайловича вскоре умер, и праздник – осеннее почитание Казанской иконы Божией Матери сделалось всенародным – остался в прежнем своем значении.

С этого времени и начинается настоящее торжество чудотворных образов Казанской иконы Божией Матери по всей стране.

В 1661 году Казанская икона была обретена в Тобольске. Дьяку монастыря было указано во сне, чтобы он взял образ Казанской Божией Матери, который в небрежении хранился в чулане одной из церквей, и поставил икону в новой церкви, воздвигнув ее за три дня. Повеление Богоматери было исполнено – в крае сразу прекратились проливные дожди, а больные начали получать от Чудотворного образа исцеления.

В 1689 году образ Казанской Божией Матери явился в селе Каплуновка Харьковской епархии. Перед этим образом молился Петр Великий накануне Полтавской битвы.

В 1695 году во время всеобщего бдения начала источать слезы в кафедральном соборе Тамбовская икона Казанской Божией Матери.

Похожее чудо произошло и в Шлиссельбурге в 1702 году.

Часовой, стоявший на карауле, заметил исходящий из стены свет.

Наутро в стене появилась трещина, и когда раскрыли кирпичную кладку, увидели, как появляется из стены Младенец, простирающий руку для благословения, увидели Богоматерь, склонившую к Сыну свою голову.

Это был замурованный здесь в 1612 году образ иконы Казанской Божией Матери.

«Эта местная святыня, – писал последний настоятель Шлиссельбургского крепостного храма Рождества Иоанна Предтечи протоиерей Иоанн Флоринский, – оставшаяся в иноверческой земле, могла бы исчезнуть бесследно, как исчезли сами православные церкви в Орешке с их украшениями и утварью, если бы заботливая рука одного из оставшихся в Орешке ревнителей православия не скрыла эту духовную ценность от глаз иноверных. Икона была замурована в стене древнего русского крепостного храма, и здесь-то она сохранялась в течение почти целого столетия. Православные ореховцы надеялись таким образом предохранить драгоценный образ небесной Владычицы от поругания иноплеменных, твердо веря, что Царица небесная Сама освободит свой образ от временного заточения и возвратит принадлежащий Ей храм и покровительствуемую Ею древнерусскую область в руки православных».

Видимо, так и было...

Может быть, список Казанской иконы Божией Матери не успели вывезти из Орешка, когда заключен был Столбовской мир, по которому крепость отошла Швеции, но, скорее всего, защитники замуровали икону в надежде на то, что она поможет вернуть России ее невскую твердыню...

Уместно вспомнить здесь, что Тихвинскую икону Божией Матери, проплывшую 26 июня 1383 года в небе вблизи Шлиссельбурга, тоже замуровывали в свое время в стене Пантократорской обители, чтобы спасти от еретиков-иконоборцев...

В этом повторе истории, дивным отсветом лежащем на само явление Шлиссельбургской иконы, обнаруживается глубокий мистический смысл. Шлиссельбургская икона как бы соединяет в себе две иконы, одна из которых, Тихвинская, именуется Охранительницей северных рубежей России, а другая, Казанская, Спасительницей нашего Отечества.

Тихвинскую – тогда она называлась Влахернской! – икону освободили через шестьдесят лет.

Шлиссельбургская икона пробыла в каменном плену девяносто лет...

3

Попытки освободить Орешек предпринимались еще в правление царя Алексея Михайловича. Осенью 1656 года Нотебург осадило войско воеводы Петра Ивановича Потемкина.

Сорокалетний полководец уже брал и польский Люблин, и шведский Ниеншанц, жег шведские поселения на Котлине, громил шведские корабли, но с Орешком дело у него не заладилось.

Хотя Петр Иванович и начал бомбардировку крепости, установив орудия на Монастырском острове, шведы держались твердо.

П.И. Потемкин

«Яблоко и грушу легче раскусить, чем такой орех!» – ответил комендант крепости майор Франс Граве на предложение о сдаче, и предок великого Григория Потемкина вынужден был отвести войска.

В музее Прадо в Мадриде экспонируется портрет Петра Ивановича Потемкина, который Хуан Каррено де Миранда написал спустя десятилетие после нотебургской неудачи.

На портрете много золотой парчи и дорогого меха, а еще больше важности, которую как бы вносит собою царский посол Петр Иванович Потемкин, но схожая по цвету с осенней ладожской водой седина бороды омывает лицо русского стольника, так и не сумевшего раскусить «шведский орех». Разгрызть его пришлось Петру I.

В. Суриков. Петр I перетаскивает суда из Онежского залива в Онежское озеро в 1702 году. 1872 год

Взятие Нотебурга он считал чрезвычайно важной задачей, и подготовка к штурму велась предельно тщательно.

Некоторые историки полагают, что и легендарное перетаскивание волоком по Государевой дороге кораблей из Белого моря в Онежское озеро тоже было связано с подготовкой к штурму Орешка.

Тогда за два месяца мужики и солдаты протащили по лесам и болотам корабли «Святой дух» и «Курьер», и, пройдя по Онеге, Свири и Ладоге, корабли эти якобы подошли к устью Невы, хотя и непонятно, что они делали здесь при штурме Нотебурга.

Ну а настоящие русские войска подошли к Нотебургу 26 сентября 1702 года. Всего Петр I собрал на берегу Невы четырнадцать, включая гвардейские Семеновский и Преображенский, полков.

Русский лагерь был разбит на Преображенской горе.

Осаду – гарнизон Нотебурга во главе с комендантом подполковником Густавом фон Шлиппенбахом насчитывал около 500 человек и располагал 140 орудиями – вели по всем правилам.

Под непосредственным наблюдением самого Петра I по трехверстной лесной просеке протащили из Ладожского озера в Неву лодки. На этих лодках солдаты Преображенского и Семеновского полков переправились на правый берег Невы и захватили там шведские укрепления.

Потом из лодок устроили наплавной мост, связавший невские берега...

Когда кольцо осады замкнулось, к коменданту Нотебурга был «послан трубач с предложением сдать крепость на договор». Густав фон Шлиппенбах просил отсрочки на четыре дня, чтобы снестись с нарвским обер-комендантом, которому он подчинялся. В ответ 1 октября русские батареи открыли артиллерийский огонь по крепости.

А.Е. Коцебу. Штурм крепости Нотебург 11 октября 1702 года. В центре изображен Петр I. 1846 год

Бомбардировка продолжалась непрерывно в течение одиннадцати дней.

Начали гореть деревянные постройки, плавилась свинцовые кровли башен, ночью Неву освещало зарево пожара и казалось, что река налилась кровью. Течение уносило зарничную кровь к Финскому заливу, к шведской крепости Ниеншанц.

3 октября парламентар-барабанщик передал просьбу жен шведских офицеров, умолявших выпустить их из Нотебурга ради великого беспокойства от огня и дыму.

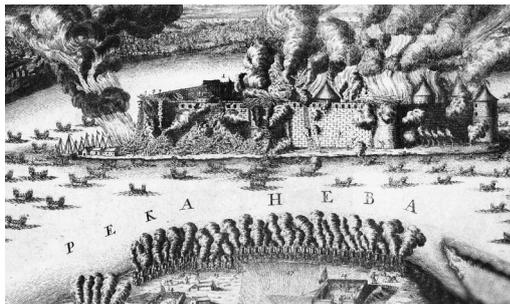
«Если изволите выехать, изволили б и любезных супружников своих с собою вывести купно!» – галантно ответил шведским дамам Петр I.

«Сей комплимент знатно осадным людям показался досаден», – сказано в «Книге Марсовой», и бомбардировка Нотебурга возобновилась.

Всего по крепости было выпущено свыше 15 000 ядер и бомб.

В крепостной стене появились огромные бреши, сквозь которые могли пройти маршем в ряд 20 человек. Правда, находились эти пробоины слишком высоко над землей, но Петр I, рассматривавший Нотебург с Преображенской горы, результатами артподготовки остался доволен.

«Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила», – сообщал он в письме А.А. Виниусу.

Взятие Нотебурга 11 октября 1702 года. С гравюры А. Шхонебека. 1703 год

Следы петровской бомбардировки Нотебурга можно найти и сейчас.

«Под дерном оказались свежие напоминания о минувшей войне: битый кирпич, щебенка, осколки мин, – пишут в своей книге „Крепость Орешек“ А.Н. Кирпичников и В.М. Савков. – Ниже стали попадаться осколки ядер, которыми при Петре I обстреливали с материка крепость в 1702 году. А вот и неразорвавшаяся трехпудовая мортирная бомба – одна из 3000, выпущенных по шведскому гарнизону. Частицу извлеченного изнутри пороха, которому 268 лет, удалось воспламенить. Горел он разноцветными искрами»...

4

Таковыми же разноцветными искрами рассыпались три сигнальных выстрела, возвестивших ночью 11 октября начало штурма.

Ударили барабаны.

Сквозь ночную темноту ладьи пошли к крепости озаряемой пламенем пожаров. Их сносило сильным течением, и гребцы налегали на весла.

Так начался штурм.

Взятие Нотебурга (Орешка) – одна из самых ярких и значительных побед Петра I.

Подготовка к штурму была проведена тщательная, но стесненные на полоске земли между крепостными стенами и водой русские полки все равно несли огромные потери.

К тому же и приготовленные лестницы оказались слишком короткими – десантники не смогли подняться к пробоинам и с ходу ворваться в крепость.

Тем временем шведы развернули орудия и начали бить напрямую.

И был момент, когда заколебался Петр I и даже послал на остров офицера с приказом командиру штурмующего отряда подполковнику Семеновского полка Михаилу Голицыну отступить.

«Скажи царю, что теперь я уже не его, а Божий, – ответил посыльному Голицын и, взобравшись на плечи солдата, стоящего на верху лестницы, залез в пролом. – Вперед, ребята!»

Бесконечно длился кровопролитный бой, но шведы не выдержали.

«Неприятель от множества нашей мушкетной, так же и пушечной стрельбы в те 13 часов толь утомлен и видя последнюю отвагу тотчас ударил шамад»...

Это, в пятом часу дня Густав фон Шлиппенбах велел ударить в барабаны, что означало сдачу крепости.

Нотебург был взят.

Сохранились списки русских солдат, павших при штурме крепости...

Лейб-гвардии Преображенского полка:

Майор – Давыд Гаст.

Капитаны – князь Иван Львов, Иван Рукин, Андрей Валбрехт.

Поручики – Яков Борзов, Дмитрий Емцов, Василий Ивановский, Павел Беляев.

Сержанты – Андрей Ребриков, Алексей Ломакин, Семен Котенев.

Рядовые – Афанасий Лобоз, Яков Тибеев, Григорий Соколов, Семен Мишуров, Иван Чесноков, Клим Варенихин, Таврило Башмаков, Иван Писарев, Никифор Ляблицов, Козьма Фомин, Илья Кондаков, Максим Демьянов, Петр Жеребцов, Андрей Посников, Фома Следков, Василий Воробьев, Петр Булкин, Петр Белош, Стефан Тяпкин, Алексей Дубровский, Федор Оставцов, Павел Копылов, Иван Фомин, Сергей Кондратьев, Лука Александров, Петр Аксентьев, Федор Ефимов, Фрол Чурин, Ерофей Пылаев, Яков Голев, Иван Сидоров, Никифор Котловский, Прокофий Коротаев, Андрей Котенев, Савва Тихонов, Иван Злобин, Парфен Палкин, Ефим Черкашенинов, Прокофий Юрьев, Василий Чириков, Яков Бута, Григорий Пыхоцкий, Федор Булатов, Никита Ефимов, Иван Романов, Федор Путимцев, Иван Лебедев, Матвей Черкасов, Трофим Титов, Иван Чебалов, Тихон Лелнев, Яков Тихомиров, Иван Быков, Федот Коротаев, Яков Отавин, Савелий Лисицын, Иван Волк, Иван Ершов, Мирон Неустроев, Федор Беляев, Лаврентий Путилов, Семен Казаков, Федот Махов, Федор Казаков, Иван Мозалев, Петр Крюков, Антон Ремезов, Ефрем Быков, Иван Дроздов, Борис Домкин, Иван Ерофеев, Никифор Лапин, Агафон Уланов, Иван Жуков, Козьма Сайников, Григорий Бровиков, Викуль Заблоцкий, Козьма Носов, Мартын Дудырин, Иона Кабин, Иван Нагаев, Тимофей Жданов, Иван Иванов, Петр Шевелев, Иван Федотов, Данила Бавин, Дмитрий Соловьев, Нестор Титов, Тит Батулин, Федор Бадаев, Козьма Соболев, Семен Сербии, Пантелей Матвеев, Михайло Медведев, Агафон Толанков, Анисим Посняков, Михайло Попрыгаев, Андрей Кудряков, Григорий Зыков, Матвей Полчанинов, Козьма Кузовлев, Леонтий Смольянинов. Барабанщик Никифор Панков.

Лейб-гвардии Семеновского полка:

Майор – Кондратий Мейер.

Капитан – Егор Колбин.

Поручики – Федор Лихарев, князь Алексей Шаховский, Иван Дмитриев-Мамонов.

Капрал – Таврило Шапилов.

Рядовые – Федор Струнин, Семен Борзов, Григорий Каменский, Егор Туменев, Иван Павловский, Яков Кудрявцев, Иван Данилов, Алексей Ураков, Спиридон Беляев, Иван Богатырев, Григорий Кудрявой, Василий Мартьянов, Иван Оборин, Андрей Кириллов, Никифор Коржавин, Сергей Нагаев, Федор Бычков, Зиновий Паршин, Григорий Овсянников, Иван Волох, Максим Папонов, Данило Никифоров, Дмитрий Шаров, Ларион Деделин, Терентий Белоусов, Павел Чеботарев, Федор Захаров, Леонтий Воробьев, Иван Нижегородов, Анисим Чистяков, Тимофей Стушкин, Иван Баскаков, Тимофей Борзов, Иван Никитин, Иван Зерковников, Егор Харитонов, Борис Грызлов, Михайло Осанов, Кондратий Лытков, Дмитрий Волох, Фрол Зайцев, Сидор Фролов, Федор Старичков, Данило Шатилов, Еремей Щеголев, Степан Шатаков, Ларнок Сухарев, Козьма Лукоренский, Афанасий Тороворов, Кондратий Эрнев, Константин Глазунов, Яков Ушаков, Василий Панов, Иван Дубровин, Степан Хабаров, Иван Заварзий, Козьма Федотов, Петр Братин, Тихон Казимеров, Иван Радивилов, Кондратий Манзурьев, Афанасий Фармос, Осип Абрамьев, Федор Васильев, Ефим Глазунов, Аким Короткий, Михайло Кудрине, Василий Власов, Терентий Лоботков, Иван Быстров, Семен Побегалов, Евстифей Иванов, Софрон Шемаев, Гордей Богданов, Степан Гребенкин, Кирила Соловьев, Козьма Медведев, Трофим Судоплатов, Григорий Катов, Андрей Коровин, Михайло Дбяков, Василий Мамонтов, Афанасий Подшивалов, Герасим Ротунов, Иван Сорокин, Анисим Зверев, Алексей Шабанов, Иван Волобаев, Самойло Звягин, Павел Иванов, Федор Замолнев, Михайло Шепелев, Иван Лутошный, Кирилл Беликов, Игнатий Евсеев, Никифор Минин, Артамин Мордвинов, Василий Трубач, Матвей Соседов, Петр Без-

часной, Матвей Клужетов, Роман Маслов, Василий Лыков, Дмитрий Филатов, Сергей Барков, Гаврило Осипов, Иван Приезжей, Анисим Сомароков, Данил Леонтьев, Аким Гигмонов, Афанасий Иевлев, Андрей Лебедев, Дмитрий Любимов, Петр Зверев, Григорий Зорин.

В звучании этих имен и фамилий столько неповторимости, столько чудесной красоты, столько богатырской силы, что весь этот список звучит как музыка, как гимн России.

Памятник солдатам Преображенского и Семеновского полков

Такое ощущение, что ты оказался в какой-то заповедной роще...

Любопытно сравнить этот список со списком шлиссельбургских арестантов, хотя бы тех же народовольцев...

Николай Морозов, Михаил Фроленко, Михаил Тригони, Григорий Исаев, Михаил Грачевский, Савелий Златопольский, Александр Буцевич, Михаил Попов, Николай Щедрин, Егор Минаков, Мейер Геллис, Дмитрий Буцинский, Михаил Клименко, Федор Юрковский, Петр Поливанов, Людвиг Кобылянский, Юрий Богданович, Айзик Арончик, Ипполит Мышкин, Владимир Малавский, Александр Долгушин, Николай Рогачев, Александр Штромберг, Игнатий Иванов, Вера Фигнер, Людмила Волкенштейн, Василий Иванов, Александр Тиханович, Николай Похитонов, Дмитрий Суровцев, Иван Ювачев, Каллиник Мартынов, Михаил Шебалин, Василий Караулов, Василий Панкратов, Михаил Лаговский, Иван Манучаров, Людвиг Варынский, Людвиг Янович, Пахомий Андреюшкин, Василий Генералов, Василий Осипанов, Александр Ульянов, Петр Шевырев, Михаил Новорусский, Иосиф Лукашевич, Петр Антонов, Сергей Иванов, Василий Конашевич, Герман Лопатин, Николай Стародворский, Борис Оржих, Софья Гинсбург, Павел Карнович, Сергей Балмашов, Фома Качура, Михаил Мельников, Григорий Гершуни, Егор Сазонов, Иван Кляев, Александр Васильев, Хаим Гершкович, Яков Финкелынтейн, Михаил Ашенбреннер...

И хотя в этом списке немало достойных людей, очень трудно отделаться от ощущения, будто идешь то ли по пожарищу, то ли по старой вырубке, заросшей неведомо чем.

И что из того, что в первом списке собраны солдаты-герои, а во втором – «Мы имеем тех преступников, каких заслуживаем», – говорил тюремный врач Шлиссельбургской крепости Евгений Рудольфович Эйхгольц! – государственные преступники. Нет... В первом списке люди, принадлежащие прежней Московской Святой Руси, а во втором – люди, которые о Святой Руси, благодаря Петру I и его реформам, не слышали и слышать не желали.

Петр I

Автограф Петра Великого

Шведский гарнизон вышел из крепости с четырьмя пушками и распущенными знаменами. Он состоял из 83 здоровых и 156 раненых – остальные пали во время осады и штурма. Солдаты шли с личным оружием, с пулями во рту, в знак того, что они сохранили свою воинскую честь.

Русские потери составили 538 человек убитыми и 925 ранеными.

Павших во время штурма героев похоронили внутри крепости.

На стене церкви Иоанна Предтечи в 1902 году была установлена доска с их именами¹⁸, но в 1939 году эту доску увезли в Музей истории и развития Ленинграда.

Ну а главный герой штурма, Михаил Михайлович Голицын, конечно, и догадываться не мог тогда, что взял крепость, которая через несколько лет станет тюрьмой для его брата, князя Дмитрия Михайловича Голицына.

5

На радостях Петр I переименовал Нотебург в Шлиссельбург, в ключ-город.

Считается, что этим ключом открывался путь к Балтийскому морю, но, очевидно, что Петр вкладывал в это название более широкий смысл – ключа к победе в войне.

Все первые дни после взятия Шлиссельбурга Петр I пребывал в упоении от свершившегося чуда.

«Объявляю вашей милости, – пишет он Федору Матвеевичу Апраксину, – что с помощью победыдавца Бога, крепость сия по жестоком и чрезвычайном, трудном и кровавом

---

¹⁸ Доску эту изготовил заключенный Шлиссельбурга, бывший кузнец, народоволец П. А. Антонов.

приступе (который начался в четыре часа пополуночи, а кончился по четырех часах пополуночи), сдалась на аккорд, по котором комендант Шлипенбах, со всем гарнизоном выпущен. Истинно вашей милости объявляю, что чрез всякое мнение человеческое сие учинено и только единому Богу в честь и чуду приписать».

Послание это, хотя и в дальнейшем Петр I не забывал разделять с Богом своих ратных побед, все-таки выделяется повышенной и, в общем-то, несвойственной Петру религиозной экзальтацией.

Объясняется она тем, что Петр I ясно осознавал не только стратегическое значение одержанной победы, но и ее исторически-мистический смысл.

Дед его, царь Михаил Федорович, первый в династии Романовых, был коронован 90 лет назад, после изгнания поляков из Москвы. Петр I, его внук, освободил сейчас последнюю, потерянную в годы Смуты крепость.

Как тут было не возрадоваться!

Неслучайно по указу Петра I в память взятия Орешка была выбита медаль с надписью: «Был у неприятеля 90 лет».

Слова Петра I о том, что «чрез всякое мнение человеческое сие (взятие Орешка. – Н. К.) учинено и только единому Богу в честь и чуду приписать», – слова, *русского* царя.

Когда караульный солдат увидел замерцавший из-под кирпичной кладки свет Казанской иконы Божией Матери, он смотрел глазами *русского* солдата.

И явственно было явлено и царю, и солдату, как смыкаются эпохи...

В 1612 году, перед тем как пойти на штурм, молились ратники Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского перед Казанской иконой Божией Матери.

Шлиссельбургская крепость

Задержавшись на девяносто лет, 1612 год пришел и в древнюю русскую крепость Орешек. И здесь, завершая освобождение Руси от иноплеменных захватчиков, явилась Казанским ликом своим Пречистая Богородица!

Мы уже говорили, что священник Ермолай, который первым разглядел икону Казанской Божией Матери, превратился в святителя Гермогена.

Нам неведомо, кем стал солдат, первым увидевший Шлиссельбургский образ Казанской иконы Божией Матери. Может, он погиб в бесконечных петровских войнах, а, может быть, закончил жизнь в крепостной неволе.

Другая эпоха, другое время пришло...

Как известно, скоро Петром I вообще будут запрещены чудеса на Русской земле.

Петр I – сохранились только глухие упоминания о его распоряжении поместить обретенную икону в крепостной часовне – по сути, никак не отреагировал на находку, не захотел рассмотреть того великого значения, которое скрыто было в обретении Шлиссельбургской иконы Казанской Божией Матери.

Почему не захотел он увидеть этого чуда?

6

Соблазнительно объяснить совершившуюся в государе перемену шлиссельбургским трагикомическим эпизодом, приведшим к разрыву Петра I с его любовницей Анной Моне.

15 апреля 1703 года в Шлиссельбурге «зело несчастливый случай учинился; первый доктор Лейл, а потом Киннигсек... утонули внезапно».

Это прискорбное, но не слишком значимое событие, тем не менее, оставило след в истории, потому как в кармане саксонского посланника Киннигсек нашли любовное письмо Анны Моне.

Измены Анны – напомним, что ради нее Петр I заставил постричься в монастырь свою жену царицу Евдокию! – Петр не ожидал, и так и не простил любовницу до конца жизни. Сама Анна Моне, как известно, была посажена под арест и только в 1706 году ей разрешили посещать лютеранскую церковь. Пострадала и Матрена Ивановна Балк, которая пособляла сестре в ее романе с Киннигсеком. За свои хлопоты Матрене Ивановне пришлось отсидеть в тюрьме три года...

Ну а два десятилетия спустя скатится с плахи и голова брата Анны – Вильяма Монса.

Поэт Андрей Вознесенский в «Лобной балладе»¹⁹ описал казнь Анны Моне, хотя казнена была не она, а ее брат:

*Царь страшон: точно кляча, тощий,
почерневший, как антрацит,
По лицу проносятся очи,
как буксующий мотоцикл.*

*И когда голова с топорика
покатилась к носкам ботфорт,
Он берет ее над толпою,
точно репу с красной ботвой!*

*Пальцы в щеки впились, как клещи,
переносицею хрустя,
кровь из горла на брюки хлещет.
Он целует ее в уста.*

*Только Красная площадь ахнет,
Тихим стоном оглушена:
«А-а-анхен!..»
Отвечает ему она:*

*«Мальчик мой, Государь великий,
не судить мне твоей вины,
но зачем твои руки липкие солонь?»*

*баба я,
вот и вся провинность,
государства мои в устах*

---

¹⁹ Андрей Вознесенский. Ахиллесово сердце. – М., 1966.

*я дрожу брусничной кровиночкой
на державных твоих усах,*

*в дни строительства и пожара
до малюсенькой ли любви?*

*ты целуешь меня Держава —
твои губы в моей крови,
перегаром, борщом, горохом
пахнет щедрый твой поцелуй.*

*как ты любишь меня Эпоха,
обожаю тебя
царуй!..»*

Разумеется, соединить Анну и Вильяма Монса в единый объект любви и расправы Петра I автору стихов помогла его неотягощенность знанием истории, однако, сработала тут и логика петровской мифологии. Любое злодеяние, которое совершал и которое не совершал Петр I, эта мифология заранее объясняла и оправдывала самой атмосферой «дней строительства и пожара» Петровской эпохи.

Возможно, посещая Шлиссельбург, Петр I вспоминал о горечи унижения, которое пережил, читая вынудое из кармана утонувшего Киннигсека любовное письмо Анны Моне...

Но одной только личной досады, как ни глубока была она, не доставало для начала строительства новой государственной мифологии.

7

Первый шаг на пути создания этой мифологии, которая хотя и соприкасалась с прежней русской историей, но не столько продолжала, сколько преображала ее на новый, петровский лад, Петр I сделал, переименовав старинный русский Орешек в Шлиссельбург.

На Государевой башне укрепили ключ от крепости, что означало: взятие Орешка открывает путь к Балтийскому морю.

Впрочем, ключом этим пользовались недолго.

Уже 1 мая 1703 год был взят Ниеншанц, стоящий при впадении Охты в Неву, и Петр I начал искать место для строительства в устье Невы новой русской крепости.

14 мая 1703 года на берегах Невы было теплым и солнечным...

В этот день Петр I, как утверждает анонимное сочинение «О зачатии и здании царствующего града С.-Петербурга», совершал плавание на шлюпках и с воды «усмотрел удобный остров к строению города»...

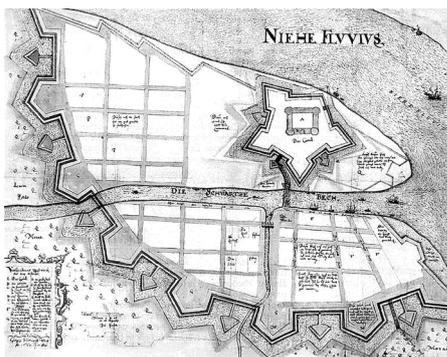
Как только государь высадился на берег, раздался шум в воздухе, и все увидели «орла парящего». Слышен был «шум от парения крыл его».

Сияло солнце, палили пушки, а орел парил над государем, и в Пятидесятницу, когда, посоветовавшись с сопровождавшими его фортификаторами: французским генерал-инженером Жозефом Гаспаром Ламбером де Герном и немецким инженером майором Вильгельмом Адамом Кирштенштейном, Петр I отверг неподверженное наводнениям место при впадении Охты в Неву и заложил новую крепость на Заячьем острове.

Тогда государя сопровождало духовенство, генералитет и статские чины. На глазах у всех, после молебна и водосвятия, Петр I взял у солдата багинет²⁰, вырезал два куска дерна и, положив их крестообразно, сказал: «Здесь быть городу!».

Потом в землю был закопан ковчег с мощами Андрея Первозванного. Над ковчегом соорудили каменную крышку с надписью: «От воплощения Иисуса Христа 1703 мая 16-го основан царствующий град С.-Петербург великим государем царем и великим князем Петром Алексеевичем самодержцем всероссийским».

И снова возник в небе орел – «с великим шумом парения крыл от высоты спустился и парил над оным островом».

План Ниеншанца

Однако закладка города этим не ограничилась.

Поразмыслив, Петр I приказал «пробить в землю две дыры и, вырубив две березы тонкие, но длинные, и вершины тех берез свертев», вставил деревья в землю наподобие ворот.

Орел же опустился с высоты и «сел на оных воротах».

С ворот орла снял ефрейтор Одинцов и поднес его государю, который пожаловал гордую птицу комендантским званием²¹...

У Александра Сергеевича Пушкина в знаменитом описании этих событий, орлов нет...

*На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася, бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел. И думал он.
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.*

²⁰ Багинет – кинжал с плоским, заточенным с одной или с обеих сторон клинком, применявшимся в качестве штыка.

²¹ «Оной орел зимовал во дворце; по построении на Котлине острову крепости святого Александра оной орел от Его Царского Величества во оной Александровой крепости отдан на гобвахту с наречением орлу комендантского звания».

И все равно, хотя все тут подчеркнуто реалистично, первые строфы вступления к «Медному всаднику» возносят нас в петровскую мифологию, стремительнее ручных орлов, на которых оттачивало свое остроумие не одно поколение российских историков.

Читая пушкинские строки, мы представляем Петра I стоящим на земле, на которую никогда не ступала нога русского человека, и в результате с легкой руки поэта в общественном сознании сложилось устойчивое убеждение, будто земли вокруг Петербурга в допетровские времена представляли собою неведомую и чуждую Православной Руси территорию.

И происходит это вопреки нашим знаниям! Ведь, читая Пушкина, мы помним, что свет православия воссиял над Ладогой задолго до крещения Руси, и это отсюда, из древнего уже тогда Валаамского монастыря, уходил крестить язычников Ростовской земли преподобный Авраамий. И то, что самая первая столица Руси, Старая Ладога, тоже находится в двух часах езды от Санкт-Петербурга – неоспоримый факт. И русская крепость Орешек, которую всего за полгода до основания Петербурга отбил у шведов Петр I, тоже ведь стояла здесь почти четыре столетия!

Но все эти факты, а вместе с ними и вся веками намоленная Русская земля, что окружала место закладки будущей столицы Российской империи, одной только силою пушкинского гения оказались отодвинутой от Санкт-Петербурга.

Однако Пушкин не был бы Пушкиным, если бы ограничился поставленными ему рамками. Читаешь «Медного всадника» и понимаешь, что А.С. Пушкин погружался в петровскую мифологию еще и для того, чтобы изобразить внутреннее состояние Петра I, чтобы объяснить выбор, сделанный первым русским императором.

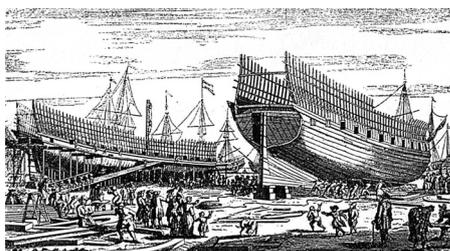
Место, где вскоре поднялся Санкт-Петербург, действительно было *пустым*. Из-за постоянных наводнений здесь не строили ничего, кроме убогих изб чухонских рыбаков.

Но такое *пустое* место и искал Петр I.

Санкт-Петербург закладывался им как город-символ разрыва Новой России с Древней Русью.

Это поразительно, но в этом – вся суть Петровских реформ...

Они накладывались на Россию, нисколько не сообразуясь с ее православными традициями и историей, и вместе с тем были благословлены униженной и оскорбленной Петром Русской Церковью.

Постройка кораблей с гравюры времен Петра I

Возможно, подсознательно, но Петр I выбрал для города именно то место древней земли, которое действительно всегда было *пустым*, которое и не могло быть никем населено в силу незащищенности от природных катаклизмов.

Сюда уводил Петр I создаваемую им империю, здесь, на заливаемой наводнениями земле, пытался укрыть он от нелюбимой им Святой Руси *свою* веру в Бога, свой освобожденный от православия патриотизм!

Осуществить задуманное было невозможно, и хотя Петр I прилагал все силы, чтобы достичь своей цели, все получалось не так, как задумывал он, а так как должно было быть.

Петр I не пожелал придать значения государственного события чудесному обретению иконы Казанской Божией Матери в Шлиссельбурге... Видимо, ему не хотелось начинать историю новой столицы с Казанской иконы Божией Матери, поскольку это вызывало воспоминания и параллели, не вмещающиеся в его новую мифологию.

Но Казанская икона Божией Матери, как мы знаем, все равно пришла в Санкт-Петербург.

Вдова старшего брата и соправителя Петра I Иоанна V, царица Прасковья Федоровна, известная своим старомосковским благочестием, привезла, перебравшись в Санкт-Петербург, сделанную по ее заказу увеличенную копию Казанской иконы Богородицы.

Икону эту царица Прасковья Федоровна поместила в часовне неподалеку от своего местожительства, на Городовом острове (Петроградская сторона), и часовня эта стала называться Казанской.

С 1727 года образ, привезенный в Петербург царицей Прасковьей Федоровной, начинает признаваться чудотворным, и для него возводится десятилетия спустя один из главных петербургских храмов – Казанский собор.

8

Так, вопреки своеволию Петра I, появилась Казанская икона Божией Матери в новой русской столице, так из-за своеволия Петра I Шлиссельбургский образ Казанской иконы Божией Матери, почти целое столетие прождавший за кирпичной кладкой человека, который освободит здешнюю землю от неприятеля и вернет икону России, по-прежнему остался за стенами крепости.

Взявший Нотебург Петр I считал, что он не освобождает, а завоевывает эти земли. Разница незначительная, если говорить о результате военной кампании, но чрезвычайно существенная, если вернуться к духовному смыслу войны, которая велась тогда на берегах Невы.

Потом стали говорить, что Петр I прорубил окно в Европу...

На самом деле окно в Европу здесь было всегда, и требовалось только отодрать старые шведские доски, которыми это окно было заколочено.

Но Петр I все делал сам, и даже когда он совершал то, что было predetermined всем ходом русской истории, он действовал так, как будто никакой истории не было до него, и вся она – это болезнь всех реформаторов в нашей стране! – только при нем и начинается.

И в этом заключен ответ на вопрос, почему Петр I не захотел узнать о чудесном явлении Шлиссельбургской иконы Божией Матери...

Нет, не русский Орешек освободил Петр I, а взял шведскую крепость Нотебург – и тут же основал здесь свой Шлиссельбург. Как могла вместиться сюда Казанская икона Божией Матери, неведомо когда, до всяких прославлений, появившаяся здесь?!

И Шлиссельбургская икона Казанской Божией Матери так и осталась в крепости.

Была она здесь и тогда, когда привезли в Шлиссельбург каторжника Варфоломея Стояна (Федора Чайкина).

Этот человек (если можно называть человеком такого святотатца) 12 июля 1904 года вместе со своими подельниками украл из летнего храма Богородицкого женского монастыря города Казани первообраз чудотворной Казанской Божией Матери, содрал с него драгоценную ризу, а саму святую икону сжег...

Рядом со Шлиссельбургским образом Казанской иконы Божией Матери и предстояло отбывать свой каторжный срок этому злодею.

Впрочем, об этом разговор еще впереди...

9

После взятия Нотебурга в 1702 году Петр I ожидал шведского контрудара и считал восстановление крепости на Ореховом острове первоочередной задачей. Сохранился сделанный рукою Петра набросок чертежа бастионов, которыми необходимо было усилить крепость.

Портбашня у входных ворот была переименована Петром I в Государеву, Фохтбашня названа Княжеской в честь княгини Меншиковой, Шварцбашня – Королевской, Кирхбашня – Угловой (позднее Головина), Коноселицсбашня – Светличной, Крутбашня – Мельничной, Комсбашня – Колокольной.

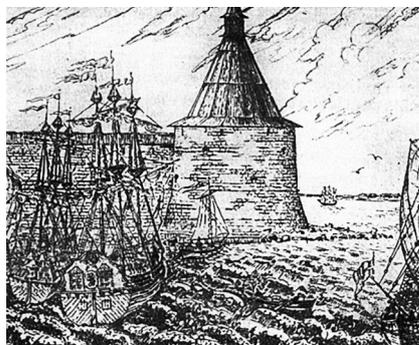
Все бастионы возводились одновременно под руководством Н.М. Зотова, Ф.А. Головина, Г.И. Головкина, К.А. Нарышкина.

Общее руководство укреплением Шлиссельбурга поначалу осуществлял сам Петр I: «царь московский... крепость во всем зело поправить велел, стены и башни, и с пушками 2000 человек в крепость посадил»²², но в дальнейшем руководство работами принял А.Д. Меншиков, назначенный комендантом Шлиссельбурга и губернатором Ингерманландии, Карелии и Лифляндии.

То ли оттого, что Петр переделал всю Россию в европейские, неприспособленные для здешнего климата одежды, то ли оттого, что он ставил чрезвычайно трудные и порою совершенно непонятные задачи, то ли из-за общего бездушия эпохи, но никогда еще, кажется, не мерзли так в нашей стране, как в десятилетия петровского царствования.

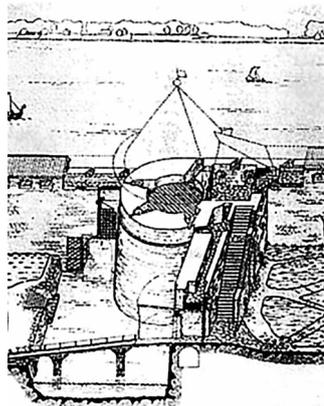
Королевская башня после реставрации

Наугольная башня XVI—середина XVII веков

---

²² Газета «Ведомости» от 3 февраля 1703 года.

Светличная башня

Даже А.Д. Меншиков, который проявил такую отчаянную храбрость при штурме Шлиссельбурга, к постоянной жизни в крепости приспособиться не сумел.

«У нас здесь превеликие морозы и жестокие ветры, – жаловался он Петру, – с великою нуждою за ворота выходим; едва можем жить в хоромех».

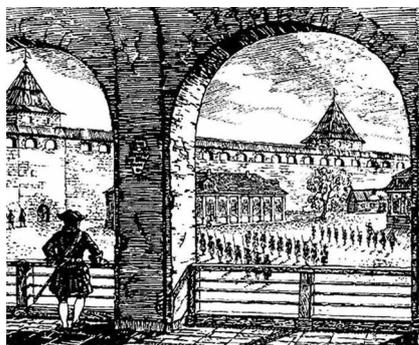
Но если нестерпимо было находиться в Шлиссельбурге господину коменданту и губернатору, как приходилось жить здесь рядовым работным людям?

Мы уже говорили, что при штурме крепости русские потери составили 538 человек убитыми и 925 ранеными.

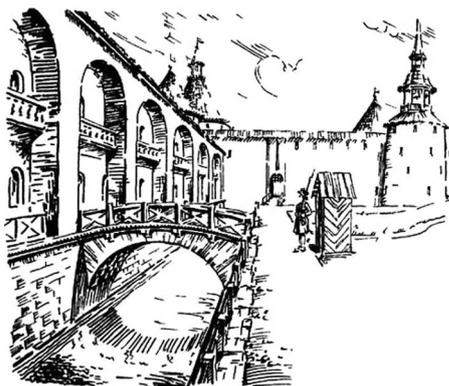
Восстановление крепости стоило гораздо дороже. Строительные потери обогнали военные меньше чем за год.

Как видно из отчета главы Канцелярии городских дел У.А. Синявина, из 2856 человек, согнанных в Шлиссельбург, работало 1504, остальные болели или умерли.

«Писал ты ко мне об олончанах, о двухстах человеках, которые в Шлютельбурхе на работах, что у них в запасах скудность, и я удивляюся Вам, что, видя самую нужду, без которой и пробыть не мочно, а ко мне описываетесь, – отвечал на это У.А. Синявину А.Д. Меншиков. – Прикажи им хлеб давать, провианту против их братии, и вперед того смотрите, чтоб з голоду не мерли».

Мост через канал у здания казарм

Вид с галереи на крепостной плац и дворец Петра I. XVIII век

Казалось бы, с началом строительства Санкт-Петербурга Шлиссельбург должен был утратить свое значение, однако строительные работы в крепости не только не сворачиваются, а, наоборот, набирают темп.

В 1715 году перед башней Меншикова построили последний, пятый, бастион, и тогда же началось строительство солдатской казармы, а на следующий год – строительство монетного двора.

И казармы, и монетный двор возводил архитектор И.Г. Устинов, а после его отъезда в Москву руководство работами принял на себя главный зодчий Санкт-Петербурга Доменико Трезини.

В 1718 году началось сооружение деревянного дворца А.Д. Меншикова, а через три года – постройка Деревянного дворца Петра I, или Государева дома.

Петр I явно не собирался отказываться от Шлиссельбурга.

В крепости находилась тогда шведская кирка, перестроенная из церкви, возведенной и освященной еще архиепископом новгородским Василием в 1352 году. Сейчас кирку приказано было обратить назад в православие. Но так как по размерам она была мала для громадного гарнизона крепости, то и приказано было к каменным стенам кирки пристроить деревянные части храма, а из самой кирки устроить алтарь и посвятить храм в честь Рождества Иоанна Предтечи²³.

«Пусть, – сказал Петр I, отдавая эти распоряжения, – взятие Нотебурга будет предтечею моих побед над шведами».

Петр I ежегодно старался приезжать 11 октября на остров, чтобы отпраздновать здесь годовщину взятия крепости.

В сопровождении сенаторов, министров и генералов он обходил крепость и, вспоминая окутанный облаками дыма Нотебург, рассказывал, что «под брешью вовсе не было пространства, на котором войска могли бы собраться и приготовиться к приступу, а между тем шведский гарнизон истреблял их гранатами и камнями».

По заведенному обычаю в день и час взятия крепости на острове звонил колокол.

И в каждый приезд обязательно поднимался Петр I на башню и долго смотрел на Ладогу.

Думал...

И о разгрызенном орехе тоже.

²³ Упоминается в документах и о других церквях Шлиссельбургской крепости. Благовещенская церковь в 1727 году была перенесена в Посад – нынешний город Шлиссельбург, а Успенская церковь закрыта. В 1802 году, в столетний юбилей взятия крепости, Успенскую церковь – она помещается в казарменном здании – снова возобновили, освятив ее в честь апостола Филиппа, память которого празднуется 11 октября, день взятия крепости.

Глава пятая

ЦАРСКАЯ ДРАМА

*Ни ли уразумеют вси делающий беззаконие, снедающими люди моя
в снесь хлеба; Господа не призваша.*

Псалом 13, ст. 4

Десятилетие после взятия Шлиссельбурга – время самых значительных побед и свершений Петра I.

Действительно...

Основан Санкт-Петербург, одержана Полтавская виктория, взяты у шведов Нарва, Рига, Выборг, Кексгольм...

Завершилось это победное десятилетие в 1711 году, когда, тайно обвенчавшись с Мартой Скавронской, бывшей любовницей Б.П. Шереметева и А.Д. Меншикова, Петр I отправился на войну с Турцией. Здесь, словно позабыв о накопленном военном опыте, он завел в окружение на реке Прут всю свою армию. В.В. Долгорукий и Б.П. Шереметев предлагали тогда «проложить дорогу штыками или умереть», но вице-канцлеру П.П. Шафирову, которому Петр I разрешил сулить туркам все, кроме Петербурга, удалось 12 июля заключить с визирем мир на сравнительно мягких условиях. Россия возвращала османам Азов, срывала Таганрог и Каменный Затон.

24 ноября 1714 года в память освобождения русской армии из турецкого окружения будет учрежден орден Святой Екатерины.

Первым орденом Петр I наградит свою супругу.

Екатерина Алексеевна оказалась достойной высокой награды и уже 29 октября 1715 года родила Петру I сына, царевича Петра Петровича, Пиотрушку.

Счастливые родители прозвали его Шишечкой, и уже через два дня Петр I заставил старшего сына, царевича Алексея, подписать отказ от притязаний на престол.

Алексей повеление отца исполнил и попросил отпустить его в монастырь, но у Петра I были на него другие планы...

1

С годами семейная жизнь первого русского императора переполняется трагическими коллизиями, и Шлиссельбургу суждено было превратиться в подмостки, на которых разыграется несколько сцен из этой страшной русской драмы.

Мы уже говорили о гибели под Шлиссельбургом саксонского посланника Киннигсека, в кармане которого найдут любовное письмо Анны Моне, но завязка драмы, которая называется «Семейная жизнь первого русского императора», начинается раньше.

Тогда, вернувшись в 1698 году из первого заграничного вояжа, Петр I вызвал в Москве Евдокию в дом почтмейстера Винуса.

«Почему, – топя ногами, кричал он, – повеления не исполнила? Как смела послушаться, когда я приказывал отойти в монастырь, и кто тебя научил противиться? Кто тебя удерживал?»

Когда царица начала оправдываться, что на ее попечении находится маленький сын, и она не знала, на кого ребенка оставить, сестра Петра – Наталья вырвала из ее рук царевича Алексея и увезла в своей карете в Преображенское.

Объяснений Петр потребовал и от патриарха.

Патриарх Адриан начал сбивчиво объяснять, что насильственное пострижение царицы во время отсутствия в Москве царя могло вызвать нехорошие толки... Дело кончилось тем, что арестовали одного архимандрита и четырех попов. Все они были допрошены, но казнить их Петр из-за недостатка времени не стал.

Дождаясь объяснений патриарха, Петр уже приказал свозить в Преображенское оставшихся в живых после недавнего розыска стрельцов, сейчас он целыми днями пропадал в Преображенском. Там, возле потешного Пресбурга, было устроено четырнадцать пыточных застенков.

Новый стрелецкий розыск, поразивший современников беспредельной жестокостью, Петр I начал 17 сентября, в день именин Софьи.

По свидетельству современников, все Преображенское с его потешным Пресбургом превратилось тогда в страшное пространство Преображенского приказа, где лилась кровь, и воздух наполнился криками безвинных людей, преданных лютым пыткам. Ежедневно здесь курилось до 30 костров с угольями для поджаривания стрельцов. Сам царь с видимым удовольствием присутствовал на этой похожей на жутковатую мистерию пытке.

23 сентября наконец-то устроены были на европейский лад семейные дела Петра I. Жену его, царицу Евдокию, увезли в Суздальский Покровский девичий монастырь и там насильно постригли в монахини под именем Елены...

Ну а 30 сентября состоялась первая массовая казнь стрельцов.

Их везли из Преображенского к Покровским воротам²⁴ на телегах, с зажженными свечами в руках. Здесь им был зачитан петровский указ:

«А у пуших воров и заводчиков ломаны руки и ноги колесами: и те колеса воткнуты были на Красной площади на колья; и те стрельцы, за их воровство, ломаны живые, положены были на те колеса и живы были на тех колесах не много не сутки, и на тех колесах стонали и охали...»

Петр в тот день, вечером был на пиру, устроенном Лефортом, и, по свидетельству современника, «оказывал себя вполне удовлетворенно и ко всем присутствующим весьма милостивым».

2

Так, с пострижения в монахини законной жены, матери наследника престола, с привезенного из Европы невиданной на Руси смертной пытки – колесования, и начиналась петровская европеизация нашей страны.

Иначе как сатанинской остервенелостью невозможно объяснить невероятную жестокость Петра в эти дни.

11 октября были казнены еще 144 стрельца.

12 октября. Казнено 205 стрельцов.

13 октября. Казнен 141 стрелец.

Поражает неутомимая изобретательность Петра I на все новые и новые зверства. Он сам лично отрубил головы пятерым стрельцам, а 17 октября приказал рубить головы стрельцам и своим ближайшим сотоварищам. Члены «кумпании», прошедшие школу «всешутейшего собора», легко справились с экзаменом. Князь Ф.Ю. Ромодановский отсек тогда четыре головы, а Александр Данилович Меншиков – недаром так любил его Петр! – обезглавил 20 стрельцов.

---

²⁴ Любопытно сравнить, когда у Евдокии вырвали ребенка, его повезли в Преображенское, а саму царицу – в Покровский монастырь.

Труднее было боярам. Превращая знатных представителей древних родов в палачей, Петр I не просто глумился над ними в устроенной мистерии, а ломал их.

«Каждый боярин, – пишет С.М. Соловьев, – должен был отсечь голову одного стрельца... Петр смотрел на зрелище, сидя в кресле, и сердился, что некоторые бояре принимались за дело трепетными руками».

Тем не менее, хотя и тряслись руки у бояр, с порученным делом справились все.

Всего 17 октября было казнено 109 стрельцов.

18 октября казнены еще 63 стрельца.

19 октября казнено еще 106 стрельцов.

21 октября сестру Петра I Софью постригли в монахини Новодевичьего монастыря с именем Сусанны. Когда после пострига она вернулась в свою келью, ее ждал подарок брата. 195 стрельцов были повешены им в этот день возле Новодевичьего монастыря. Трое из них – возле самых окон кельи сестры. В руки им были всунуты их челобитные. Эти трупы провисели в петлях пять месяцев.

К ноябрю со стрельцами было покончено.

16 московских стрелецких полков было раскассировано. Стрельцов разослали по разным городам и там записали в посадские люди.

Запрещено было принимать их в солдаты.

Через два года под Нарвой жестоко аукнулось России это добровольное разоружение ее Петром I...

Жестокие казни и насильственное заточение в монастыре жены совпали с указами о бритье бород.

Совпадение не случайное.

Петр I менял тогда все. Жену... Армию... Страну... В следующем году он изменит само русское время, введя новый календарь.

Немудрено, что за этими великими преобразованиями Петр I «позабыл», что и в монастыре надо бы устроить жену.

Евдокия – единственная из русских цариц, которая не получила при пострижении в монастырь прислуги, которой не было назначено никакого содержания.

Еще большие мучения, чем нищета и голод, доставляла Евдокии разлука с сыном.

3

Царевичу Алексею было тогда девять лет.

Семи лет от роду он научился читать и, конечно же, хорошо понимал, что происходило в семье.

После пострижения матери он жил под присмотром тетки, которая ненавидела его, но Алексей никак не проявил недовольства отцом, обрекшим его на такую жизнь. У него хватило сил преодолеть свое детское горе, и он много и достаточно успешно учился.

Обучение Алексея совмещалось в отличие от отца не с играми в потешные полки, а с реальной службой...

Одиннадцати лет от роду Алексей ездил с отцом в Архангельск, двенадцати лет был взят в военный поход и в звании солдата бомбардирской роты участвовал 1 мая 1703 года во взятии крепости Ниеншанц.

В четырнадцать во все время осады Нарвы царевич Алексей неотлучно находился в войсках. Когда город был взят, Петр сказал сыну речь в присутствии всех генералов:

«Сын мой! Мы благодарим Бога за одержанную над неприятелем победу. Победы от Бога, но мы не должны быть нерадивы и все силы обязаны употреблять, чтобы их приобрести. Для того взял я тебя в поход, чтобы ты видел, что я не боюсь ни труда, ни опасности.

Понеже я, как смертный человек, сегодня или завтра могу умереть, то ты должен убедиться, что мало радости получишь, если не будешь следовать моему примеру. Ты должен, при твоих летах, любить все, что содействует благу и чести твоего Отечества, верных советников и слуг, будут ли они чужие или свои, и не щадить никаких трудов для блага общего. Как мне невозможно с тобой всегда быть, то я приставил к тебе человека, который будет вести тебя ко всему доброму и хорошему. Если ты, как я надеюсь, будешь следовать моему отеческому совету и примешь правилом жизни страх Божий, справедливость и добродетель, над тобой будет всегда благословение Божие; но если мои советы разнесет ветер, и ты не захочешь делать то, чего желаю, я не признаю тебя своим сыном и буду молить Бога, чтобы он наказал тебя в сей жизни и будущей.

– Всемиловитивейший государь, батюшка! – восторженно отвечал Алексей. – Я еще молод и делаю что могу. Но уверяю ваше величество, что я, как покорный сын, буду всеми силами стараться подражать вашим деяниям и примеру. Боже сохрани вас на многие годы в постоянном здоровье, чтобы я еще долго мог радоваться столь знаменитым родителем!»

19 декабря 1704 года на триумфальном шествии в Москве царевич Алексей у Воскресенских ворот поздравил Петра I с победою и по окончании приветствия встал в ряды Преображенского полка в строевом мундире.

Петр I упрекал потом сына за то, что он так и не полюбил войны. Упрек этот, несомненно, имеет основание, но с моральной точки зрения все перевернуто тут с ног на голову.

Цесаревич Алексей

Вот если бы Алексей, который с двенадцати лет познакомился с реальной, а не игровой войной, полюбил ее кровь, смерть и страдание, действительно следовало бы задуматься о проблемах его развития.

Но сам Петр I продолжал увлекаться войной, как детской забавой, и ему непонятно было, что для царевича Алексея война является, хотя и необходимым, но неприятным трудом.

Причем с делом этим Алексей справлялся вполне успешно. Когда ему было семнадцать лет, отец послал его в Смоленск для заготовки провианта и сбора рекрутов. С этим поручением царевич справился, и ему велено было подготовить Москву к возможной осаде от шведов. Алексей – эта деятельность царевича отражена в полусотне писем, отправленных Петру I, – руководил ремонтом и сооружением новых укреплений в Китай-городе и Кремле.

Ну а в 1709 году царевич привел в Сумы пять собранных им полков. Как пишет Гизен, «царское величество так был тем доволен, что ему публично показал искренние знаки отеческой любви».

Было тогда Алексею всего девятнадцать лет.

При этом, исполняя столь сложные и ответственные поручения, царевич продолжал учебу.

К двадцати годам он свободно владел немецким и французским языками, неплохо знал историю, любил читать труды отцов Церкви. Точные науки давались ему труднее, но царевич проявлял необходимое упорство в изучении математики и фортификации...

Мы говорим все это, чтобы показать, что никаких объективных причин для недовольства сыном у Петра I не могло быть. По уровню своего образования и реального опыта Алексей превосходил большинство русских царей.

Напомним, что сам Петр I в этом возрасте еще только развлекался строительством ботика «Святитель Николай» на Плещеевом озере.

Сам Петр I, собственно говоря, сыном был доволен.

Он делал Алексею внушения, поругивал его, даже бивал, но все это, учитывая взрывной темперамент первого русского императора, не выходило за рамки обычаев, установленных при петровском дворе.

Настоящий гнев Петра I вызвало только одно прегрешение царевича. В 1706 году шестнадцатилетний Алексей самовольно навестил мать в Суздальском монастыре. Тетка Наталья Алексеевна немедленно «настучала» царю о проступке племянника, Алексей был призван в Жолкву, в Галиции, где и получил нагоняй от отца.

Однако нагоняем тогда и ограничилось взыскание.

И так все продолжалось до 1711 года, пока, отправляясь в Прутский поход, Петр I не обвенчался с будущей русской императрицей Екатериной Алексеевной...

4

Чернобровая красавица появляется в русской истории 25 августа 1702 года, когда войска Б.П. Шереметева взяли Мариенбург (Алуконе).

Среди пленных оказалась круглолицая служанка пастора Глюка – Марта.

Она обладала богатырским здоровьем и незаурядной физической силой, позволявшей легко переносить тяготы походной жизни.

Поначалу Марта обреталась у фельдмаршала Шереметева в качестве прачки, а потом перебралась к Меншикову. В 1705 году 23-летнюю красавицу привезли Петру I, и из Марты она превратилась в Екатерину Васильевскую.

Особенно хороши были глаза новой сожительницы Петра – черные, большие, живые, пронзительные...

Когда говорят о Петре I, почему-то стараются не вспоминать, что царь на Руси – это не только верховный правитель, но, прежде всего, помазанник Божий, священный чин. И русские цари появлялись в схожих со священническими одежаниях не потому, что они удобно чувствовали себя в одежде из тяжелой парчи, а потому что этого требовало их звание. Православие для русского царя не было его личным делом, православие – это содержание мистического договора, в который вступил он с Богом и со своими подданными, это его жизненный путь, главный руководящий мотив его деятельности. Русский царь был связан с народом, над которым он царствовал, не пунктами неких кондиций, а православной верой, православной моралью...

Петр I, который осмысливал свою деятельность исключительно в теократических категориях²⁵, никогда и не помышлял отказываться от сана помазанника Божия, он хотел отка-

---

²⁵ «Господь Бог нынешнюю кампанию так счастливо начати благоволил», «Завтра надеемся увидеть врага, милость Божия да будет с нами», «Всемогущий Господь соизволил почтить Россию», «Зело желаю, чтоб весь наш народ прямо узнал, что Господь Бог прошедшей войной и заключением мира нам сделал. Надлежит Бога всюю крепостию благодарить»,

заться (и отказался!) лишь от обязанностей, связанных с этим саном. Это было невозможно, но Петр I, никогда не веривший в чудеса, всегда верил – упорство его в этом пункте было маниакальным, почти безумным! – в то, что и *небываемое бывает*...

С материалистической точки зрения демонстративно выставленный напоказ роман Петра I со шлюхой из Немецкой слободы никак не связан с катастрофой русской армии под Нарвой в 1700 году.

Но с материалистической точки зрения невозможно понять и того, почему, узнав о приближении армии Карла XII, Петр I в сопровождении Александра Меншикова и главнокомандующего фельдмаршала Ф.А. Головина трусливо бежит в Новгород, оставив перед решающим боем войска без управления, бросив свою армию на верную гибель...

Сам Петр I в «Истории Свейской войны» объяснял свое бегство из армии перед сражением надобностью «идушие достальные полки побудить к скорейшему приходу под Нарву, а особливо, чтоб иметь свидание с королем польским». Историки девятнадцатого века таким нелепым объяснением ограничиться не могли и придумывали, что Петр I якобы собирался укрепить оборону Новгорода и Пскова.

Петр I

Екатерина I

С.Ф. Платонов прямо пишет, что, «зная мужество и личную отвагу Петра, мы не можем объяснить его отъезд малодушием»...

С этим не согласиться нельзя. Трусом Петра I действительно назвать трудно.

Но чем же тогда объяснить его бегство?

Увы, никаких материалистических объяснений этому нет. Точно так же, как нет приемлемого объяснения прутской трагедии, случившейся через несколько месяцев после тай-

---

«Так воля Божия благоволила и грехи христианские допустили... Но мною, что праведный Бог может к лучшему сделать».

ного венчания Петра I с его новой сожительницей. Ведь в 1711 году за спиной Петра I уже была Полтава.

Хотя Петру и пришлось заплатить за обучение военному ремеслу потоками русской крови, бездарно пролитой в начале войны, но он все-таки выучился воевать. По общему мнению, и сама Полтавская битва, и предшествующие сражения и маневры были осуществлены Петром I блестяще.

И вот после этого – нелепейшие просчеты и ошибки Прутского похода! Такое ощущение, как будто Петр I, заведший в окружение свою армию на Пруте, никогда не бывал под Полтавой.

Именно невозможность сыскать мало-мальски подходящее объяснение этим двум самым большим и самым нелепым военным поражениям Петра I и заставляет нас вернуться к мысли, что связь между этими военными катастрофами и сумасбродным нарушением всех уставов и приличий, соблюдение которых необходимо для помазанника Божия, все-таки существуют.

Более того...

Попраение своего царского сана и последующая военная трагедия следуют в такой пугающей близости друг к другу, что не заметить их невозможно.

И каким-то особым смыслом наполняется смирение царевича Алексея, с которым он исполняет повеление отца и женится на подобранной отцом немецкой принцессе.

С одной стороны, эта женитьба поддерживала пошатнувшуюся репутацию России на международной арене и при этом одновременно становилась попыткой восстановления того мистического договора, который был разорван очередным сумасбродством Петра I.

Мы не знаем, каким полководцем оказался бы царевич Алексей...

Его жизнь прервалась не на поле битвы, а в отцовском застенке. И было тогда царевичу двадцать восемь лет. Ровно столько же, сколько отцу, когда он бежал из-под Нарвы, бросив свою армию перед сражением.

В истории нет сослагательного наклонения, и бессмысленно гадать о том, чего никогда не было. Да и не нужно это, чтобы увидеть духовное торжество подлинно царского смирения царевича Алексея над портовым сумасбродством Петра I. Для этого достаточно просто внимательно посмотреть на события реальной истории...

5

Кампанию по уничтожению сына Петр I развернул в 1715 году, не имея никаких объективных поводов для недовольства сыном. Царевич Алексей не был гением, но не был и ленивым увальнем, как это утверждают апологеты Петра I.

Не был он и врагом отца. Разумеется, он любил мать, сочувствовал ее положению, но этим только и ограничивалось несогласие с отцом.

Поводы для недовольства Петра I надобно искать не в царевиче, а в новой семье императора.

Кухарка Марта, превратившись в Екатерину Алексеевну и поднявшись на русский трон, так и оставалась кухаркой. Вильгельмина Байрейтская вспоминала, что, приехав к ним в 1719 году, «царица (Екатерина. – Н. К.) начала с того, что принялась целовать у королевы руки, причем проделала это много раз».

Как и положено кухарке, Екатерина проявляла очень много женской ловкости и очень мало государственной мудрости. Она не давала Петру никаких советов, только выказывала удовольствие и радость от сообщаемых новостей и, играя так, приобретала все большее и большее влияние на царя.

Мы говорили, что в письмах 1706–1709 годов Петр называет Екатерину «маткой».

Считается, что у Петра и Екатерины было пятеро незаконнорожденных детей. Павел и Петр умерли в 1707 году еще в доме Меншикова. Дочь Екатерина умерла в 1708 году. Выросли только две дочери: Анна, ставшая матерью императора Петра III, и Елизавета, ставшая русской императрицей...

Постепенно в письмах Петра I обращение «матка» меняется на «мудер», а в 1716 году, когда Екатерина становится матерью Пиотрушки, впервые появляется обращение – «Катеринушка, друг мой сердешный»...

Словно сквозь зубы, выцеживаются эти слова сквозь годы Петровской эпохи...

Письма беременной Екатерины Петру показывают, насколько по-женски умной была она. Сын еще не родился, а она: «Прошу, батюшка мой, обороны от Пиотрушки, понеже немалую имеет он со мною за вас ссору, а именно за то, что когда я про вас помяну ему, что папа уехал, то не любит той речи, что уехал, но более любит то и радуется, как молвишь, что здесь папа», – уже сумела сделать его реальным участником жизни отца.

Упрекать Екатерину невозможно. Она – мать, и она действует, как мать. Пиотрушка – ее восьмой ребенок и на него возложены большие надежды...

Но слова Екатерины падают в такую почву, во тьме которой зарождается чудовищное преступление сыноубийства.

«Дорогой наш шишечка часто своего дражайшего папа упоминает и при помощи Божией, во свое состояние происходит и непрестанно веселится муштрованием солдат и пушечною стрельбою»...

«Шишечка наш, при помощи Божией во свое состояние приходит»...

Семья царевича Алексея и семья Петра I – погодки²⁶. Параллельно с появлением новых наследников в семье императора, появляются дети и в семье царевича Алексея.

Рождение их Екатерина воспринимала, как прямую угрозу своим детям, и она сумела устроить так, что как только появился у царевича Алексея сын (будущий русский император Петр II), война на уничтожение царевича переходит в решающую стадию.

Отметим справедливости ради, что Петр I не сразу выступил в поход. Более того, есть явные свидетельства, что он пытался уберечь семью сына от происков Екатерины и Меншикова.

6

В 1714 году, когда кронпринцесса Шарлотта должна была разрешиться от бремени, царь приставил к ней двух доверенных женщин, госпожу Брюс и князь-игуменью Ржевскую.

«Я не хотел бы вас трудить, – написал он невестке из-под Ревеля, – но отлучение ради супруга вашего, моего сына, принуждает меня к тому, дабы предварить лаятельство необузданных языков, которые обыкли истину превращать в ложь... дабы о том некоторой анштальт учинить, о чем вам донесет г. канцлер, граф Головкин, по которому извольте неотменно учинить, дабы тем всем, ложь любящим, уста заграждены были».

Кронпринцесса была удивлена, но желанию свекра перечить не посмела.

«По указу вашему, у ее величества у кронпринцессы, я и Брюсова жена живем и ни на час не отступаем... – доносила Ржевская. – Ия обещаюсь самим Богом, еже-ей-ей, ни на великие миллионы не прельщусь, и рада вам служить от сердца моего, как умею».

«Что это значит? – приводя эти письма, задавался вопросом М. Погодин. – Какой анштальт учинить предполагал Петр? Какие подозрения и в ком возбуждала богобоязненная кронпринцесса? Не боялся ли он подлога в случае неблагоприятного разрешения? Кажется,

---

²⁶ Публичная свадьба Петра I состоялась в 1712 году

так поняла и кронпринцесса, в ответе своем именно сказавшая: „...и на уме мне не приходило намерение обмануть ваше величество и кронпринца!“

Если же Петр боялся подлога, то, значит, рождение детей у сына занимало его сильно».

Но так было в 1714 году, когда кронпринцесса рожала дочь Наталью... 12 октября 1715 года роды проходили совсем в другой обстановке.

«Замечали при царском дворе зависть за то, что она родила принца, – доносил Плейер, – и знали, что царица тайно старалась ее преследовать, вследствие чего она была постоянно огорчена... Деньги, назначенные на ее содержание, выдавались очень скупо и с затруднениями... Смерти принцессы много способствовали разнородные огорчения, которые она испытывала».

Об этом же рассказывал в Вене и царевич Алексей...

«Отец ко мне был добр, но с тех пор, как пошли у жены моей дети, все сделалось хуже, особенно когда явилась царица и сама родила сына. Она и Меншиков постоянно вооружали против меня отца; оба они исполнены злости, не знают *ни Бога, ни совести*» (курсив мой. – Н. К.).

Обратимся далее к сухой хронике...

22 октября 1715 года. Не оправившись после родов будущего русского императора Петра II, кронпринцесса умерла.

28 октября. После похорон принцессы Петр I в доме царевича во время поминок публично отдает сыну написанное еще в Шлиссельбурге письмо с требованием «нелицемерно исправиться».

«Егда же сию Богом данную нашему отечеству радость (победы над шведами) рассматривая, обозрюсь на линию наследства, едва не равная радости горесть меня снедает, *видя тебя наследства весьма на правление дел государственных непотребного* (Бог не есть виновен, ибо разума тебя не лишил, ниже крепость телесную весьма отъял: ибо хотя не весьма крепкой природы, обаче не весьма слабой); паче же всего *о воинском деле ниже слышать хочешь, чем мы от тьмы к свету вышли* и которых не знали в свете, ныне почитают. Я не научаю, чтобы охоч был воевать без законные причины, но любить сие дело и всею возможностью снабдевать и учить: ибо сия есть едина из двух необходимых дел к правлению, еже распорядок и оборона... Аще кладешь в уме своем, что могут то генералы по повелению управлять, но сие воистину не есть резон, ибо всяк смотрит начальника, дабы его охоте последовать, что очевидно есть, ибо во дни владения брата моего не все ли паче прочего любили платье и лошадей, а ныне оружие? Хотя кому до обоих и дела нет, и до чего охотник начальствуй, до того и все, а отчего отвращается, от того все. И аще сии легкие забавы, которые только веселят человека, так скоро покидают, кольми же паче сию зело тяжкую забаву (сиречь оружие) оставят! К тому же, не имея охоты, ни в чем обучаешься и так не знаешь дел воинских. Аще же не знаешь, то како повелевать оными можешь и как доброму доброе воздать и нерадивого наказать, не зная силы в их деле? Но принужден будешь, как птица молодая, в рот смотреть. Слабостию ли здоровья отговариваешься, что воинских трудов понести не можешь? Но и сие не резон! Ибо не трудов, но охоты желаю, которую никакая болезнь не может...

Сие все представляя, обращусь паки на первое, о тебе рассуждати: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с помощью Вышнего насаждение и уже некоторое и возвращенное оставлю? Тому, иже уподобился ленивому рабу евангельскому, вкопавшему талант свой в землю (сиречь все, что Бог дал, бросил)! Аще же и сие вспомяну, какова злого нрава и упрямого ты исполнен! Ибо сколько много за сие тебя бранивал, и не тобою бранивал, но и бивал, к тому же сколько лет, почитай, не говорю с тобой, но ничто сие успело, ничто пользует, но все даром, все на сторону, и ничего делать не хочешь, только б дома жить и им веселиться, хотя от другой половины и все противно идет. Однако ж всего лучше, всего дороже безумный радуется своею бедою, не ведая, что может от того следовать (истину

Павел святой пишет: како той может церковь Божию управить, иже о доме своем не радит?) не точию тебе, но и всему государству.

Что все я с горестию размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо избрал сей последний тестамент тебе написать и еще мало пождать, аще не лицемерно обротить. Ежели же ни, то известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангрезный, и *не мни себе, что один ты у меня сын* (курсив мой. – Н. К.) и что я сие только в устрастку пишу: воистину (Богу извольшу) исполню, ибо я за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то как могу тебя, непотребного, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, чем свой непотребный».

29 октября. Рождение Петра Петровича – сына Петра I и Екатерины Алексеевны.

31 октября. Отказ царевича Алексея от притязаний на престол. Алексей просит отца отпустить его в монастырь.

Нет никакой нужды анализировать содержание упреков в письме Петра I.

Что такое «нелицемерно исправиться»?

Историки часто упрекают Алексея в притворстве, в равнодушии к отцовским делам. И вместе с тем никто из них не отрицает, что Алексей всегда старался угодить деспоту-отцу: прилежно учился, выполнял все приказы и поручения и никогда, как это говаривали в старину, не выходил из-под его воли.

Мы уже говорили, что царевич Алексей действительно не любил войны. Война никогда не была для него игрой, которую можно бросить в любой момент. Войну царевич воспринимал как тяжелую и грязную работу... Он достаточно исправно, несмотря на молодые годы, исполнял этот труд, но радоваться крови и грязи войны так и не научился.

Однако Петру, который сам в двадцативосьмилетнем возрасте бросил на произвол судьбы всю свою армию перед сражением под Нарвой, упрекать сына за неготовность воевать по меньшей мере неосмотрительно. Это как раз проявление того поразительного ханжества и лицемерия, которые Петр I так не любил в других, но которых в самом себе никогда не замечал.

Ни о чем, кроме поразительного ханжества Петра I, не свидетельствует и его письмо сыну. Гораздо более интересными представляются его слова: *не мни себе, что один ты у меня сын...*

Как показывают исследования, письмо было написано 11 октября, накануне рождения сына Алексея Петра, а отдал его Петр I накануне рождения своего сына.

«В недоумение приходит всякий здравомыслящий и беспристрастный исследователь, – говорит М.П. Погодин. – Что за странности? Царь пишет письмо к сыну с угрозой лишить его наследства, но не отдает письма, и на другой день по написании рождается у царевича сын, новый наследник; царь держит у себя письмо и отдает только через 16 дней, в день погребения кронпринцессы, а на другой день после отдачи рождается у него самого сын! Вопросы, один за другим, теснятся у исследователя. Если Петр написал письмо в показанное число в Шлиссельбурге, то зачем не послал его тотчас к сыну? Зачем держал 16 дней, воротясь в Петербург? Рождение внука должно б было изменить решение: если сын провинился, то новорожденный внук получал неотъемлемое право на престол! Зачем бы определять именно число? Пролежало оно 16 дней в кармане, для чего же напоминать о том, для чего напирать, что письмо писано за 16 дней? Ясно, что была какая-то задняя мысль».

Увы... Эта «задняя мысль» слишком очевидна, и даже – можно сказать и так! – неприлично очевидна.

Вопреки обычаю, праву и здравому смыслу Петр I прилагает отчаянные усилия, чтобы не допустить на русский престол не только своего сына Алексея, но и внука – будущего императора Петра II. Все силы измученного болезнью, впадающего в припадки ярости импе-

ратора оказываются направленными на то, чтобы отобрать престол у русской ветви своей семьи.

И когда, пытаясь проследить связанные с этим события, видишь, как много энергии и изобретательности было растрчено Петром Великим в борьбе с собственными сыном и внуком, – становится страшно...

7

К сожалению, даже когда были опубликованы все документы, связанные с делом царевича Алексея, наши историки (за исключением, может быть, только М.П. Погодина и Н.И. Костомарова) продолжали заниматься попытками оправдать Петра I, нежели анализом подлинных причин трагедии.

Стремление вполне понятное...

Эти историки, следуя в кильватере политики культа Петра I, и здесь, заранее, априори переносили всю вину на царевича, дабы нечаянно не бросить тень на монументальный образ Петра Великого.

Между тем мотивы антипатии Петра I очевидны и легко объяснимы. Алексей был сыном от нелюбимой, более того – ненавистной жены. И какие бы способности ни проявлял он, как бы терпеливо ни сносил упреки и притеснения, все это не имело значения для отца, не могло переменить его мнения о сыне.

В деспотически-самодержавном сознании Петра I личностное легко сливалось с государственным, переплеталось, подменяло друг друга. В царевиче Алексее – сыне от ненавистной жены Евдокии Лопухиной – Петр I видел, прежде всего, то русское, духовное начало жизни, которое он стремился выкорчевать навсегда по всей стране...

И даже если допустить, что Алексей и по характеру своему, и по душевному складу, и по воспитанию олицетворял только русскую косность – а это все-таки ничем не подкрепленное допущение! – то все равно: можно ли от живого человека требовать, чтобы он вот так, вдруг, переменял свою душу?

Потребовать-то, конечно, можно, только вот исполнить подобное требование не удалось еще никому...

Сам Петр I наверняка понимал это.

И Алексей тоже понимал, что требование «нелицемерно исправиться» на самом деле содержит приказ самоустраниться, каким-то образом самоуничтожиться, освобождая дорогу только что родившемуся Шишечке.

Достоин и мужественно Алексей ответил отцу 31 октября, что он отказывается от притязаний на престол и просит отпустить его в монастырь.

Но Алексей – не для Петра I, а для уже родившегося Шишечки! – опасен и в монастыре. В царевиче Алексее видит измученная страна избавление от тягот и несправедливостей петровского режима. Алексей – надежда огромной империи, миллионов и миллионов людей. И кто даст гарантию – нашептывали Петру сановники, которые *не знали ни Бога, ни совести*, – что оскорбленная, растоптанная русская старина не выведет Алексея из монастыря после смерти Петра? Не провозгласит царем, отталкивая от престола обожаемого Шишечку?

Нет, Петр I и сам видел, что нет этой уверенности.

А раз так, значит, и действовать нужно иначе. Алексея необходимо не в монастырь заточить, а уничтожить физически. Тем более что вместе с ним будут уничтожены и надежды страны на возвращение к тому пути, по которому шла Святая Русь...

Совершить задуманное казалось непросто. Все-таки Алексей был законным наследником престола...

Но на стороне императора – самодержавная власть, бесконечная сила воли, зрелый ум, житейская опытность и, разумеется, дьявольская хитрость советников.

8

Интрига, задуманная Петром I и его сподвижниками, разыгрывается почти как на театральных подмостках.

Петр I отклоняет просьбу сына, запретив принять монашеский сан. Отправляясь за границу, он приказывает сыну «подумать»...

Психологически расчет очень точный. Петр I знает и о мечтательности сына, и о его привязчивости. И он не ошибается. Уже отрекшийся было от мирской жизни, Алексей начинает мечтать, строить планы.

Преградой на пути в монастырь становится и Евфросиния – женщина, которую он полюбил... Крепостная Н.К. Вяземского, воспитателя царевича Алексея, сумела не на шутку влюбить его в себя. Некоторые исследователи полагают, что Евфросиния была шпионкой Меншикова, и «светлейший» подсунил ее царевичу, исполняя давно задуманный план.

Как бы то ни было, но именно Евфросиния отвлекает царевича от спасительных – речь идет не только о нравственном, но и физическом, и политическом, и даже историческом спасении – мыслей о монастыре.

Счастье сына, разумеется, не цель Петра I, а лишь средство достижения задуманного. Едва только разгорается в мечтательном Алексее надежда на счастье – какой безжалостно точный расчет! – курьер вручает ему новое письмо. Алексей немедленно должен ехать за границу или, не мешкая, отправиться в монастырь.

В самой возможности выбора и заключалась ловушка. Возможность бежать от деспота-отца, который – Алексей уже знал это! – в монастыре не даст ему покоя, прельстила царевича.

Ловушка сработала. Алексей принял решение – бежать. Хитроумный капкан защелкнулся... Дальше – вынуть добычу из капкана – было делом техники.

Прибыв в Вену, царевич Алексей явился к вице-канцлеру графу Шенборну и просил того о покровительстве императора. Убежище Алексею было предоставлено. Царевича отправили в тирольский замок Эренберг и скоро туда прибыли тайный советник П.А. Толстой и гвардии капитан А.И. Румянцев. Алексея Петровича перевели в Неаполь, в замок Сент-Эльмо, но посланцы отца легко нашли его и там. Они уговаривают Алексея Петровича вернуться, обещая отцовское прощение.

Это с легкостью подтвердил и сам Петр I.

«Мой сын! – писал он царевичу Алексею 17 ноября 1717 года. – Письмо твое, в 4-й день октября писанное, я здесь получил, на которое отвечаю, что просишь прощения, которое уже вам перед сим, через господ Толстова и Румянцева, письменно и словесно обещано, что и ныне подтверждаю, в чем будь весьма надежен...»

Дата этого письма совпадает с подготовкой к церемонии поставления на место умершего Никиты Зотова нового князя-папы Петра Ивановича Бутурлина, которая проводилась Петром I в Преображенском.

Обряд этот во всех тонкостях разработал сам Петр I.

«Поставляющий глаголет: „Пьянство Бахусово да будет с тобою, затмевающее и дрожающее, и валяющее и безумствующее ты во вся дни жизни твоя“.

Далее в дело вступали жрецы с пением:

„О всепьянейший отче Бахусе, от сожженные Семиллы рожденный, из юпитеровой (неприличное слово) возвращенный! Изжателю виноградного веселия и проведенному оною сквозь огонь и воду, ради вящья утехи возследователем вашим! Просим убо тебя со всем сим

всепьянейшим собором: умножи сугубо и настави сего вселенского князь-цезаря стопы во еже тещи вслед тебе! И не точию тещи сему, но и во власти сущих вести. Также да вси последуют стопам твоим! И ты, всеславнейшая Венус, множа умножи от своего (неприличное слово) к сего заднему! Аминь!“»

Хотя тексты эти и были опубликованы М.И. Семевским в работе «Петр Великий как юморист», но право же, более чем шуточное представление, они напоминают некий сатанинский обряд.

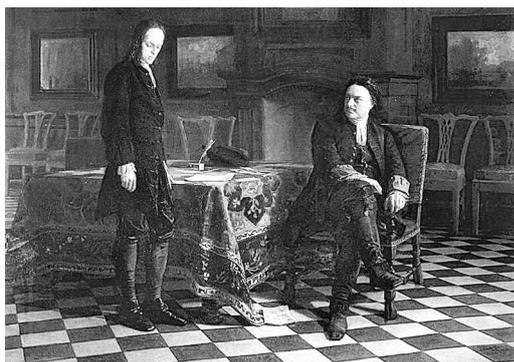
И поскольку по времени все совмещается с ожиданием в Преображенском царевича Алексея, зловещая тень этого «обряд» ложится и на затеянное Петром «следствие».

В последний день января 1718 года Алексея привезли в Москву, а третьего февраля – Петр I и не собирался вспоминать, что обещал простить сына! – был оглашен манифест об отрешении царевича от престола и сразу же произведены аресты среди его друзей.

В петровских застенках применялись такие изощренные пытки, что и мужественные, не раз смотревшие в лицо смерти, стрельцы становились здесь болтливыми, словно бабы, и возводили на себя и на своих друзей любую напраслину.

Но об обмане, на который пошел Петр I, заманивая царевича на расправу, написано достаточно много, точно так же, как и о жестокости пыток, под которыми умер царевич...

Сейчас скажем только, что 27 июня 1718 года, на следующий день после зверского убийства сына, Петр I составит инструкцию своим заграничным министрам, как следует описывать кончину Алексея.

Н. Ге. Петр допрашивает своего сына царевича Алексея Петровича в Петергофе

После объявления сентенции суда царевичу «мы, яко отец, боримы были натуральным милосердием подвигом, с одной стороны, попечением же должным о целости и впредь будущей безопасности государства нашего – с другой, и не могли еще взять в сем зело многотрудном и важном деле своей резолюции. Но всемогущий Бог, восхотев чрез собственную волю и праведным своим судом, по милости своей нас от такого сумнения, и дом наш, и государство от опасности и стыда свободити, пресек вчерашнего дня его, сына нашего Алексея, живот по приключившейся ему по объявлении сентенции и обличении его толь великих против нас и всего государства преступлений жестокой болезни, которая вначале была подобна апоплексии. Но хотя потом он и паки в чистую память пришел и по должности христианской исповедовался и причастился Св. Тайн и нас к себе просил, к которому мы, презрев все досады его, со всеми нашими зде сущими министры и сенаторы пришли, и он чистое исповедание и признание тех всех своих преступлений против нас со многими покаятельными слезами и раскаянием нам принес и от нас в том прощение просил, которое мы ему по христианской и родительской должности и дали; и тако он сего июня 26, около 6 часов пополудни, жизнь свою христиански скончал».

Как это было сказано в записке, озаглавленной «О блаженствах против ханжей и лицемеров»?

Главный грех – ханжество и лицемерие... Ибо первое дело ханжей – сказывать видения, повеления от Бога и чудеса все вымышленные, которых не бывало; и когда сами оное вымыслили, то ведают уже, что не Бог то делал, но они...

Но что же делает сам Петр I, объявляя, что Всемогущий Бог, восхотев чрез собственную волю и праведным Своим судом, по милости Своей нас от такого сумнения, и дом наш, и государство от опасности и стыда свободити, пресек вчерашнего дня его, сына нашего Алексея, живот? Ведь Петр же знает, что его сын умер под пытками, которым его подвергли по его приказу! Это действительно верх лицемерия... Говорить такое мог только человек, действительно *страха Божия не имущий*.

9

Когда в Москве рвали ноздри у друзей и близких царевича, резали языки, сажали их на колья, и появилась в Шлиссельбурге первая узница – ею стала сводная сестра государя, царевна Мария Алексеевна.

Родилась она от брака царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской, и хотя никогда не вмешивалась в кремлевские интриги, но добрые отношения с сестрой, царевной Софьей Алексеевной, делали Марью Алексеевну подозрительной в глазах Петра I. Ну а симпатия к несчастной царице Евдокии, которую Марья Алексеевна не умела скрыть, окончательно изобличила «государственную преступницу».

На допросе царевны выяснились ужасающие подробности совершенного ею преступления. Открылось, что и после пострига царицы Евдокии Мария Алексеевна продолжала поддерживать с ней связь, передавала письма Алексея и даже деньги!

Более того... Когда Мария Алексеевна после лечения в Карлсбаде возвращалась в Москву, она встретила, оказывается, с царевичем Алексеем, уезжающим за границу, и заставила его написать письмо матери.

Задавали во время жестоких пыток вопрос об этой встрече и царевичу Алексею и выяснили, что «царевна Марья ведала о его побеге и говорила, что в (народе) осуждают отца, будто он мясо ест в посты и мать (Алексея) оставил».

«Тогда первосвященник, разодрав одежды свои, сказал: на что еще нам свидетелей?» – свидетельствует Евангелие.

Так и Петр I.

Доказав себе, что царевна Мария Алексеевна участвовала в государственном преступлении, он с легким сердцем заточил шестидесятилетнюю сестру в Шлиссельбургскую крепость.

По некоторым сведениям, царевну Марию Алексеевну в дальнейшем – отходчивое сердце было у ее державного брата! – перевели под домашний арест в особый дом в Петербурге.

Однако расплывчатость и неопределенность сведений о конце ее жизни позволяет предположить, что перевалившая на седьмой десяток царевна в Шлиссельбурге и завершила свой жизненный путь.

Считается, что деревянные хоромы, возведенные И.Г. Устиновым для Марии Алексеевны, стали первым тюремным зданием крепости. Эти деревянные светлицы в 1720 году были разобраны и отправлены водою в Санкт-Петербург.

Ну а царевич Алексей умер 26 июня 1718 года под пытками в Трубецком раскате Петропавловской крепости.

Из книг «Гарнизона»²⁷ мы знаем, что в этот день Петр I со своими ближайшими сподвижниками ездил в крепость и там «учинен был застенок». Видимо, государь снова пытал сына.

И так пытал, что тот нечаянно умер на пытке.

На радостях Петр I устроил на следующий день бал в Петербурге по случаю годовщины Полтавской битвы.

Он не знал еще, что Петр Петрович (Шишечка), второй его сын, ради которого и был замучен царевич Алексей, умрет уже на следующий год. При вскрытии выяснится, что Петр I напрасно освобождал ему путь к престолу – Шишечка был неизлечимо болен от рождения.

На этом и завершается драма, которую можно было бы назвать «Семейная жизнь первого русского императора». Начинается драма, которую предстояло пережить уже всему русскому народу, всей России.

Как пишет историк Д.И. Иловайский, «недостаток национальной политики в течение петербургского периода имеет своим началом излишнее преклонение Преобразователя перед иноземщиной и крайне неуважительное отношение к своей коренной народности, к ее вековым преданиям и обычаям, многие из коих заслуживали более бережного с ними обращения, а не жестоких пыток и казней или глумления над ними всепьянейшего собора, беспощадного брадобрития и т. п. Петр далеко не оценил громадных жертв, принесенных народом ради завоевания балтийских берегов, не оценил преданного, даровитого русского племени, которое сумело бы без особого принуждения усвоить себе действительно нужные и полезные преобразования, и только страстная натура царя, его нетерпеливость, тирания и не всегда присущее умение отличить необходимые реформы от несущественных вызывали в народной среде ропот и дух противоречия, доходивший иногда до явного неповиновения, особенно со стороны приверженцев старого церковного обряда, которые видели в нем даже антихриста. Культурный разрыв наружно европеизованных высших классов с народною массою, а также недостаток единения царя с коренным русским народом начались именно с Петра Великого. Этот недостаток единения поддерживался и усиливался благодаря в особенности немецким бракам, каковые явились одною из наиболее упрочившихся Петровских реформ».

---

²⁷ Записная книга С.-Петербургской гарнизонной канцелярии.

Глава шестая **«СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ» И СВЯТОЙ** **КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ.** **ЗАТОЧЕНИЕ В ШЛИССЕЛЬБУРГЕ**

*Не спасается царь многою силою, и исполн не спасется
множеством крепости своея.*

*Ложь конь во спасение, во множестве же силы своея не
спасется.*

Псалом Давида 32, ст. 16-17

К концу жизни Петр I, кажется, достиг всего...

Обнародовали составленный Феофаном Прокоповичем Духовный регламент, устанавливающий новый порядок управления Церковью. Вся церковная власть по образцу протестантских государств сосредоточилась в Духовном коллегиуме, который 14 февраля 1721 года в день своего открытия преобразовали в Святейший Правительственный Синод.

По сути, Синод становился ведомством в общем составе государственной администрации и подчинялся самому государю. Наконец-то, как отмечают историки Церкви, произошло то, чего больше всего опасались иерархи при низложении патриарха Никона, «власть Царская подчинила во всей полноте власть Бога на земле – Святую Церковь Христову».

Только напрасно Петр I объявлял в своем манифесте, что он, «как в Ветхом, так и в Новом Завете благочестивых царей, восприял попечение». Идея подобного устройства церковной жизни, вернее, ее полного подчинения светской власти, была заимствована им не из Библии, а из сектантской Англии. Так или иначе, но Русская Православная церковь, согласно проведенной Петром I реформе, должна была превратиться лишь в инструмент воспитания верноподданных.

1

И заключили, наконец-то заключили и долгожданный Ништадтский мир.

За два десятилетия непрерывных войн, обескровивших и разоривших народ, уплатив Швеции компенсацию в два миллиона талеров, Россия получала Эстляндию, Лифляндию, Ингрию и часть Финляндии с Выборгом...

Такой вот успех, такая вот победа.

Великая была одержана победа, но, наверное, таких поражений не знал еще ни один побежденный народ.

Россия в итоге этой войны оказалась разорена, а русский народ в основной своей массе – крепостное право, приобретая характер откровенного рабовладения, распространилось и на промышленное производство! – превращен в невольников.

И выходили, выходили все новые и новые указы, развивающие полицейскую идеологию Духовного регламента.

17 мая 1722 года по настоянию Петра I Синод отменил тайну исповеди. Священников обязали сообщать в Преображенский приказ обо всех злоумышлениях «без всякого прикрасительства»...

Некоторые ревностные защитники идеи монархии договариваются сейчас до того, что, дескать, тайна исповеди отменялась только касательно злоумышлений против монаршей

особы, против государственного порядка, а об остальном священник не должен был сообщать в Тайную канцелярию...

Что тут ответить? Разве только напомнить, что и ГПУ от сотрудничавших с ним священников-обновленцев тоже ждало сообщений не о супружеских изменах, а лишь о злоумышлениях против государственного порядка, против колхозов, против вождей революции...

Да и не в том ведь дело, о чем должен, а о чем не должен доносить священник. Приходящий на исповедь человек исповедует свои большие и малые прегрешения перед Богом, и священник отпускает ему грехи властью, данной ему Богом, а не полицейским управлением.

И тут не аргументы в пользу Петра I придумывать надо, а просто разобраться, что нам дороже? Православие или Петр I, который вполне осознанно проводил губительные для православного самосознания реформы? Очень трудно немножко верить в Бога, а немножко в идею, которая эту веру подрывает. Даже если и называется идея – монархической...

Тем более что именно для идеи монархии и были губительными в самую первую очередь Петровские реформы. Как не крути, а без указа от 17 мая, может, и не было бы никогда 17-го года...

Последние годы жизни Петра I можно назвать годами подведения итогов.

В конце 1721 года по случаю заключения Ништадтского мира Сенат упразднил титул царя и провозгласил Петра I императором.

Также Петру I был преподнесен титул «Отца Отечества».

Получил тогда Петр I повышение и в своем «всешутейшем соборе».

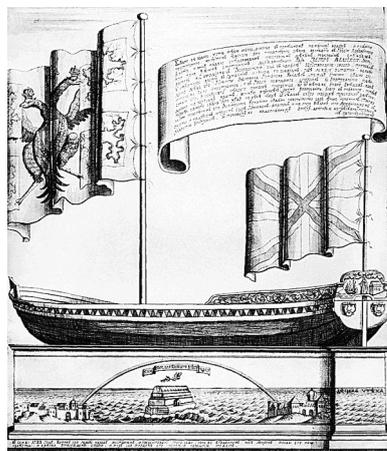
Как видно из списка слуг «архикнязя-папы», составленного в самом начале двадцатых годов XVIII века, «Пахом Пихай х... Михайлов» возвысился уже до архидьякона.

Совпадение не случайное. После того как Петр I стал главой Русской Православной церкви, потеснив, как ему казалось, на этом месте самого Бога, темные силы, движущиеся в эскорте великого реформатора, таким вот образом зафиксировали и отметили этот факт.

2

«Отец Отечества» мог торжествовать.

Он и торжествовал. Празднества и фейерверки шли непрерывною чередой и посреди грохота салютов, в январе 1723 года, Петр I отдал распоряжение доставить в Петербург ботик, на котором плавал в детстве по Плещееву озеру.

И.Ф. Зубов по рисунку И.П. Зарудного. Ботик Петра Великого. Левый борт. 1722 год

«Ехать тебе с ботиком и везть до Шлиссельбурга на ямских подводах, – было указано гвардии сержанту Кореневу. – И будучи в дороге смотреть прилежно, чтоб его не испортить, понеже судно старое, того ради ехать днем, а ночью стоять, и где есть выбоины спускать потихоньку».

Вообще-то, если уж устраивать празднество в честь русского флота, можно было бы начать отсчет его истории с легендарных походов киевских князей на Царьград.

Или, если покопаться в архивах, вспомнить не менее легендарное, но абсолютно достоверное плавание Семена Дежнева из Северного Ледовитого океана в Тихий океан в 1647 году.

Или спущенный 19 мая 1668 года в селе Дединове на Оке первый русский военный корабль «Орел».

Или первое русское морское судно «Святой Павел», спущенное уже при Петре I с Соломбальской верфи 20 мая 1694 года...

Можно привести множество оснований для выбора любой из этих дат.

Но начинать отсчет с детского ботика, с игрушки, которой в отрочестве забавлялся юный Петр I, можно было, лишь решившись в эгоцентрическом ослеплении окончательно перевернуть на себя всю русскую историю.

Поражает, как тщательно, предусматривая все возможные осложнения, разрабатывает Петр I план перевозки ботика в Петербург.

«Для опасения от пожаров» воспрещалось ставить ботик в населенных пунктах, велено было оставлять его на ночь под охраной часовых вдали от строений.

В подорожной сержанта Коренева было указано, чтобы «от Москвы до Твери, от Новгорода и до Шлиссельбурга везде по городам и по ямам, под помянутый ботик и обретающимся при нем людям, давать по 16 подвод без всякого задержания»...

Дан был высочайший указ и шлиссельбургскому коменданту: «Послан от нас от гвардии сержант Коренев в Шлиссельбург с ботиком старинным, и когда он тот ботик в Шлиссельбург привезет, тогда поставить его в городе на площади против церкви, как возможно далеко от деревянных строений, дабы от пожару безопасно было, и вели оный накрыть, и смотри прилежно, чтобы тот ботик чем не был поврежден».

Если сравнить эти указы и предписания с инструкцией, составленной через год Петром I для Витуса Беринга:

«1. Надлежит на Камчатке, или в другом там месте, сделать один или два бота с палубами.

2. На оных ботах плыть возле земли, которая идет на норд, и по чаянию (понеже оной конца не знают), кажется, что та земля часть Америки.

3. И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтоб доехать до какого города европейских владений; или ежели увидят какой корабль европейский, проведать от него, как оной куст называют, и взять на письме, и самим побывать на берегу, и взять подлинную ведомость, и, поставя на карту, приезжать сюда», – то мы увидим, что инструкция по перевозке детского ботика составлена Петром I гораздо тщательней, нежели план первой тихоокеанской экспедиции.

Сержант Коренев справился с порученным ему делом. В назначенный срок ботик «Св. Николай» был доставлен в Шлиссельбург и выставлен, как и было указано, на площади против церкви в честь Рождества Иоанна Предтечи.

3

Однако в Шлиссельбурге «Святитель Николай» пробыл совсем недолго.

27 мая Петр I прибыл в Шлиссельбург на яхте и, как в далеком детстве, самолично спустил ботик на воду.

В команду он взял сына своего ближайшего сподвижника, капитана Николая Федоровича Головина²⁸ и капитан-командора Наума Акимовича Сенявина, который состоял в 1699 году матросом на корабле «Отворенные ворота», совершившем плавание из Таганрога в Керчь под управлением самого Петра I...

Сопровождаемый яхтой и девятью галерами ботик поплыл в Петербург.

Грохотом барабанов, звоном литавр, ружейной пальбой приветствовали «дедушку русского флота» – так теперь указано было именовать ботик – выстроенные вдоль берегов Невы русские полки.

В Александро-Невском монастыре «дедушку» ожидали императрица с министрами и генералитетом.

Был произведен салют и из орудий, стоявших на монастырских стенах.

Ну а в августе, когда отмечали годовщину Ништадтского мира, «дедушку» представляли «воинственным внукам» – кораблям Балтийского флота. Они выстроились на кронштадтском рейде – огромные, многопушечные фрегаты. В торжественной тишине двинулась от пирса к ботику шлюпка. На веслах сидели адмиралы, а впереди, склонившись над водою, промерял лотом глубину всероссийский вице-адмирал Белого флага, светлейший князь А.Д. Меншиков. Роли были расписаны строго по рангу.

Сам император сидел в шлюпке за рулевого.

Сияло солнце. Сверкали над водой мокрые лопасти весел.

Стоя на юте «Мальбурга», капитан второго ранга Витус Беринг, вглядываясь в гребцов, пытался рассмотреть, кто где. Вот сам Федор Матвеевич Апраксин, возглавляющий Адмиралтейств-коллегию, вот Наум Акимович Сенявин... За ними, кажется, Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев – начальник Военно-морской академии, особо доверенный человек государя. А вот и старый знакомый – адмирал Сивере, с которым двадцать лет назад плывал матрос Беринг в Ост-Индию. В один год они поступили на русскую службу... Вот адмирал Крюйс... А кто это в паре с ним? Да это же Николай Федорович Головин! А ведь когда-то он плывал под его, Беринга, командою...

Отвыкшие от весельной работы, адмиралы гребли вразнобой. Дергаясь, шлюпка медленно двигалась по голубой воде залива.

Император с трудом удерживал курс.

Наконец подошли к ботику.

Задорно громыхнули три пушечки, установленные на его борту. А мгновение спустя показалось, что раскололось небо. Это полторы тысячи орудийных стволов откликнулись «дедушке».

Над тихой водой залива поплыли клочья орудийного дыма.

После торжественной встречи ботик отправили в Адмиралтейство, причем и здесь не оставил Петр I «дедушку» своим попечением и заботой.

Капитан-командор Наум Акимович Сенявин огласил тогда в Адмиралтействе царский указ, согласно которому в случае пожара на верфи первым делом следовало спасти бот, спустив его на воду.

---

²⁸ Отец Николая Головина – Федор Алексеевич Головин был выдающимся русским дипломатом и государственным деятелем, имел чин генерал-адмирал. Он составил и заключил Нерчинский договор 1689 года с Китаем. Был вторым послом Великого посольства в Западную Европу. Совместно с Петром I вел в 1699 году секретные переговоры о заключении договоров с Саксонией и Данией. Участвовал в создании русского флота, был начальником Военно-Морского приказа. Принимал участие в организации русской регулярной армии. В 1700 году возглавлял Посольский приказ и одновременно ведал Ямским приказом и Оружейной, Золотой и Серебряной палатами. Ввел гербовый сбор в России. Умер в 1706 году

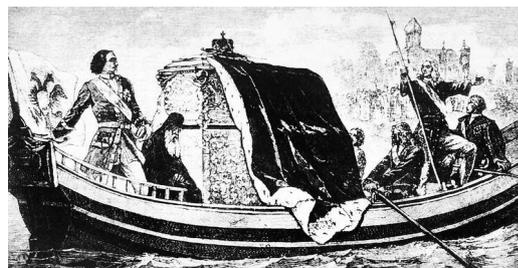
4

Видимо, плавание на ботике «Св. Николай» по Неве пробудило в «Отце Отечества» отроческие воспоминания. В подробностях припомнились плаванья по Плещееву озеру, рассказы о Ярилиной горе, о Переславле-Залесском, об Александре Невском.

Не рискнем утверждать, что именно детские воспоминания и определили решение перевезти в Петербург святые мощи благоверного князя, но доподлинно известно, что вечером 29 мая 1723 года, накануне табельного Дня своего рождения, когда по бледному петербургскому небу уже рассыпались огни фейерверков, будучи в Александро-Невском монастыре, вспомнул Петр I о святом благоверном князе и указал: обретающиеся в соборе Рождества Богородицы во Владимире мощи Александра Невского перенести в Петербург.

И срок назначил. Велено было приурочить встречу мощей в Санкт-Петербурге к празднованию годовщины Ништадтского мира 30 августа 1723 года...

Это решение Петра I трактуется на разные лады, но при этом упускается из виду, что приказано было не просто *перенести мощи*, а *перенести их к дате*.

Прибытие мощей Александра Невского в Петербург

Между тем это обстоятельство весьма существенно.

Петр I всегда серьезно относился к проведению празднеств и торжеств, но теперь подготовка к годовщинам основания Санкт-Петербурга и Ништадтского мира – главных достижений его царствования! – начинала оттеснять текущие государственные заботы.

Любопытно, что мифологизация празднеств приобретала при этом совершенно конкретный смысл, она адресовалась исключительно к самому Петру I.

Мы уже говорили, что святой благоверный князь Александр Невский, разгромив на берегах Невы и Чудского озера крестоносцев, выбрал путь и «повенчал Русь со степью», чтобы сохранить православную веру.

Петр I строил Петербург еще и как знак разрыва Российской империи с прежней Московской Русью, построенной потомками Александра Невского. Практически отказавшись от православия и национальных обычаев, он утвердился на берегах Финского залива, чтобы переменить проложенный святым благоверным князем путь, и жалким по сравнению с петровским прорывом Запада в Россию выглядел десант крестоносца Биргера, разгромленного здесь Александром Невским пять столетий назад...

Петр I победил всех.

Победил старую Русь, победил шведов, теперь ему предстояло победить саму историю вместе с благоверным князем Александром Невским.

И перенесение в Санкт-Петербург святых мощей князя, освящая совершенные Петром I победы, должно было стать свидетельством этой победы и вращи в новую мифологию рождающейся империи.

Но есть своеволие Петра I, и есть воля Божия...

Когда Петр I огласил свое решение, срочно начали строить ковчег с балдахином для помещения в него раки с мощами. По описаниям, ковчег был 5 аршин 10 вершков в высоту, в длину – 11 аршин, в ширину – 7 аршин, и нести его должны были 150 человек.

Памятник Александру Невскому

Все было сделано согласно указу, но совершенно не так, как хотел «Отец Отечества». Петр I требовал, чтобы мощи Александра Невского доставили в Петербург, как доставили туда ботик «Св. Николай», но вместо этого устроили торжественное шествие с мощами через всю Россию.

5

И ничего уже не удалось поправить Петру I.

Только 11 августа приготовления во Владимире были завершены, и после литургии и водосвятного молебна святые мощи вынесли из собора Рождества Богородицы через южные двери и поставили в ковчег. Тут и выяснилось, что ни через одни ворота ковчег не проходит. Монастырь словно не отпускал Александра Невского, принявшего перед кончиной схиму...

И не жалела сил снаряженная Петром I команда, ломали стены, прорубали дорогу сквозь рыночные ряды, двигались, как положено в петровской империи, не считаясь ни с какими затратами и потерями.

Но уже наступил вечер, когда «вынесли из города святые мощи с крестами и со звоном и с провожением духовных персон и светских всяких чинов жителей, со множеством народа святые поставили на Студеной горе».

Начался дождь. Внизу, в городе, во всех церквях и монастырях не смолкал колокольный звон.

Как отметил архимандрит Сергей, была остановка и на реке «за худым мостом, стояли долго и мост делали», а однажды – «мост под мощами обломился», иногда – «дождь во весь день и дорога огрызла».

Священнослужители переносили мощи Александра Невского, подобно тому, как во времена правления царя Алексея Михайловича переносили с Соловков мощи святителя Филиппа. И хотя будущему патриарху Никону тоже пришлось преодолеть тогда на своем пути немало препятствий, он справился со своей задачей намного успешнее, нежели петровские посланцы.

Впрочем, иначе и быть не могло. Во времена Никона праздником было само прибытие святых мощей в Москву. Петр I день прибытия святых мощей назначил, как он это любил, по своей «державной воле».

И не такой уж огромный груз требовалось доставить, не такой великий путь от Владимира до Санкт-Петербурга, а проходили месяцы, мощей все не было.

Только 18 августа мощи достигли Первопрестольной. Весь день звонили тогда колокола в Москве.

Понятно было, что к годовщине Ништадтского мира уже не поспеть в Петербург, и лучше оставить мощи в Москве, но от «Отца Отечества» не поступало никаких указаний, и движение было продолжено.

23 августа зазвонили колокола в Клину.

26 августа – в Твери.

31 августа – в Вышнем Волочке.

7 сентября пришли в село Бранницы, погрузили здесь ковчег на судно и поплыли. И снова стояли, пережидая погоду, и только 9 сентября вышли в Ильмень.

10 сентября мощи святого князя внесли в Софийский собор Великого Новгорода, где не раз бывал при земной жизни Александр Невский, и здесь епископ Иоаким отслужил над ними литургию.

Уже безнадежно опоздали к празднованию годовщины Ништадтского мира, но никто не смел остановиться, и после литургии святые мощи продолжили путь.

Вечером поплыли дальше, по Волхову...

Снова останавливались – теперь уже в Хутынском монастыре.

«И от того Монастыря в путь пошли. А ночью 13 сентября дошли до города Старой Ладого, и из оной Ладого встретили святые мощи со кресты Ивановского монастыря игумен Лаврентий, да Николаевского монастыря строитель Гавриил с братиею и с прочими духовными персонами и со светскими служителями и с собранием многочисленного народа, и проводили за город со обычайною процессиею и с звоном».

15 сентября 1723 года из Новой Ладого поплыли в Шлиссельбург.

6

Вдумаемся в сам факт пребывания святых мощей благоверного князя Александра Невского в Шлиссельбурге – крепости, построенной его внуком, князем Юрием Даниловичем!

Пять столетий назад здесь, на Неве, разгорелась слава благоверного князя, начался его Путь, создавший Русь...

Его прозвали тогда Невским.

С таким же правом он мог бы носить прозвище Александра Псковского или Александра Чудского, и все же народная молва не ошиблась, выбрав Александру имя. Ведь Невская битва – это не просто выигранное сражение, а явленное Господом Чудо, свидетельствующее, что страна сохранится, что Русь нужна Богу, и Он возродит ее в новой силе и славе...

В духовном смысле сражение на Неве стало небесным знаком, обетованием Московской Руси, идущей на смену Руси Киевской...

И совсем не случайно была одержана эта судьбоносная победа на подступах к городу, которому предстояло подняться здесь пять столетий спустя. Городу, на улицы которого никогда не ступит нога чужеземного захватчика...

А через шесть лет Александр Невский потерял отца.

Он умер в Каракоруме, и сразу распространились слухи, что Ярослав Всеволодович отравлен вдовой хана Угэдэя...

Задумаемся, какие мысли могли занимать Александра Невского, когда вскоре после похорон отца отправился он в ставку хана. Какие чувства переполняли отважное сердце осиротевшего князя?

Он был князем единственного нетронутого вражескими нашествиями княжества! Блистательные победы одержал он над могущественными врагами...

Вспомним, наконец, что Александру Невскому было тогда всего лишь двадцать шесть лет!

Как же не воспламениться, как не разгореться в сердце праведному огню мщения?!

И если бы князь Александр Невский был просто героем, он так бы и поступил.

Но Александр Невский не просто герой. Он – святой князь. Смиреномудрие, не вписывающееся в западный героический эпос, уживалось в святом Александре Невском с воинским бесстрашием и дерзкой отвагой.

Наши историки еще не определили до конца отношения к державе, зародившейся в читинско-монгольских степях, на берегах Онона... Тем не менее постепенно происходит осознание того непреложного факта, что именно империя Чингисхана была непосредственной предшественницей Российской империи...

Поразительно, но ведь и наследница ее – Советская империя – практически совпадала своими границами с двумя своими предшественницами. Воистину в этом смысле наша страна – феноменальное, небывалое в мировой истории образование.

Из различных центров, на основе совершенно различных государственных идеологий, различными империеобразующими этносами создавались эти три государства, но совпадала их территория, на которой – лучше ли, хуже ли! – но обеспечивалось выживание всех включенных в империю народов. Когда же империя благодаря враждебным внутренним силам разрушалась, она снова возникала уже на основе другой идеологии, другого этноса, из другого центра, но в тех же самых границах...

Что это значит? Да только одно, только то, что эта империя нужна Богу, то, что народам, населяющим нашу страну, надобно исполнить то, что предназначено нашей стране Богом.

И, может быть, именно эту истину и прозревал в молитвенном сосредоточении святой благоверный князь Александр Невский, когда он ехал в далекий Каракорум сквозь степи Средней Азии, практически вдоль границы империи, которую еще предстоит построить его потомкам.

«Подчинение Александра Орде иначе не может быть оценено, как подвиг смирения, – пишет Г.В. Вернадский. – Два подвига Александра Невского – подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке – имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа».

Повторим, что сохранив православие, Русь надежно прикрыла с помощью татар северо-западные земли, где уже при внуках и правнуках святого Александра Невского началась кристаллизация нового центра Русской земли – Москвы, разросшегося в могущественнейшее государство, вобравшее и подчинившее себе и своих завоевателей...

Александр Невский не мог знать того, что известно сейчас любому школьнику. Но он был святым, и последствия своего отнюдь не случайного, а глубоко продуманного, безукоризненного с геополитической точки зрения выбора, он прозревал духовным зрением яснее, чем мы, вооруженные знанием исторических фактов.

Навечно повенчав Русь со степью, князь выбрал не только свой Путь.
Он выбрал Путь Руси на многие столетия вперед.

7

Петр I, ломая и корежа страну, попытался свернуть ее с выбранного святым благоверным князем Александром Невским пути.

Заметим попутно, что Петр I вроде бы все рассчитал правильно.

Пройдет всего два десятилетия, и протестантский священник Педер фон Хавен, составляя описание Петербурга, напишет об Александро-Невском монастыре:

«Прежде это был маленький монастырь, основанный русским героем по имени Александр или посвященный ему; он в XII веке защищал русскую веру и в битве одолел татар на том месте, где теперь на берегу Невы построен монастырь, почему его и назвали Невским».

Ошибка знаменательная. Простодушный протестант не понимал, что благоверный князь Александр Невский сражался за православие не с татарами, а с предками самого фон Хавена.

И не потому пастор совершил эту ошибку, что ни у кого не мог получить необходимую информацию, а просто ему и в голову не могло прийти, что Петр I поклоняется святому, всю земную деятельность которого зачеркивает своими реформами.

Да и как могло прийти в голову попавшему в Петербург путешественнику, что Россия когда-то упорно боролась за свое православие, за сохранение национального порядка и обычаев, если Петр I предлагал обратить «в рабочие дома или дома призрения для подкидышей или военных инвалидов» все монастыри, а «монахов превратить в лазаретную прислугу, а монахинь – в прядильщицы и кружевницы, выписав для того кружевниц из Брабанта»?

О каком особом русском христианстве могла идти речь, если согласно «Правилам», приложенных к «Духовному регламенту», православным монахам «под жестоким на теле наказанием» не разрешалось держать по кельям «писем, как выписок из книг, так и грамоток светских... чернил и бумаги»?

И тут, наверное, можно было бы порассуждать, дескать, не отпускала Русь своего святого в воздвигнутый на болотистых берегах Невы город, где и говорят-то не по-русски, а на каком-то особом вавилонском наречии...

«Пожалуй, не найти другого такого города, где бы одни и те же люди говорили на столь многих языках, причем так плохо... – писал о Петербурге все тот же фон Хавен. – Но сколь много языков понимают выросшие в Петербурге люди, столь же скверно они на них говорят. Нет ничего более обычного, чем когда в одном высказывании перемешиваются слова трех-четырех языков. Вот, например: „Monsieur, Paschalusa, wil ju nicht en Schalken Vodka trinken, Isvollet, Baduska“. Это должно означать: „Мой дорогой господин, не хотите ли выпить стакан водки. Пожалуйста, батюшка!“. Говорящий по-русски немец и говорящий по-немецки русский обычно совершают столь много ошибок, что строгими критиками их речь могла бы быть принята за новый иностранный язык. И юный Петербург в этом отношении можно было бы, пожалуй, сравнить с древним Вавилоном».

Сравнение Петербурга с Вавилоном отражало, как нам кажется, не только языковую ситуацию в юной столице... Так что вполне можно было, рассуждая об этом, перейти к описанию знаменитого шлиссельбургского пожара 1724 года, в огне которого побывали в Шлиссельбурге святые мощи Александра Невского...

Воистину воля Петра I – это воля Петра I, а воля Божия – воля Божия. И ничего не совершается в мире вопреки Божией воле.

Грозным предупреждением обернулось само перенесение в Петербург святых мощей Александра Невского.

Давно уже завершились торжества в честь годовщины заключения Ништадтского мира, и в Шлиссельбурге, препроводив мощи к Пушечной пристани на Неве, остановились, ожидая дальнейших указаний императора.

Император молчал.

Наконец пришел указ Святейшего Синода – разместить святые мощи в Шлиссельбурге, поставив их в каменной церкви.

Здесь и попали они в знаменитый шлиссельбургский пожар.

Подобно пожару, охватившему церковь Рождества Богородицы 13 мая 1491 года, когда распространилась в Москве ересь жидовствующих, шлиссельбургский пожар очень близок по времени к Петровским реформам Русской Православной церкви.

Увы... Петр I не внял и этому грозному предупреждению.

Грандиозные забавы «всешутейного собора» занимали его внимание.

Шлиссельбургский пожар почти совпадает по времени с устроенным Петром I гулянием в Санкт-Петербурге. Еще никогда столько шутовских масок не окружало первого русского императора, маски и шутовские наряды заполнили тогда дворцы и улицы Петербурга.

«По улицам Петербурга прогуливались и разъезжали голландские матросы, индийские брамины, павианы, арлекины, французские поселяне и поселянки и т. п. лица: то были замаскированные государь, государыня, весь сенат, знатнейшие дамы и девицы, генерал-адъютанты, денщики и разные придворные чины. Члены разных коллегий и сената в эти дни официального шутовства нигде, ни даже на похоронах не смели скидывать масок и шутовских нарядов; в них они являлись на службу, в сенат и в коллегии».

Свой всешутейный собор, называвшийся «Великобританский славный монастырь», был создан теперь и у петербургских иностранцев.

С.Ф. Платонов, который первым проанализировал устав «монастыря», снабженного фаллической символикой, был поражен похабностью его и неприличием. Между тем среди членов «монастыря» были иностранные финансисты, купцы и специалисты в различных областях, которые были очень близко связаны с Петром I и оказывали ему, как, например, «медикус» Вильям Горн, оперировавший царя незадолго до смерти, различные «особые» услуги.

Действительно, дьявольщины в «Великобританском монастыре» было еще больше, чем во «всешутейном соборе». Это повышение градуса функционирования «Великобританского монастыря» с сатанинской точностью регистрировало тот факт, что сделал Петр I с изнасилованной Россией.

Настоящая вакханалия творится в 1724 году вокруг «Отца Отечества».

Все карикатурно в окружении Петра, отовсюду лезут маски и искривленные дьявольской злобою рыла...

В духе этого непристойного шутовства была совершена и супружеская измена только что коронованной Екатерины Алексеевны.

Как и положено в шутовском действе, героем адюльтера стал ее камергер... Виллим Моне, брат известной нам Анны Моне.

«Ах счастье мое нечаянное... Рад бы я радоваться об сей счастливой фортуне, только не могу, для того что сердце мое стиснуто так, что не возможно вымерить и слез в себе удержать не могу! – писал пылкий любовник своему „высокоблагородному патрону, ее премилосердному высочеству“. – Прими недостойное мое сердце своими белыми руками и пособи за тревогу верного и услужливого сердца».

Свою любовную пылкость, подобно сестре Анне, Виллим совмещал с еще более пылкой любовью к деньгам. Вместе с Матреной Ивановной Балк они поставили взяточничество на конвейер и брали за протекцию со всех, кто обращался к ним.

«Брала я взятки с служителей Грузинцевых, с купецкого человека Красносельцева, с купчины Юринского, с купца Меера, с капитана Альбрехта, с сына „игуменьи“ князя Василия Ржевского, с посла в Китае Льва Измайлова, с Петра Салтыкова, с астраханского губернатора Вольшского, с великого канцлера графа Головкина, с князя Юрия Гагарина, с князя Федора Долгорукова, с князя Алексея Долгорукова»...

Два дня диктовала Матрена Ивановна Балк на допросе имени своих дачников²⁹...

В тот день, когда Петру I стало известно об измене супруги с Монсом, он провел вечер в Зимнем дворце с Екатериной. Был здесь и Моне. Он был в ударе, много шутил.

– Посмотри на часы! – приказал государь.

– Десятый! – сказал камергер.

– Ну, время разойтись! – сказал Петр I и отправился в свои апартаменты.

Моне, вернувшись домой, закурил трубку и тут к нему вошел страшный посланец царя, начальник Тайной канцелярии Андрей Иванович Ушаков. Он отвез Монса к себе на квартиру, где его уже ждал император.

Впрочем, как говорит М.И. Семевский, на все остальные вины Виллима Монса Петр I «взглянул как-то слегка!» и приказал обезглавить брата своей первой любовницы, а потом утешался тем, что возил Екатеринушку смотреть на отрубленную голову любовника.

8

Мы рассказываем об этой истории не только ради того, чтобы прибавить пикантности повествованию. Кружение Монсов вокруг русского престола – вначале в образе Анхен, а потом Виллима – неотторжимо от того недоброго шутовства, до которого Петр I был таким охотником, оно совершенно в духе его кровавых игрищ и «маскерадов».

В этом же духе и спасение Виллимом Монсом из долговой тюрьмы Бирона.

Такое ощущение, что Петр I ненавидел Россию и хотел отдать ее на растерзание Монсам.

Но оказалось, что и Монсы не так страшны в выстроенной им империи. Следом за ними позлее явились собаки.

Бироны пришли на Русь...

Возведение святого благоверного князя Александра Невского в ранг небесного патрона новой русской столицы Петр задумывал как акцию более политическую, нежели церковную. Необходима она была как аргумент в борьбе с противниками новшеств, с приверженцами старины...

Но воля Петра I – это воля Петра I, а воля Божия – воля Божия. И ничего не совершается в мире вопреки Божией воле.

Еще за пять столетий до основания Петром своей новой столицы этот город уже был обозначен на карте духовной истории нашей страны. И вот теперь, посрамив – ну, в самом деле, в срок привезли в Петербург тяжелый бот, а сравнительно небольшую раку с мощами привезти не сумели! – своеволие Петра I, мощи Александра Невского все-таки прибыли в Санкт-Петербург.

«Встреча святыни в Петербурге была весьма торжественна, – пишет в своей монографии М. Хитров. – Император со свитой прибыл на галере к устью Ижоры. Благоговейно сняв святыню с яхты и поставив на галеру, государь повелел своим вельможам взяться за весла, а сам управлял рулем. Во время плавания раздавалась непрерывная пушечная пальба. То и дело из Петербурга прибывали новые галеры с знатными лицами, а во главе их – „ботик Петра Великого“, тоже отдавший салют своими небольшими медными пушками. Шествие

---

²⁹ Дачниками при Петре I звали тех, кто давал взятки.

приближалось к Петербургу. Мысли всех невольно неслись к той отдаленной эпохе, когда на берегах Невы и Ижоры Александр торжествовал свою победу над врагами. Шествие остановилось у пристани, нарочно для сего устроенной. Там святыню сняли с галеры, и знатнейшие особы понесли ее в монастырь».

«Веселися, Ижорская земля и вся Российская страна! Варяжское море, воплещи руками! Нево реко, распростири своя струи! Се бо Князь твой и Владыка, от Свейскага ига ты свободивый, торжествует во граде Божии, его же веселят речная устремления!» – звучали голоса специально для встречи мощей святого благоверного князя составленной службы.

На следующий день император снова прибыл в Александрово-Невскую обитель и раздавал здесь гравированный на меди план будущих монастырских построек. Тогда же установлено было праздновать торжество перенесения святых мощей ежегодно, 30 августа.

«Так, – пишет М. Хитров, – исполнилось заветное желание Петра Великого. Через полгода его не стало»...

В организации встречи святых мощей государственная, державная символика – Петр I стремился подчеркнуть преемственность своего дела, Божий Промысел основания Санкт-Петербурга – преобладала.

Политический смысл затенял мистическую суть происходящего.

И, казалось бы, Петр I как всегда поступил по-своему.

Все-таки прибытие мощей святого благоверного князя Александра Невского состоялось, как и намечал он, в годовщину заключения победного для России Ништадтского мира. Державная воля государя, пусть и с опозданием на год, одержала верх.

Но посмотрите, *где* встречаются мощи!

В устье Ижоры...

Именно там, *где* и происходила Невская битва, хотя местом ее Петр I ошибочно считал территорию нынешней Александрово-Невской лавры.

Святой благоверный князь все же остановился на месте своей первой блистательной победы.

И это ли не знак, явленный нам свыше?

Это ли не глагол, в сиянии которого меркли все помпезные торжества, ожидавшие процессию в Петербурге?

9

Александр Невский – великий русский святой.

Таким он был в своей земной жизни, где он не проиграл ни одной битвы. Таким он стал, сделавшись небесным заступником Руси.

Мы уже говорили о чуде, произошедшем с его мощами накануне Куликовской битвы.

Теперь, три с половиной столетия спустя, мощи святого князя насильно были доставлены в Санкт-Петербург, более походивший на Вавилон времен строительства знаменитой башни, чем на русский город.

В этом городе правил император, убивший своего родного сына и подчинивший себе Русскую Православную церковь. И никого не было вокруг, кто мог бы возвысить свой голос в защиту Святой Руси...

Мощи святого благоверного князя привезли к назначенной императором дате в город этого императора...

Через полгода императора не стало...

28 января 1725 года, написав два слова: «Отдайте все...», – Петр I выронил перо и в шесть часов утра скончался, так и не назначив наследника своей империи.

Под грохот барабанов вошла тогда на русский престол ливонская крестьянка, служанка мариенбургского пастора Марта Скавронская. При штурме города ее захватили солдаты, у солдат – выкупил фельдмаршал Шереметев и перепродал потом Меншикову. Уже от Меншикова она попала к Петру I и стала его супругой.

Воистину – и небываемое бывает! – теперь она сделалась императрицей, властительницей страны, солдаты которой насильовали ее в захваченном Мариенбурге.

Но она правила совсем недолго...

Глава седьмая

БАБУШКА ИМПЕРАТОРА

*Всуге вам есть утреневати: восстанете по седении, ядущие хлеб
болезни, егда даст возлюбленным своим сон.*

Псалом 126, ст. 2

В последние годы правления Петра I строительные работы в Шлиссельбурге осуществлялись под присмотром главного столичного архитектора Доменико Трезини.

В 1723 году он попросил директора от строений городских дел Ульяна Акимовича Синявина «наипаче первое исправить шлютенбургскую модель».

В обсуждении «модели» участвовал сам Петр I, который и «изволил указать несколько штук приделать». Однако воплотить указания императора в масштабе реальной жизни оказалось сложнее.

28 мая 1724 года Петр I, «в присутствие свое в Шлютельбурхе, пришел в «немалый гнев» от обнаружившейся ветхости «Шлютельбургской фортеции» и приказал коменданту «именным его императорского величества изустным указом прислать к своему величеству о шлютельбургских гарнизонных ветхостях и прочих нуждах мемориал».

Однако и теперь работы в Шлиссельбургской крепости – не хватало рабочих рук! – шли медленно. Недостатки можно списать на нерасторопность и нерадивость ближайших помощников Петра I, но очевидно и то, что новая, придуманная Петром I профессия крепости оказалась не нужна русской истории, поскольку сам император повесил на шею стране другой замок, и город-ключ уже ничего не отпирал и ничего не закрывал.

Петр I помещал в Шлиссельбург то свою сестру, то детский ботик, то опоздавшие к намеченному торжеству мощи святого князя Александра Невского – другой пользы от города-ключа не было.

Прошло еще несколько лет, прежде чем этот «ключ» решили употребить исключительно в тюремных целях.

Но случилось это уже после кончины Петра I.

1

Было темно, когда император очнулся от беспомыслия.

В зальце с низким потолком, где лежал он, горели свечи. Какие-то люди толпились у дверей. Боль стихла, но по всему телу расползлась невесомая, предсмертная пустота...

Вглядываясь в лица приближенных, Петр I нахмурился. Тут терся и светлейший Александр Меншиков, которому запрещено было являться ко двору. Но не оставалось уже времени для гнева.

С трудом разжав ссохшиеся губы, потребовал перо и бумагу.

«Отдайте все...» – начертил на листе.

И все... Кончилось время. Перо выпало из мертвых пальцев, и фиолетовые чернила пятнами смерти расползли по белой рубахе.

Александр Данилович Меншиков перекрестился и, расправив плечи, вышел. Скорбела душа о херц каптейне, но гулко и нетерпеливо билось в груди сердце. Снова, как в прежние времена, отгоняя скорби, торопила его история. Все решали сейчас мгновения.

У дверей залы, где собрались господа сенаторы, Меншиков остановился. Судя по голосам, верх брала партия сторонников юного царевича Петра Алексеевича. Александр Данилович нахмурился и поманил пальцем генерала Бутурлина.

– Нешто конец? – подбегая, спросил тот.

– Пора начинать! – уронил Меншиков. – Государь император преставился.

И вошел в залу.

Смолкли при его появлении голоса. Уже который день ожидали этого мгновения сановники, но все равно, когда совершилось неотвратимое, известие потрясло их.

Что будет теперь с каждым из сидящих здесь? Кто займет опустевший трон? Куда поведет разоренную войной и реформами державу? Как теперь жить-то оповадиться?

Сумрачными стали лица сенаторов, словно упала на них тень царевича Алексея, замученного в Трубецком раскате Петропавловской крепости шесть лет назад...

Опустил голову тайный советник Петр Андреевич Толстой. Это он выманил Алексея и привез на расправу отцу.

Мрачен стал и генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин, поставивший тогда свою подпись под смертным приговором...

Щерился неприятной усмешкой, словно пытался что-то откусить и не мог, составитель Духовного регламента псковский архиепископ Феофан Прокопович. В случае избрания на царство сына царевича Алексея его тоже ожидала печальная участь. В своих проповедях иезуит-архиепископ разъяснял и доказывал, что император волен был поступить с царевичем по собственному усмотрению.

На Феофане и задержался сейчас взгляд светлейшего князя.

– Что скажешь, владыка? – спросил он. – Чего Синод мыслит?

Феофан сцепил пальцы на своем увенчанном змеиными головами посохе.

– Покойный, вечнодостоинья памяти Петр Алексеевич... – сказал он, – не оставил завещания, в котором выражена его воля. Это прискорбно. Но он ясно указал свою монаршую волю. Торжественно короновав супругу, он ясно и недвусмысленно указал, кому надлежит унаследовать трон. Он говорил об этом и мне, своему верному слуге.

Перебивая его, возмущенно зашумели сторонники юного Петра Алексеевича. Послышались голоса о первородстве одиннадцатилетнего великого князя – прямого внука императора.

А.Д. Меншиков

Меншиков не останавливал ораторов. Краем глаза он наблюдал, как входят в залу подвыпившие офицеры гвардии и безбоязненно рассаживаются между сенаторами.

– В проруби этого супротивника матушки-императрицы надобно утопить! – наклонившись к своему товарищу, проговорил один.

– Нужда есть в прорубь волочить... – учтиво икнув, ответил товарищ. – Можно и на месте голову разрубить, чтобы поумнела маленько.

И хотя негромко переговаривались офицеры, но диалог этот слышали все. И никто не решился прикрикнуть на офицеров.

– Добро было бы все-таки возвести на престол Петра Алексеевича... – задумчиво сказал князь Дмитрий Михайлович Голицын. – А за малолетством одного поручить правление императрице Екатерине вместе с Сенатом. Тогда бы и опасности междоусобной войны избежали...

Великим дипломатом был пятидесятидвухлетний Гедиминович – киевский губернатор Дмитрий Михайлович Голицын. Как и покойный император, смотрел он на Запад, но в реформах видел совсем другой смысл.

Петру I важно было укрепить с помощью реформ режим своей личной власти, Голицын же считал, что реформы должны делаться во благо и для укрепления государства.

Почему Петр I не отрубил ему головы, не понимал и сам Дмитрий Михайлович. Но – и небываемое бывает! – роскошный, спадающий на плечи парик украшал сейчас его неотрубленную голову, а на груди сияли ордена.

Великим дипломатом был князь Дмитрий Михайлович, но и граф Петр Андреевич Толстой тоже в дипломатии толк знал...

– Князь Дмитрий Михайлович, неправо ты рассудил... – возразил он. – В империи нашей нет закона, который бы определял время совершеннолетия государей. Как только великий князь будет объявлен императором, весь подлый народ станет на его сторону, не обращая внимания на регентство. При настоящих обстоятельствах империя нуждается в государе мужественном, твердом в делах государственных, каковой умел бы поддержать значение и славу, приобретенные продолжительными трудами императора...

Толстой говорил долго, расписывая, что все необходимые государю качества счастливо соединились в императрице Екатерине. Гвардейские офицеры одобрительно кивали – не напрасно гарнизону, не получавшему жалованья шестнадцать месяцев, было обещано полное удовлетворение.

Дмитрий Михайлович Голицын – это его брат, подполковник Семеновского полка Михаил Михайлович Голицын при взятии Шлиссельбурга столь славно отличился! – хотел возразить князь, дескать, граф Петр Андреевич не столько за империю переживает, сколько за собственное будущее, но поостерегся...

И правильно сделал.

Уже не пьяная болтовня офицеров, а рокот барабанов донесся в залу с улицы.

Это выстраивались на площади оба гвардейских полка.

– Кто осмелился гвардию привести без моего ведома?! – побагровев, закричал князь Репнин. – Разве я уже не фельдмаршал?!

– Я велел полкам прийти сюда! – безбоязненно ответил генерал Бутурлин. – Такова была воля императрицы, которой обязан повиноваться всякий подданный, не исключая и тебя, фельдмаршал!

В рокоте барабанов потонули последние разногласия.

Перебивая друг друга, сановники начали умолять Екатерину, чтобы не сотворила их сиротами, не отказывалась бы от престола, а взяла бразды самодержавного правления в свои ручки.

Екатерине недосуг было.

Все эти дни разрывалась она между умирающим мужем и внезапно заболевшей дочерью. Лицо с широкими черными бровями вразлет, с большими глазами, опухло от слез.

Когда Екатерину уведомили, что императрицей будет она, она только кивнула. Всего пять минут назад, задрожав в беспомощности от злого рокота барабанов, умерла следом за отцом шестилетняя цесаревна Наталья...

Вот так, под грохот барабанов, и взошла на русский престол ливонская крестьянка Марта Скавронская.

Дивились преображению и птенцы гнезда Петрова, и тайные приверженцы русской старины... Но и те, и другие слишком хорошо знали, что и небываемое очень даже часто бывает в перевернутой вверх дном державе!

Только удивлялись себе, насколько спокойнее стало, когда совершился выбор. Словно отпугнутая рокотом барабанов, отошла от них тень царевича Алексея, свиваясь серой поземкой, закружилась среди строительных лесов, среди груд кирпичей, злою обидой царапая лица прохожих...

Ну а новая императрица Екатерина I, управившись с похоронами, приказала заточить в Шлиссельбургской крепости первую жену покойного мужа царицу Евдокию.

2

Не в добрый час для дочери бывшего стрелецкого головы боярина Лопухина, красавицы Прасковьи, остановился на ней взгляд царицы Натальи Кирилловны.

Мучило тогда матушку царя Петра I, что Прасковья Салтыкова, супруга царя Ивана V, уже тяжелая ходит, а ее сынок и не женат еще.

Отчего же из красавицы Лопухиной было не сделать жену сыну? У Ивана Прасковья, и у Петра, пускай, своя Прасковья будет, может, и не станет он столько с солдатами играть.

Так, не спрашивая сына, и определила царица Наталья Кирилловна в жены ему Прасковью Лопухину. Правда, при бракосочетании имя будущей царице, чтобы не путать ее с женой царя Ивана V, изменили.

Евдокия Лопухина

И все исполнила новоявленная Евдокия, и настоящей царицей сделалась, и наследника престола родила, а счастья не получила, и семье своей принесла только беду и горе.

После смерти матери Петр I решил расстаться с молодой женой и приказал заточить ее в монастырь. В сентябре 1698 года царицу Евдокию Федоровну отвезли в простой карете в Суздаль.

Ну а Петр I уже открыто теперь закрутил неприличный для государя роман с девицей Анной Моне, и как-то и позабыл, что надо бы кормить и отставную супругу.

Сестра Петра царевна Марья Алексеевна и вдовствующая царица Прасковья Федоровна изредка посылали Евдокии подарки, но для подобающей царице жизни этого не доставало.

В мае 1699 года над несчастной женщиной насильно совершили монашеский постриг и объявили ее инокиней Еленой.

Тяжким оказалось царское насилие, но главное надругательство было впереди. Когда начался розыск по делу царевича Алексея, явился в Суздаль капитан-поручик Г.Г. Скорняков-Писарев. Выставив у ворот монастыря часовых, он прошел в келью Евдокии-Елены и приступил к обыску.

Г.Г. Скорнякову-Писареву удалось выяснить, что несколько лет назад бывшая царица пила чай вместе с майором Степаном Глебовым, который приезжал в Суздаль для рекрутского набора. Открытие это переполнило чашу императорского терпения. Царица была обвинена в любовной связи со Степаном Богдановичем.

Епископа ростовского Досифея, допустившего в бытность свою архимандритом Спаского Евфимьева монастыря непозволительные чаепития, лишили архиерейского сана и, назвав расстригой Демидом, колесовали, а самого Степана Богдановича Глебова посадили на кол.

Стояли морозы и Петр I, чтобы Степан Богданович, сидючи на колу, не мерз, приказал закутать его в шубу. Благодаря этой заботе государя, Глебов почти два дня на колу прожил...

Казнен был брат Евдокии, Абрам Федорович Лопухин...

Умер под пытками и единственный ее ребенок, царевич Алексей...

Ну а саму Евдокию, вырвав у нее на пытке признание, что *«блудно жила с ним (Глебовым. – Н. К.) в то время, как он был у рекрутского набора»*, выпороли кнутом и увезли в Ладожский Успенский монастырь под конвоем поручика Преображенского полка Ф. Новокшенова.

3

Поручику Новокшенову было приказано царицу крепко караулить, никого к ней не допускать, разговоров с ней не вести, писем и денег не давать, а всех приносителей брать под арест, однако в Успенском монастыре исполнять эту инструкцию было непросто: прямо по территории монастыря проходила проезжая дорога.

Через месяц поручика Новокшенова сменил капитан С. Маслов, которому поручено было:

«Приехав в Ладогу, пребывающую в состоящем девичьем монастыре, бывшую царицу у присланного при ней из Москвы от гвардии офицера принять и во всем ее содержании поступать не оплошно...

Ради караулу при ней и около всего монастыря, употреблять данных шлютельбургского гарнизона капрала, и Преображенских солдат, которые оттуда дадутся, а именно двенадцать человек...

Потребные ей припасы, без которых пребыть невозможно, без излишества, брать от ладожского ландрата Подчерткова, о чем к нему указ послан...

В монастырь не токмо мужеска, ни женска пола, никакого состояния и чина людей, також из монастыря, как ее бывшую царицу, так и прочих пребывающих в том монастыре монахинь и определенных для отправления Божией службы священников отнюдь не впускать...

Иметь доброе око, чтобы каким потаенным образом ей царице и сущим в монастыре монахиням, так же и она к монахиням никаких, ни к кому, ни о чем писем отнюдь не имели, чего опасаясь под потеряннем живота, смотреть неусыпно и для лучшей в той осторожности

велеть днем и ночью вокруг всего монастыря солдатам, скольким человекам возможно, ходить непрестанно, и того, чтобы кто тайне не учинил, смотреть накрепко».

Подписанная князем Меншиковым инструкция отличалась обстоятельностью, все было предусмотрено, и только самому ладожскому ландрату Подчерткову, который должен был обеспечивать припасами бывшую царицу, сообщить об этом позабыли.

Когда капитан Маслов потребовал «для совершения Божией службы свеч, ладану, вина церковного, на просфоры муки пшеничной, для нужды и записок бумаги, да для ея особы круп гречневых, уксусу, соли, икры зернистой или полосной, стола простого на поварню, бочек, квасных кадок, ушатов, ведр, чаш хлебных, блюд деревянных, горшков больших и малых, и иных хлебных и всяких столовых припасов, а для зимнего времени дров», ландрат Подчертков обратился с рапортом на Высочайшее имя, чтобы разъяснили ему, откуда взять все это добро.

Однако канцелярия Его Императорского Высочества не озаботилась ответить на эти пустые вопросы, и о довольствовании бывшей царицы снова позабыли.

Чем питалась она все эти годы, не ведомо, известно только, что келью для своего заточения Евдокия-Елена построила на собственные деньги...

4

По-настоящему заботиться о несчастной Евдокии Федоровне стали только в царствовании Екатерины I.

Считается, что тогда были назначены постоянные денежные и хлебные оклады иеромонаху, дьячку и трем келейным старицам. Приказано было и царицу «пищею довольствовать, чего когда пожелает, и для того всяких припасов покупать и пив, и медов готовить с довольством, чтобы ни в чем ни малейшей нужды не имела». Денег было выделено 365 рублей в год только на питание, а еще сто рублей на одежду и обувь.

Правда, где довольствовались так «отверженную царицу», неведомо, потому что уже в марте 1725 года Евдокию Федоровну перевели в Шлиссельбургскую крепость, где и заточили ее, как опаснейшую государственную преступницу.

Есть сведения, что царица была тогда больна, и ухаживала за ней одна только старушка, сама нуждавшаяся в помощи.

Так держали Евдокию-Елену еще два года...

Единственные свидетельства о ее заточении оставил Фридрих Вильгельм Берхгольц, который сопровождал в Шлиссельбург члена Верховного тайного совета, супруга дочери Петра I Анны Петровны, Голштинского герцога Карла Фридриха.

«Обозревая внутреннее расположение Шлиссельбургской крепости», высокие гости приблизились к большой деревянной башне, в которой содержалась Евдокия-Елена.

В это время «отверженная царица» вышла из башни и прогуливалась по двору цитадели. Увидев герцога и его свиту, она поклонилась и громко начала говорить что-то, но слов за отдаленностью нельзя было разобрать, да высокие гости и не утруждали себя беседой с несчастной узницей.

Описание, оставленное Фридрихом Вильгельмом Берхгольцем, кратко и незатейливо, но когда перечитываешь его, зная весь дальнейший ход событий, обнаруживаешь тут необыкновенную глубину.

Действительно...

Голштинский герцог Карл Фридрих, супруг дочери Петра I, смотрит на заточенную в крепость русскую жену Петра I.

Бабушка будущего русского императора Петра II пытается что-то сказать отцу будущего русского императора Петра III, но он не слышит ее.

Между ними шлиссельбургское пространство «заключения государственных преступников», куда без особого повеления никого не пускают. Слова «отверженной царицы» заглушены шумом ладожской воды, ветер русской истории сминает их.

Но странной тюрьмою оказался Шлиссельбург. В скрежете его ключей смыкалось несмыкаемое...

Евдокию заточили в Шлиссельбургскую крепость как жену Петра I, как мать казненного государственного преступника. Вышла она на свободу уже бабушкой императора Петра II.

Случилось это уже после кончины Екатерины I.

5

Когда в раскате Петропавловской крепости умирал под пытками царевич Алексей, его сыну – будущему русскому императору Петру II – не исполнилось и четырех лет.

Он рос под присмотром нянек, и никто не хлопотал о его развитии и воспитании.

У внука российского императора не было родителей, не было и могущественных покровителей. Проявление малейшего участия к несчастному сироте считалось опасным. Любой самый невинный шаг в этом направлении мог быть превратно истолкован подозрительным и безудержным в гневе императором.

Какая участь ожидала «ослушника», напоминали насаженные на колья головы «заговорщиков» – друзей царевича Алексея.

И страх сделал свое дело.

Малолетнего Петра избегали, сторонились, как чумы...

Впрочем, забот у придворных хватало и без сироты.

Шли реформы и все время, каждый месяц, издавались указы, все строже закрепощающие русский народ.

Венцом этого закрепощения стало разрешение покупать русских крестьян на свои заводы и «купецким людям» иностранного подданства...

В этом явилась вся суть петровских преобразований. За все немыслимые лишения и тяготы, за потоки крови, пролитой на полях петровских викторий, Петр I наградил русский народ возможностью быть купленными в рабство иностранцами, которые приезжали в Россию.

О будущем императоре тогда как бы и позабыли...

Учителями малолетнему Петру назначались случайные и малосведущие люди.

Известно, например, что в четыре года к нему определили танцмейстера Нормана, который обучал ребенка чтению и письму. Этот же Норман – он прежде служил на флоте – сообщил юному царевичу начальные сведения о морской службе, сумев выработать в ребенке стойкое отвращение к морю.

И приходится только удивляться, что будущий император все же сумел многому научиться.

Когда уже после смерти Екатерины I его возвели на трон, Остерман, взявшийся за обучение одиннадцатилетнего императора, к немалому своему удивлению обнаружил, что мальчик свободно владеет латынью, французским и немецким языками.

Ребенок вообще подавал большие надежды.

Еще в те времена, когда похвалы ему расценивались как «тягчайшее преступление», уже говорили, что он кроткого нрава, имеет доброе сердце и обладает ангельской красотой.

Уже тогда поражало всех необыкновенно быстрое физическое развитие маленького Петра Алексеевича. В четыре года он упражнялся в стрельбе из ружья и всюду палил из крохотных пушек «потешной» батареи.

Успехи юного Петра были столь очевидны и так, казалось бы, соответствовали требованиям, которые прежде предъявлял Петр I царевичу Алексею, что воспитатели, невзирая на страх, пытались обратить внимание императора на успехи внука.

Его приглашали на экзамен, устроенный для семилетнего царевича.

Император отказался прийти.

Вместо этого был издан новый закон о престолонаследии, отменивший «недобрый обычай», когда старший сын автоматически наследовал престол. Отныне государь мог назначать преемника по своему усмотрению.

Ослепленный ненавистью к русской ветви своей семьи, Петр I и теперь, когда уже не стало Шишечки, не желал признать себя побежденным в безумной схватке с Божиим Промыслом.

Можно только предполагать, как сложилась бы жизнь Петра II и всей нашей страны, как бы дальше развивалась русская история, если бы сумел Петр I перебороть неприязнь, если бы сумел увидеть, что – вот же, вот! – исполняются во внуке самые заветные мечты, если бы сумел направить развитие ребенка в нужном для наследника престола направлении. Может, и не было бы тогда засилья временщиков и длинной череды дворцовых переворотов...

Увы... Пересилить себя Петр I не сумел.

И о ребенке снова словно бы позабыли...

Сановники с ужасом смотрели на подрастающего Петра. Этот ребенок был смертельно опасен для них. Многим, как и Меншикову, чудился при взгляде на него холодный острог в Березове...

Но ребенок – не взрослый.

Ребенка труднее заманить в ловушку, чтобы при этом самому остаться в стороне, не оказаться обвиненным в его гибели...

«Птенцы гнезда Петрова» оказались достойными учениками своего патрона. Никакие мысли о России не отягощали их совесть, когда в обход законного наследника они возвели на русский престол бывшую кухарку пастора Глюка, портомойку Шереметева, малограмотную императрицу Екатерину.

Царствовала она два с половиной года и умерла 6 мая 1727 года от чахотки. На русский престол наконец-то взошел законный наследник, сын царевича Алексея.

Было ему одиннадцать лет...

Этим, кажется, и завершилось сражение обезумевшего Петра I с Божиим Промыслом.

Нет не группой заговорщиков, а на Небесах была исправлена воля царя-деспота, гроб которого, долго еще не преданный земле, стоял среди лесов строящегося Петропавловского собора...

На русском троне сел русский наследник.

6

«За малолетством императора, – говорилось в завещании Екатерины Первой, – имеют вести администрацию обе наши цесаревны, герцог и прочие члены Верховного совета».

Герцог – Александр Данилович Меншиков, герцог Ижорский.

Кроме него в Совет входили Ф.М. Апраксин, Г.И. Головкин, П.А. Толстой, Д.М. Голицын, А.И. Остерман.

России был дан шанс избежать трагических лет засилья временщиков, бироновщины, но – увы! – всевластные «птенцы гнезда Петрова» сделали все, чтобы страна не смогла воспользоваться этим шансом.

Как обучали юного императора, показывает распорядок, который А.И. Остерман составил для Петра на вторую половину 1727 года.

На занятия одиннадцатилетнему мальчику отводилось в день не более трех часов. Остальное время император должен был отдыхать и развлекаться.

По вечерам он играл в карты с теткой, будущей императрицей Елизаветой, днем частенько отправлялся на охоту.

Ребенка почти насильно втягивали во взрослые забавы, и это оказалось губительным и для его здоровья, и для характера.

«Молодой царь, – пишет историк Н.И. Костомаров, – поставленный в водовороте разных партий, начал показывать в своем характере такие черты, что и иностранцы, следившие за ходом дел при дворе, находили, что в некоторых случаях Петр II напоминал своего деда Петра I именно тем, что не терпел никаких возражений и непременно требовал, чтоб все делалось вокруг него так, как ему хочется».

Еще более губительной для Петра II была опека, которую взял над ним Александр Данилович Меншиков...

Надо сказать, что, став генералиссимусом, Александр Данилович переменялся в своих симпатиях. Между прочим, вспомнил он и о бабушке императора, томящейся в Шлиссельбургской крепости.

В народе говорили, что царица была сожжена во время пожара на Конюшенном дворе в 1721 году, но нет, 19 июля 1727 года Меншиков получил от нее письмо.

«Генералиссимус, светлейший князь Александр Данилович, – писала старица Елена. – Ныне содержусь я в Шлютельбурге, а имею желание, чтобы мне быть в Москве в Новодевичьем монастыре; того ради прошу предложить в Верховном тайном совете, дабы меня повелено было в оной монастырь определить и определено бы было мне нескучное содержание в пище и прочем и снабдить бы меня надлежащим числом служителей, и как мне, так и определенным ко мне служителям определено бы было жалованье, и чтоб оный монастырь ради меня не заперт был... Вашей высококняжеской светлости Июля 19 дня 1727 года богомолица монахиня Елена».

На этот раз прошение бабушки императора не затерялось в канцелярии светлейшего.

«Государыня моя святая монахиня! – сразу же ответил он. – Получил я от вашей милости из Шлютельбурга письмо, по которому за болезнь своею не мог в Верховный совет придти и для того просил господ министров, чтобы пожаловали ко мне, и потому они изволили все пожаловать ко мне (21 июля. – *Н. К.*), тогда предложил я им присланное ко мне от вашей милости письмо и просил всех, чтобы вашу милость по желанию вашему определить в Москве в Новодевичий монастырь, на что изволили все склониться, что отправить в Новодевичий монастырь и тамо определить вам в удовольствие денег по 4500 руб. и людей вам по желанию, как хлебников и поваров, так и прочих служительниц: для пребывания вашего кельи дать, кои вам понравятся, и приказали вас проводить до Москвы бригадиру и коменданту Буженинову; чего ради приказали ему быть сюда для приему указа в Москву к генерал-губернатору и о даче подвод и подорожных и на проезд денег 1000 руб.; о сем объявляя вашу милость поздравляю, и от всего моего сердца желаю дабы вам с помощью Божию в добром здравии прибыть в Москву и там бы *ваше монашество* видеть и свой должный отдать вам поклон.

P.S. Жена моя и дети и обрученная государыня невеста и свояченица наша Варвара Михайловна вашей милости кланяются».

Письмо было отправлено 25 июля с ординарцем лейб-гвардии Семеновского полка бомбардиром Владимиром Грушецким, а 31 июля дан Указ из Верховного тайного совета камер-коллегии отпустить «на некую дачу» 1000 руб.

2 сентября 1727 года царица приехала в Москву и остановилась сначала в Вознесенском монастыре в Кремле, а потом перебралась в Новодевичий монастырь, в палаты близ Святых ворот, над которыми располагалась церковь Спаса Преображения.

Снова стала она царицей.

Снова при ней был назначен особый штат, на содержание которого отпускалось 60 000 рублей в год.

Но и обретенное довольство и почести не избавили ее от нового горя.

7

Петра II возвели на престол в одиннадцать лет.

«После как Бог изволил меня, в малолетстве всея России Императором учинить, – говорил он на Государственном совете. – Настоящее мое старание будет, чтобы исполнить должность доброго Императора, то есть чтобы народ мой подданный, богобоязненностью и правосудием управлять, чтоб бедных защищать, убогих и неправильно отягощенных от себя не отгонять, но веселым лицом жалобы их выслушивать и, по похвальному Императора Веспасиана примеру, никого от себя печального не отпускать...»

Но, конечно же, это были только слова...

Перемена в состоянии – избегаемый всеми, заброшенный ребенок превратился во владителя гигантской империи! – конечно же, оказалось непосильной для мальчика.

За те два с половиной года, что, как и мачеха, провел он на престоле, Петр II ничего не успел сделать для приготовления себя к высшей в стране власти.

Еще неопытный и незрелый, он сделался игрушкой в руках властолюбивых вельмож и на двенадцатом году жизни насильно был обручен с Марией Александровной Меншиковой, а в четырнадцать, когда Долгоруким удалось свалить «светлейшего», – с княгиней Долгорукой...

Роковым оказалось для Петра II и сближение с соперником Меншикова молодым князем Иваном Долгоруким.

Ночи превращались в дни, царь возвращался на рассвете и ложился в семь утра. Начала проявляться семейная склонность к пьянству, что, по справедливому замечанию Н.И. Костомарова, «казалось вполне естественным и наследственным: дед его и отец были подвержены тому же пороку».

Борясь за влияние на императора, Долгорукие менее всего думали о развитии подростка, менее всего заботились об интересах державы.

Используя мальчишеское увлечение Петра II охотой, они всячески поощряли его в этой страсти.

Грандиозной была потеха, устроенная для юного императора в тульских лесах осенью 1729 года.

Больше месяца длилась она...

Охотники затравили четыре тысячи зайцев, полтысячи лисиц, добыли пятнадцать рысей, пять медведей...

Петр II

Впрочем, тут не надо забывать и того, что молодой князь Иван Долгорукий сам был еще очень и очень молод.

Рассказывают, что однажды, когда Петру II предстояло подписать смертный приговор, Долгорукий «укусил своего друга за ухо, желая этим показать, как должно быть больно тому, кому отрубают голову».

8

Считается, что царица Евдокия-Елена не пользовалась никаким влиянием на внука, и он как бы даже и тяготился этой родственной связью. Однако выводы об этом делаются на том основании, что якобы Петр II не испытывал к ней особой любви.

Отчасти это так, но если вспомнить, что мальчик и не видел никогда свою бабушку, трудно требовать от него проявления открытой привязанности. Но вместе с тем внутреннее ощущение ее как единственного по-настоящему близкого к нему человека в Петре II, безусловно, было.

И влияние царицы Евдокии-Елены на него тоже существовало.

Во всяком случае, вернувшись в Москву и встретившись с бабушкой, юный император раздарил всех собак, приказал убрать все ружья.

19 ноября торжественно было объявлено, что император вступает в брак с дочерью князя Алексея Григорьевича – семнадцатилетней Екатериной Долгоруковой, а 13-го состоялось обручение, на котором присутствовала и царица Евдокия-Елена.

Но было уже поздно...

6 января 1730 года состоялось торжественное водоосвящение на Москве-реке. Фельд-маршал Василий Владимирович Долгоруков выстроил в каре войска. Приехал из Лефортовского дворца император Петр II и занял полковничье место.

Было холодно. Над крестом Иордани клубился морозный пар.

Сидя в седле, император внимательно разглядывал собравшихся.

Весь двор здесь, все иностранные посланники... Всеми цветами радуги пестрели на белом снегу праздничные одеяния.

Кружилась голова... С трудом разглядел император в нарядной толпе свою невесту. Чудо как хороша семнадцатилетняя Катенька Долгорукова. Глаза сияли, щечки покраснелись от мороза.

Опустил глаза император. Провел рукою в перчатке по гриве жеребца.

Жарко было на морозном воздухе.

Когда запели «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи, Троическое явися поклонение: Родителей бо глас свидетельствованиа Тебе, возлюбленнаго Тя Сына именуя...», император почувствовал, что все тело покрылось липким потом, и его начало трясти...

С трудом доехал до Лефортова дворца и здесь едва смог спуститься с седла. Его сразу же уложили в постель, и он провалился в беспамятство.

Все дни, пока он болел, бабушка, царица Евдокия Федоровна, не отходила от его постели.

Два с половиной года правления Петра II историки оценивают весьма сурово, забывая, что это были годы правления ребенка.

Между совершением важных государственных дел – а в эти годы был заключен Буринский договор с Китаем об установлении границ, разрешено старательство в Сибири, изданы указы о прекращении кабального холопства, отменены магистраты и восстановлена власть воевод на местах, восстановлено гетманство в Малороссии – император Петр II болел детскими болезнями: корью и оспой...

Он и умер, как ребенок, когда, уже начав выздоравливать, 17 января 1730 года распахнул окно в своей комнате.

И последними его словами были: «Запрягите сани! Хочу ехать к сестре!», словно в последнее мгновение жизни пытался вернуться юный император в так и не прожитое им детство...

9

Евдокия Федоровна была *последней русской женой и русской бабушкой* русских императоров. Ее старорусская красота и старорусское воспитание приобретают, таким образом, значение символа в русской истории.

Существуют свидетельства, что после кончины Петра II члены Верховного тайного совета предлагали престол Евдокии Федоровне, но она отказалась.

На коронации Анны Иоанновны царица Евдокия Федоровна сидела в особо устроенном месте, откуда, как она и желала, посторонние не могли ее видеть.

По окончании церемонии императрица подошла к ней, обняла, поцеловала и просила ее дружеского расположения: обе плакали навзрыд...

В 1731 году царица Евдокия Федоровна, в возрасте 62 лет, умерла в Новодевичьем монастыре.

«Бог дал мне познать истинную цену величия и счастья земного», – сказала перед своей кончиной эта первая узница Шлиссельбургской крепости.

Похоронили Евдокию Федоровну по ее воле не в кремлевском Вознесенском монастыре, а в соборе Новодевичьего монастыря рядом с гробницами царевен Софьи и ее сестры Екатерины Алексеевны.

Глава восьмая

ШЛИССЕЛЬБУРГСКИЙ ПРОЕКТ АННЫ ИОАННОВНЫ

*Положил есть реки в пустыню и исходища водная в жажду
Землю плодоносную в сланость от злобы живущих на ней.
Псалом 106, ст. 33–34*

После освобождения царицы Евдокии Шлиссельбургская крепость снова осталась без арестантов, и так получилось, что этот период совпал с оживлением строительных работ на острове.

Ежемесячно посылает Доменико Трезини рапорты о ходе работ генерал-аншефу над фортификациями Б.Х. Миниху, сообщая о ремонте стен и башен, о закладке кирпичом бреши и о проломе стены для соединения канала с озером, о ремонте крытого хода по верху стены и об отделке казарм.

Такое ощущение, что старинная русская крепость, не желая превращаться в тюрьму, снова облачается в воинские доспехи, готовится встать в боевой строй.

Усилиями И. Устинова и Д. Трезини в конце 20-х и начале 30-х годов XVIII века создается законченный архитектурный ансамбль с площадью и выходящими на нее казармами, с монетным двором и церковью, с царским дворцом и комендантским домом, с устремленной ввысь колокольной и каналом с мостами.

«Крепость приобрела новые черты, которые сближали ее с постройками Петербурга и Кронштадта, – отмечают авторы книги „Крепость Орешек“ А.Н. Кирпичников и В.М. Савков. – Творчество русских архитекторов при этом успешно сочеталось с деятельностью иностранных мастеров, работавших в новой русской столице.

В этой твердыне, расположенной при входе в Неву, как бы на границе между старыми русскими городами (Старая Ладога, Тихвин и др.) и только что возникшими, удивительно органично сочетались укрепления средневековые (московской поры) и фортификационные сооружения петровского времени. Так возник новый Шлиссельбург, который был и каменным стражем, и водными воротами новой столицы с востока, и торговым центром, и военно-административной резиденцией».

Впрочем, в таком состоянии Шлиссельбургская крепость находилась совсем недолго...

1

Добрый обычай завел в своем Отечестве первый русский император...

В ночь, когда помирал государь, сановники сходились в покое, невдалеке от постели умирающего, и до хрипоты, до биения крови в голове, артачились. Решали – кому теперь сесть на троне.

За каждым сановником сила стояла. За этим – армия, за тем – гвардейские полки, тут – семья, там – роды знатные. Одни так говорили, другие – иначе, и договориться между собой не могли, потому как если слабину покажешь и уступишь – пощады не будет. В лучшем случае – с властью доведется проститься, в худшем же – можно и с жизнью расстаться, а не только с чинами и богатствами...

И так теперь всякий раз было.

И после смерти Петра I спорили сильно, и когда Екатерина умерла, артачились.

Нынче, после кончины императора Петра II, тоже согласия не предвиделось.

В.В. Долгоруков

В душном покойнике, рядом со спальней умершего императора, сидели князья Долгоруковы – Алексей Григорьевич да Василий Лукич, канцлер Гаврила Иванович Головкин, князь Дмитрий Михайлович Голицын...

Остермана бы сюда – в полном составе Верховный тайный совет собрался бы...

Но Андрей Иванович в заседание не пошел.

От постели умершего императора Петра II не отходил – боялся, каб какого подложного завещания в постель не подсунули.

– Куды мне, иностранцу, русского царя выбирать? – сказал он. – Которого господа верховники выберут, тому и буду служить.

Так ведь и не пошел, хитрец такой, в заседание.

Зато пришел сибирский губернатор Михаил Владимирович Долгоруков и оба фельдмаршала – Михаил Михайлович Голицын и Василий Владимирович Долгоруков.

Четверо Долгоруковых напротив двоих Голицыных сидели, а председательствовал ими граф Головкин.

Государя всея Руси избирали.

Разговор серьезный шел, степенно мнениями обменивались.

– Катьку нашу надобно императрицей изделать... – говорил Алексей Григорьевич Долгоруков. – Вечнодостоинья памяти государь император ей ведь престол отказал, – и, вытащив из кармана бумагу, утер рукавом заслезившиеся глаза. – Вишь, Божий Промысл-то урядил как. Ежели император – Петр, а коли императрица – Екатерина...

– Полно народ-то смешить... – сказал на это князь Дмитрий Михайлович. – Вся Москва уже знает, что Ванька ваш вместо императора подписи наловчился ставить.

А.И. Остерман

Долгоруковых в заседании том было вдвое больше, чем Голицыных. Если вместе закричать, всех бы заглушили. Но поостереглись кричать.

Шумно во дворце было. В такие ночи всегда много народу к царскому дворцу жметя, но нынче, не в пример прежнему, особенно тревожно было.

На свадьбу императора и княжны Екатерины Долгоруковой со всей России генералы и губернаторы, знатные фамилии и простое шляхетство съехались. На свадьбу ехали, а попали на похороны.

Как в русской сказке про дурака, перепутали.

И хотя это сама судьба такой конфуз устроила, маленько каждый себя дураком ощущал. Шибко уж похоже на сказку получалось.

А когда люди в таком настроении находятся, еще сильнее их тревожить – боязно. Всякое могут учинить в отчаянности...

Потому и остереглись шуметь Долгоруковы. Только крикнул князь Василий Лукич:

– Невесть что говоришь, Дмитрий Михайлович... Нешто бы мы пошли на такое?

Ему не ответили.

Тихо было в душноватом покойчике. Шурша, сыпалась пудра с париков.

Из глубины дворца неясный шум доносился. То ли молились где-то, то ли бунтовать собирались. Узнать бы сходить, да нельзя... Никак нельзя до окончания выборов из заседания отлучаться.

– Я вот чего, господа верховники, думаю... – заговорил Дмитрий Михайлович Голицын. – Бог, наказуя Россию за ее безмерные грехи, наипаче же за усвоение чужеземных пороков, отнял у нее государя, на коем покоилась вся ее надежда.

Это верно князь Дмитрий Михайлович сказал. За великие грехи пресечено мужское потомство Петра I...

Кивали головами верховники.

А Голицын неспешно продолжал речь, рассуждая, что о дочери вечнодостоинья памяти императора Петра I от первого брака с Екатериной и думать негоже...

Кто такая императрица Екатерина была по происхождению? Ливонская крестьянка и солдатская шлюха! Ежели б не злодей Меншиков, который сам из подлого сословия происходит, и императрицей бы ей не бывать, и супругой императора тоже...

– Верно! – сказал Василий Владимирович Долгоруков. – Коли уж не Катюку нашу, тогда лучше Евдокию-царицу на трон посадить.

– Несерьезно это, фельдмаршал... – покачал головой Голицын. – Я воздаю полную дань достоинствам вдовствующей царицы, но она только вдова государя. А есть у нас и дочери царя Ивана. Мы все знаем Анну Ивановну, герцогиню Курляндскую... Говорят, у нее характер тяжелый, но в Курляндии неудовольствий на нее нет!

И столь неожиданным было предложение Голицына, что как-то растерялись все. Совсем не думано было про Анну Иоанновну...

– Дмитрий Михайлович! – пораженно проговорил фельдмаршал Василий Владимирович Долгоруков. – Твои помыслы исходят от Бога и родились они в сердце человека, любящего свою Отчизну. Да благословит тебя Бог... Виват нашей императрице Анне Иоанновне!

В.Л. Долгоруков

Тут и Василий Лукич Долгоруков, припомнив, что в прежние времена он в добрых отношениях с Анной Иоанновной находился, спохватился и тоже виват закричал. И Остерман тут как тут, начал ломиться в двери.

– Кого выбрали-то? – спросил.

– Анну Иоанновну...

– Виват! – закричал Андрей Иванович.

– Виват! – крикнули уже все хором.

Только князь Дмитрий Михайлович молчал.

– А ты чего? – спросил у него брат, фельдмаршал, герой штурма Нотебурга и сражения под Полтавой. – Сам ведь и предлагал...

И тут снова Дмитрий Михайлович всех удивил.

– Воля ваша, господа верховники, кого изволите... – сказал он в наступившей тишине. – А только надобно и себя полегчить!

– Чего? – не поверив своим ушам, спросил канцлер Гаврила Иванович Головкин. – Чего это сказал ты такое мудреное?

– Полегчить себя надо... – хладнокровно повторил Голицын. – Воли себе прибавить.

Мудр был Дмитрий Михайлович Голицын. Все книги прочитал, пока губернатором сидел в Киеве. Вот и говори, что пустое дело – книжки читать... Ишь ведь до чего додумался! Мудро, однако! А главное – так заманчиво, что и думать о таком страшно.

– Ишь ты... – покачал головой Василий Лукич. – Да хоть и прибавим воли себе, только удержим ли волю эту?

– А чего же не удержим? – задорно спросил Голицын. – Я так полагаю, что надобно нам к Ее величеству пункты написать.

И, не давая опомниться ошарашенным сотоварищам, кликнул Василия Петровича Степанова, правителя дел Верховного тайного совета.

– Садись там, чернильница! – сказал, кивая на маленький столик. – Пиши, что тебе говорить будем.

Тут всех сразу прорвало.

– Не надо, чтоб нам головы секли!

– И имущества пускай не лишают без суда справедливого!

– И войну заводить, чтоб с общего совета...

– Да что писать-то, ваши сиятельства?! – в отчаянии воскликнул Степанов. – Про головы али про войну сначала?

– Экий ты дурак, братец! – вздохнул Дмитрий Михайлович. – Слухай, что Василий Лукич диктовать будет, а Андрей Иванович штилем правильным обрабатывать...

– Нихт! Нихт! – закричал Остерман. – Дело это так важное, что за иноземством своим я вступить в него не смею!

– Полно тебе врать, Андрей Иванович! – укорил его Василий Лукич. – Вицеканцлерскую должность тебе иноземство справлять не мешает, так и штилю тоже от тебя порухи не будет.

Остерман поупирался еще, но деваться некуда было. Наконец заскрипело перо Степанова, записывая:

«Чрез сие накрепчайше обещаемся, что наинаглавнейшее мое попечение и старание будет не токмо о самодержавии, но и о крайнем и всевозможном распространении православной нашей веры греческого исповедания; тако же по принятии короны российской в супружество во всю мою жизнь не вступать и наследника ни при себе, ни по себе никого не определять; еще обещаемся, что понеже целость и благополучие всякого государства от благих советов состоит, того ради мы ныне уже учрежденный Верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без оного согласия:

1. Ни с кем войны не всчинять;
2. Миру не заключать;
3. Верных наших подданных никакими податями не отягощать;
4. В знатные чины, как в стацкие, так и в военные сухопутные и морские выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять, а гвардии и прочим войскам быть под ведением Верховного тайного совета».

Остерман замолчал, задумавшись. Перестало скрипеть и перо Степанова. Слышны были только шаги в коридорах Лефортовского дворца.

– Каб головы-то не секли, не записали еще? – спросил князь Алексей Григорьевич Долгоруков.

– Да-да! – вспомнил Остерман. – Пиши: «У шляхтства живот, имения и чести без суда не отнимать».

– И чтоб вотчины и деревни... – добавил Василий Лукич, – не жаловать; в придворные чины, как русских, так и иноземцев, не производить...

Записали и это. Подумав, запретили Анне Иоанновне и государственные доходы в расход употреблять, и при этом наказали всех в «неотменной своей милости содержать».

Кажется, ничего не забыли...

Теперь подписывать письмо надобно было, решили, что подпишут его только шестеро прежних верховников. Первым перо протянули канцлеру Головкину. Зажмурил глаза князь и подписал. Остерман снова отнекиваться стал, но и его заставили подпись поставить.

Везти кондиции в Митаву вызвались Василий Лукич Долгоруков и Михаил Михайлович Голицын. Еще по настоянию канцлера припрягли к ним родственника Головкина – генерала Леонтьева. Остерман своих родственников включать в делегацию не просил, за неимением таковых в России...

Только к утру и управились с государственными делами. Потирая кулаком слипающиеся глаза, отправился князь Дмитрий Михайлович в залу, где собрались сенаторы, члены Синода и генералы.

– Надобно сегодня торжественное молебствие сотворить в честь новой матушки-императрицы! – сказал Феофан Прокопович, когда было объявлено об избрании Анны Иоанновны.

– Погодь маленько! – остудил его Голицын.

– Чего годить-то, ваше сиятельство?

– Отдохнуть надо малость... – зевая, ответил князь.

Так и закончилась ночь на 19 января 1730 года.

Историческая ночь...

В два часа, крикнув: «Запрягайте сани! Хочу ехать к сестре!» – отбыл в неведомую страну внук Петра I император Петр II, а к утру пало и русское самодержавие...

Казалось тогда, что пало оно навсегда...

2

Говорят, что творец этой первой русской Конституции, князь Дмитрий Михайлович Голицын, скажет потом: «Пир был готов, но званые оказались недостойными его; я знаю, что паду жертвой неудачи этого дела; так и быть, пострадаю за Отечество; мне уже и без того остается недолго жить; но те, кто заставляют меня плакать, будут плакать дольше моего».

Поражает в этих словах князя соединение почти пророческого предвидения с удивительной близорукостью по отношению к событиям, участником которых был сам.

Насчет горьких слез, которые предстоит пролить и тем, кто препятствовал, и тем, кто помогал Анне Иоанновне установить самодержавное правление, угадано верно.

А вот с утверждением о готовности пира можно и поспорить.

За те тридцать пять дней, что жила Российская империя без императора, никакого конституционного пира приготовить не удалось.

И продукты требовались для этого другие, и повара...

В десять часов утра 19 января 1730 года в Кремлевском дворце были собраны Синод, Сенат и генералитет. На этом собрании князь Дмитрий Михайлович Голицын объявил об избрании на престол Анны Иоанновны.

Сообщение ошарашило сановников.

Во-первых, странно было для «птенцов гнезда Петрова», что русский престол переносится в старшую ветвь потомков царя Ивана, а, во-вторых, о кандидатуре Анны Иоанновны на русский престол всерьез никто и не думал...

Никто всерьез не думал и о Конституции.

Тем паче, что составленные верховниками кондиции с самого начала были засекречены, и ни Сенат, ни Синод, ни генералитет не были ознакомлены с ними.

Вводя ограничения самодержавной власти, верховники планировали обмануть и синодалов, и сенаторов, и генералов, объявив им, что кондиции дарованы самой императрицей.

Собирались они обмануть и императрицу, которой заявили, что кондиции – солидарное требования всего народа России...

«Сего настоящего февраля 2-го дня получили мы с нашею и всего общества неописанною радостью ваше милостивейшее к нам письмо от 28-го минувшего генваря и сочиненные в общую пользу государственные пункты, – сообщили они в депеше Анне Иоанновне, – и того же дня оные при собрании Синоду, Сенату и генералитету оригинально объявлены и прочтены и подписаны от всех».

Между тем уже 2 февраля Василий Никитич Татищев составил предложение распустить Верховный совет, поскольку тот действует, скрывая свои планы.

Под этим заявлением поставили свои подписи 249 офицеров.

Это была реальная сила. Большинство офицеров гвардии, не отвергая в принципе ограничения самодержавия, изначально готовы были укреплять его, пока самодержавие укрепляет в империи крепостническую власть дворянства.

Под давлением этого крыла верховникам следовало пойти на уступки, но какой компромисс возможен на основе той лжи и тайны, что и составляли существо предлагаемой ими «тайной Конституции»?

3

По справедливому замечанию В.О. Ключевского, новая императрица привезла в Россию только злой и малообразованный ум да ожесточенную жажду запоздалых удовольствий и грубых развлечений...

Она не способна была – и на этом и строился расчет князя Дмитрия Михайловича Голицына! – самостоятельно вести борьбу за власть. И для того и опекал императрицу Василий Лукич Долгорукий, чтобы не допустить к ней нежелательных советников.

Но тут верховники просчитались.

Андрей Иванович Остерман переиграл своих товарищей по Верховному совету и сумел установить связь с государыней по дамской линии. Направляемая этим опытным политиком, Анна Иоанновна вступила в борьбу за власть.

Когда Преображенский полк и кавалергарды явились приветствовать новую императрицу, она объявила себя полковником преображенцев и капитаном кавалергардов.

И вот 14 февраля 1730 года министры, сенаторы, представители генералитета и дворянства прибыли во Всесвятское, чтобы представиться новой императрице.

«Благочестивая и всемилостивейшая государыня! – обратился к Анне Иоанновне князь Дмитрий Михайлович Голицын. – Мы – всенижайшие и верные подданные Вашего Величества, члены российского Верховного совета, вместе с генералитетом и российским шляхетством, признавая Тебя источником славы и величия России... благодарим Тебя за то, что Ты удостоила *принять из наших рук корону* и возвратиться в отечество; с не меньшей признательностью благодарим мы Тебя и за то, что *Ты соизволила подписать кондиции, которые нашим именем предложили Тебе* наши депутаты на славу Тебе и на благо Твоему народу».

Дмитрий Михайлович Голицын умолк, наступила тишина, все ждали ответа императрицы. Рослая и тучная, с мужеподобным лицом стояла она посреди залы. Отвергнет она претензии Голицына или признает их? От этого теперь зависело все...

Анна Иоанновна поступила, как присоветовал Остерман.

– Дмитрий Михайлович и вы, прочие господа из генералитета и шляхетства! – сказала она. – Да будет вам известно, что я смотрю на избрание меня вами Вашей Императрицей как на выражение преданности, которую вы имеете ко мне лично и к памяти моего покойного родителя.

Это был мастерский ход.

Напомнив, что она является дочерью старшего брата Петра I, Анна Иоанновна превращала свое избрание в единственно возможный по закону акт. Она занимала трон, как представительница старшей ветви царского дома. Не бедная курляндская вдова, облагодетельствованная верховниками, стояла сейчас перед министрами, сенаторами и генералами, а государыня более законная, чем Екатерина I, и даже Петр II.

– Я постараюсь поступать так, что все будут мною довольны... – продолжала свою речь императрица. – *Согласно вашему желанию я подписала в Митаве кондиции*, о которых упомянул ты, Дмитрий Михайлович, и вы можете быть убеждены, что я их свято буду хранить до конца моей жизни в надежде, в которой я и ныне пребываю, что и вы никогда не преступите границ вашего долга и верности в отношении меня и Отечества, коего благо должно составлять единственную цель наших забот и трудов.

На следующий день, охраняемая кавалергардами, Анна Иоанновна въехала в Москву.

Как утверждали современники, она и выглядела уже иначе, чем по прибытии из Митавы. Изящнее сделались руки, прелестнее глаза, величественнее фигура. Красивой Анну Иоанновну пока не решались назвать, но очарование испытывали уже многие...

4

Верховники рассчитывали ввести в России Конституцию *тайно*. Реальная власть тоже утекла из их рук как-то непонятно и *тайно* для них.

Но через пять дней наступил финал.

25 февраля 1730 года во дворце собрались представители трех партий: верховники-реформаторы; шляхетские конституционалисты, поддерживавшие ограничение самодержавия, но выступавшие и против Верховного тайного совета; и самодержавники во главе с Остерманом, поддерживаемые офицерами гвардии...

Андрею Ивановичу Остерману накануне удалось провести блистательную интригу. Напугав конституционалистов-шляхтичей арестами, которые якобы собираются провести верховники, он привлек их на сторону своей партии...

Н.И. Костомаров так описывает сцену краха конституционных надежд...

Утром 25 февраля явилась во дворец толпа шляхетства. По одним известиям, число явившихся простиралось до восьмисот человек, по другим – до ста пятидесяти. Возглавлял их князь Алексей Михайлович Черкасский.

Он подал государыне челобитную, в которой изъяслялась благодарность за высокую милость ко всему государству, выраженную в подписанных ею пунктах, а далее сообщалось, что «в некоторых обстоятельствах тех пунктов находятся сумнительства такие, что большая часть народа состоит в страхе предбудущаго беспокойства»...

Челобитчики просили, «дабы всемилостивейше, по поданным от нас и от прочих мнениям, соизволили собраться всему генералитету, офицерам и шляхетству по одному или по два из фамилий: рассмотреть, а все обстоятельства исследовать согласным мнением по большим голосам форму правления сочинить и вашему величеству к утверждению представить».

Новая челобитная была представлена в четвертом часу пополудни.

Как и прежняя, эта челобитная начиналась благодарностью императрице за подписание кондиций, поданных Верховным тайным советом, но заканчивалась просьбой «присланные к вашему императорскому величеству от Верховного тайного совета пункты и подписанные вашего величества рукою уничтожить».

– Мое постоянное желание было управлять моими подданными мирно и справедливо, – произнесла в ответ императрица. – Но я подписала пункты и должна знать: согласны ли члены Верховного тайного совета, чтоб я приняла то, что теперь предлагается народом?

Члены Верховного тайного совета, молча, склонили головы.

«Счастье их, – замечает современник, – что они тогда не двинулись с места; если бы показали хоть малейшее неодобрение приговору шляхетства, гвардейцы побросали бы их в окно».

– Стало быть, – продолжала императрица, – пункты, поднесенные мне в Митаве, были составлены не по желанию народа!

– Нет! – раздались крики.

– Стало быть, ты меня обманул, князь Василий Лукич? – сказала государыня, обратившись к князю Долгорукому.

Он молчал. И императрица, взяв подписанные в Митаве кондиции, изодрала их и объявила, что желает быть истинною матерью Отечества и доставить своим подданным всевозможные милости.

Анна Иоанновна

«Черствая по природе и еще более очерствевшая при раннем вдовстве среди дипломатических козней» Анна Иоанновна стала самодержавной государыней. В тот же день она распорядилась доставить в Россию Бирона, хотя в Митаве и давала обязательство позабыть этого человека...

5

Императрица Анна Иоанновна сполна рассчиталась с авторами «тайной конституции», которая могла лишить ее любви Эрнеста Иоганна Бирона.

9 (20) апреля 1730 года она назначила обманувшего ее Василия Лукича сибирским губернатором, однако вслед послала офицера с указом о лишении князя чинов и ссылке его в деревню. Впрочем, и в деревне Василий Лукич не задержался, по новому указу императрицы он был заточен в Соловецкий монастырь, а в 1739 году – подвергнут пытке и обезглавлен.

Не миновала кара и главного творца «тайной конституции» князя Дмитрия Михайловича Голицына.

В 1736 году он был привлечен к суду и осужден на смертную казнь, которую императрица Анна Иоанновна, вспомнив, что это все-таки князь Дмитрий Михайлович и предложил сделать ее императрицей, заменила ему заключением в Шлиссельбургской крепости.

Конфискованы были все имения князя и самая богатая в России частная библиотека, насчитывавшая шесть тысяч томов.

Впрочем, ни к чему уже была эта библиотека князю.

14 (25) апреля 1737 года Дмитрий Михайлович Голицын умер, проведя в шлиссельбургском заточении чуть больше трех месяцев.

Так, волею императрицы Анны Иоанновны Шлиссельбург, десять лет простоявший без узников, снова превратился в тюрьму.

Тридцать пять лет назад, 11 октября 1702 года, стоя под градом шведских пуль, подполковник Семеновского полка Михаил Михайлович Голицын отказался тут выполнить приказ Петр I и отступить.

«Скажи царю, что теперь я уже не его, а Божий», – ответил он посыльному и, приказав оттолкнуть от острова лодки, снова повел солдат на штурм крепости.

538 героев, павших во время штурма, похоронили внутри взятой крепости.

Здесь могла быть и могила самого Михаила Михайловича Голицына, но здесь, тридцать пять лет спустя, похоронили его старшего брата.

Ему выпала судьба стать первым узником, убитым Шлиссельбургом.

Мистический скрежет города-ключа, смыкая несмыкаемое, заглушает тут, кажется, и сам ход русской истории в царствование Анны Иоанновны...

Посудите сами, племянница Петра I Анна Иоанновна заточила в Шлиссельбургскую крепость члена Верховного тайного совета Дмитрия Михайловича Голицына, который и предложил избрать ее на русский престол...

Однако соединение несоединимого не завершается на этом.

Следующим за Дмитрием Михайловичем Голицыным узником Шлиссельбурга станет человек, который злее других искал гибели князя...

6

Многие исследователи отмечали, что предприятие князя Голицына имело своим примером избрание на шведский престол сестры Карла XII Ульрики Элеоноры. Шведским аристократам удалось тогда добиться ограничения самодержавной власти.

«При избрании Анны Голицын помнил и мог принимать в соображение случившееся с Ульрикой Элеонорой: удалось там – почему не удастся здесь? – спрашивал В.О. Ключевский. – Шведские события давали только одобрительный пример, шведские акты учреждения – готовые образцы и формулы»...

Это риторический вопрос. Там – это *там*, а здесь – это *здесь*...

Петру I казалось, что он строит европейское общество, а строилась восточная рабочая империя.

Воспитанным Петром I верхушкам чудилось, что они вводят «конституцию», а *что* собирались ввести на самом деле, не знает никто.

Шляхтичам-конституционалистам казалось, что они борются с засильем олигархов, но итогом совместных, хотя и направленных друг против друга, действий стало призвание Бирона.

Бироновщина стала итогом первой русской конституционной попытки!

Но могли ли как-то иначе завершиться эти конституционные споры?

Часто высказывается мнение, что, несмотря на недостатки, «конституция» Д.М. Голицына все равно ввела бы Россию в принципиально другую (европейскую) ситуацию.

Это сомнительно, но даже если бы все и произошло так, еще неизвестно, *чем* обернулся бы для России подобный поворот...

«Слышно здесь, что делается у вас или уже и сделано, чтоб быть у нас республике, – писал в те дни казанский губернатор Артемий Петрович Вольшский, человек неглупый, а главное, хорошо знающий русскую жизнь. – Я zelo в том сумнителен. Боже сохрани, чтобы не сделалось вместо одного самодержавного государя десяти самовластных и сильных фамилий: и так мы, шляхетство, совсем пропадем и принуждены будем горше прежнего идолопоклонничать и милости у всех искать, да еще и сыскать будет трудно, понеже ныне между главными как бы согласно ни было, однако ж впредь, конечно, у них без разборок не будет, и так один будет миловать, а другие, на того яряся, вредить и губить станут»...

Второе возражение Артемия Петровича Вольшского против «конституции» базировалось на его скептическом отношении к воспитанному Петровскими реформами дворянству, которое наполнено «трусостью и похлеством, и для того, оставя общую пользу, всяк будет трусить и манить главным персонам для бездельных своих интересов или страха ради».

Вольшский не знаком с научно-художественной обработкой наследия Петра I, которая будет проведена в рамках культа, установленного императрицей Елизаветой, и его рас-

суждения несколько отличаются от романтических представлений позднейших писателей и историков. А.П. Вольшский излагает ощущения современника Петровской эпохи, и делает это не с позиций философа или моралиста, а как практик-администратор. И не сами Петровские реформы оценивает он, а только практические последствия, к которым может привести исправление их...

Хотя Петр I и декларировал, что проводит свои реформы ради величия Российской империи, но обеспечивались эти реформы отношением к титульному народу как к расходному материалу³⁰.

Вольшский понимает это и «трусостью и похлебством» служилых людей определяет не столько индивидуальные качества русских дворян, сколько результат воздействия на служивого человека установленной Петром I системы тотального подавления и унижения личности русского человека...

Эта «трусость и похлебство», несущая на себе родовые грехи Петровских реформ, проявилась в февральские дни 1730 года вполне отчетливо. Это ведь рабское нежелание заботиться о своем будущем и подтолкнуло «шляхетство» поставить последнюю точку в истории с первой русской конституцией.

За эту покорность и благодарил Анна Иоанновна гвардейских офицеров на званом обеде. Да и как было не благодарить, если эти преданные рабы помогли ей посадить во главе Российской империи любезного ее сердцу Бирона.

Как с верными холоуями обращался Бирон с русским дворянством.

«С первых же минут своей власти в России, – пишет С.Ф. Платонов, – Бирон принялся за взыскание недоимок с народа путем самым безжалостным, разоряя народ, устанавливая невозможную круговую поруку в платеже между крестьянами-плательщиками, их владельцами-помещиками и местной администрацией. Все классы общества платились и благосостоянием, и личной свободой: крестьяне за недоимку лишались имущества, помещики сидели в тюрьмах за бедность их крестьян, областная администрация подвергалась позорным наказаниям за неисправное поступление податей».

В.О. Ключевский рассказывает, что однажды польский посол выразил в беседе с секретарем французского посольства озабоченность, как бы русский народ не сделал с немцами того же, что он сделал с поляками при Лжедмитрии.

«Не беспокойтесь! – успокоил его Маньян. – *Тогда в России не было гвардии*».

При Лжедмитрии *в России не было гвардии*, и это и спасло Россию.

К этому суждению нельзя отнести просто как к занимательному анекдоту. Остроумно и точно уловил секретарь французского посольства момент перехода русской гвардии в денационализированное состояние, когда она начинает жить не для страны, а сама для себя, подчиняя себе Россию.

Такой гвардии, такого дворянства, такого высшего сословия на Руси никогда не было. Впрочем, в других странах – тоже...

И в этом, как ни грустно, и нужно искать отгадку провала всех конституционных попыток в России, потому что, хотя с середины XIX века роль гвардии в дворцовых переворотах переняла интеллигенция, но и в этих новоявленных бунтарях сохранилась денационализированность, как и стремление жить не для страны, а только для себя, подчиняя себе Россию.

И этому виною тоже – Петр I...

Вернее, обожествление его, то не критическое отношение к его свершениям, которое было установлено в России его преемниками.

---

³⁰ Это отношение к русскому народу чрезвычайно роднило Петра I с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким. Возможно, поэтому памятники Петру I и не уничтожались большевиками.

И если мы действительно желаем для своей страны добра, то должны, отбросив привычные стереотипы исторических симпатий и антипатий, без злобы и раздражения, осознать этот простой и ясный факт.

Если бы реформы Петра I совершались на благо России, невозможно было бы и само появление Анны Иоанновны.

Воцарение Анны Иоанновны – это экзамен Петровской реформы.

Бироновщина – ее оценка...

Снова, как и во всех Петровских реформах, сработала жестокая и неумолимая логика – невозможно сделать ничего хорошего для России, если ненавидишь ее народ и ее обычаи.

7

Сделанное нами уподобление эпохи Анны Иоанновны экзамену Петровских реформ, а бироновщины – оценке на этом экзамене, как любое сравнение должно содержать долю условности.

Но чем пристальнее вглядываешься в зловещую фигуру Эрнста Иоганна Бирона, тем очевиднее становится, что его появление в послепетровской России не случайность, а закономерность. И речь тут идет не только о тенденциях и приоритетах, но и о конкретном переплетении судеб...

Любопытно, что на службу к герцогине Анне Иоанновне Бирона пристроил курляндский канцлер Кейзерлинг, родственник прусского посланника барона Кейзерлинга, ставшего супругом первой любовницы Петра I Анны Моне.

Случайность? Возможно...

Но вот еще один эпизод из биографии всесильного временщика...

За пьяную драку в Кенигсберге³¹, в результате которой один человек был убит, тридцатитрехлетний Бирон попал в тюрьму и, возможно, там бы и сгинул, но его вытащили оттуда...

И кто же? Такое и нарочно не придумашь, но это был Виллим Моне – брат любовницы Петра I Анны Моне, любовник Екатерины I.

Разумеется, это тоже, конечно, только совпадение, но трудно отделаться от мысли, что Бирон – это месье Монсов, так и не достигших верховной власти, никуда не уйти от осознания неоспоримого факта, что Бирона приговорила для России распутная жизнь Петра I и Екатерины I...

Некоторые историки пытаются навести глянец и на эпоху Анны Иоанновны, но получается худо, потому что более всего характерно для этого царствования даже и не жестокость, а необыкновенное обилие уродства.

Уродливыми были тогда отношения между людьми, характеры, сам быт...

Уродливым было абсолютно полное подчинение императрицы Бирону. Как отмечают современники, он управлял Анной Иоанновной всецело и безраздельно, как собственной лошадью...

«К несчастью ей и целой империи воля монархини окована была беспредельною над сердцем ее властью необузданного честолюбца, – пишет Минихсын. – До такой степени Бирон господствовал над Анною Иоанновною, что все поступки свои располагала она по прихотям сего деспота, не могла надолго разлучиться с ним, и всегда не иначе, как в его соупутствии, выходила и выезжала... На лице ее можно было видеть, в каком расположении духа находился наперсник. Являлся ли герцог с пасмурным видом – мгновенно и чело Госу-

---

³¹ Одно время Бирон был студентом Кенигсбергского университета, но учебу бросил.

дарыни покрывалось печалью; когда первый казался довольным, веселье блистало во взоре; неугодивший же любимцу тотчас примечал явное неудовольствие монархини».

Э.И. Бирон

Привязанность Анны Иоанновны к Бирону была так уродлива, что тяготила самого временщика. Он не стеснялся публично жаловаться, что не имеет от императрицы ни одного мгновения для отдыха. При этом, однако, Бирон тщательно наблюдал, чтобы никто без его ведома не допускался к императрице, и если случалось, что он должен был отлучиться, тогда при государыне неотступно находились его жена и дети. Все разговоры императрицы немедленно доводились до сведения Бирона.

Жуткую карикатуру придворной жизни дополняли толпы уродцев и карликов...

В допросных пунктах, снятых с Бирона после ареста, сказано, что «он же, будто для забавы Ея Величества, а на самом деле по своей свирепой склонности, под образом шуток и балагурства, такие мерзкие и Богу противные дела затеял, о которых до сего времени в свете мало слыхано: умалчивая о нечеловеческом поругании, произведенном не токмо над бедными от рождения, или каким случаем дальняго ума и разсуждения лишенными, но и над другими людьми, между которыми и честный народ находились, частых между оными заведенных до крови драках, и о других оным учиненных мучительствах и безотрадных: мужеска и женска полуобнажениях, иных скаредных между ними его вымыслом произведенных пакостях, уже и то чинить их заставлял и принуждал, что натуре противно и объявлять стыдно и непристойно».

И так везде...

Куда ни взгляни в этом царствии, все уродливо кривится, словно отраженное в кривом зеркале.

«Это царствование – одна из мрачных страниц нашей истории, и наиболее темное пятно на ней – сама императрица, – писал В.О. Ключевский. – Выбравшись случайно из бедной митавской трущобы на широкий простор безотчетной русской власти, она отдалась празднествам и увеселениям, поражавшим иноземных наблюдателей мотовской роскошью и безвкусицей... Не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, навезенных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении. Этот сбродный налет состоял из „клеотур“ двух сильных патროнов: „каналы курляндца“, умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого каналы, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольда, обер-шталмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника. При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, какие мастерил

другой Левенвольд, обер-гофмаршал, перещеголявший злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочные деньги, выколачиваемые из народа»...

8

Повторим еще раз, что воцарение Анны Иоанновны – экзамен Петровским реформам, а бироновщина – оценка на этом экзамене...

Еще можно сравнить это царствование с муками изнасилованной Петром I России. Среди переполняющего дворцовое чрево уродства формировался самый гадкий монстр – новая русская аристократия.

Входя во вкус жандармской работы, русское дворянство превратилось в некую наднациональную прослойку, предателей своего народа, обреченных теперь всегда ощущать свою ничтожность и ущербность. Поэтому так легко подчинялись дворяне любому тиранству, творимому над ними. «Оставя общую пользу», каждый из них готов был теперь «трусить и манить главным персонам для бездельных своих интересов или страха ради».

Этой стремительной денационализации дворянства и гвардии немало способствовала кадровая политика Бирона. И так-то в гвардии было немало нерусских офицеров, но при Анне Иоанновне преобладание их стало очевидным.

Вдобавок к Преображенскому и Семеновскому был сформирован Измайловский полк, полковником в который назначили обер-штальмейстера Левенвольда, а офицеров набрали из лифляндцев, эстляндцев и курляндцев...

Но разве не об этом и мечтал Петр I?

Разве смутило бы его засилье немцев? И то, что Бирон слово «русский» употреблял только как ругательное? И жестокость, с которой Бирон уничтожал Россию, отдавая русских крестьян в полную собственность господам, зачастую плохо говорящим по-русски?

Во внутренней политике Бирона просматривается такая явная преемственность с реформами Петра I, что становится не по себе, когда вспоминаешь о приказе Петра, отданном овдовевшей Анне Иоанновне ехать в Митаву и окружить себя там немцами.

Такое ощущение, словно в каком-то гениально злобном озарении Петр I предугадал Бирона, увидел в нем продолжателя своего главного дела, и сам и назначил его в правители.

Разумеется, все это – субъективные ощущения.

Объективно другое... Совершающееся в годы царствования Анны Иоанновны разделение населения Российской империи на закрепощенных русских рабов и на трусливую, вненациональную касту господ объективно вытекало из всего хода Петровских реформ.

«Между тем как в столицах и городах все сословия трепетали из опасения раздражить подозрительного тирана самым неумышленным словом, – пишет Н.Е. Устрялов, – в селах и деревнях народ стонал от его корыстолюбия, столь же ненасытного, сколько беспредельна была месть его... Возобновилось татарское время. Исполнители Бироновой воли забирали все: хлеб, скот, одежду; дома предавали огню, а крестьян выводили в поле и там, нередко в жестокую стужу, держали на правеже, т. е. секли беспощадно; целые деревни опустели; многие были сожжены; жители сосланы в Сибирь. Но так как непрерывное отправление отдельных команд оказалось неудобным и безуспешным, то самим полкам поручено было заботиться о своем содержании, и каждому из них назначены были деревни, где солдаты брали все, что могли.

Взысканные таким образом миллионы рублей не смешивались с общими доходами, а поступали в секретную казну; суммами ее распоряжался один Бирон безотчетно и употреблял их в свою пользу, на покупку поместьев в Польше и Германии, на конские заводы, на великолепные экипажи и прочее».

Дорого стоило России любостяжание Бирона; не дешевле обошлось и его управление внешними делами государства. По наблюдениям современников, все десять лет правления Анны Иоанновны Бирон самовластно распоряжался Российской империей.

Немалую помощь в этом оказывал ему обергофкомиссар, финансист Леви Липман. Бирон, как утверждает в «Еврейской энциклопедии», «передал ему почти все управление финансами и различные торговые монополии».

Считается, что Бирон был истинным виновником безуспешного окончания войны, предпринятой при самых благоприятных обстоятельствах, ознаменованной блестящими успехами, но, как писал Н.Г. Устрялов, по прихоти Бирона кончившейся одним разорением государства.

Вместе с Леви Липманом Бирон устроил настоящую распродажу России. На аукцион выставлялись и политические интересы России, и сами ее граждане. В мае 1733 года Липман и Бирон организовали продажу Фридриху Вильгельму высокорослых русских рекрутов³²...

Все эти деньги, как утверждал Миних, утекали из государственной казны «на покупку земель в Курляндии и на стройку там двух дворцов – не герцогских, а королевских, и на приобретение герцогу друзей приспешников в Польше. Кроме того, потрачены были многие миллионы на драгоценности и жемчуга для семейства Бирона: ни у одной королевы в Европе не было бриллиантов в таком изобилии, как у герцогини курляндской»...

Разумеется, сопротивление Бирону было, но оно жестоко подавлялось жандармами в гвардейских мундирах...

В 1732 году беглый драгун Нарвского полка Ларион Стародубцев объявил себя сыном Петра I – Петром Петровичем. Стародубцева схватили и после пыток в Тайной канцелярии труп его сожгли...

В январе 1738 года на Десне появился человек, назвавшийся царем Алексеем Петровичем. Его поддержали солдаты. В церкви был устроен молебен, собравший толпы людей. В конце концов, самозванца схватили и вместе со священником, служившим молебен, посадили на кол.

«Высочайшие манифесты превратились в афиши непристойного самовосхваления и в травлю русской знати перед народом, – писал В.О. Ключевский. – Казнями и крепостями изводили самых видных русских вельмож – Голицыных и целое гнездо Долгоруких. Тайная розыскная канцелярия, возродившаяся из закрытого при Петре II Преображенского приказа, работала без устали, доносами и пытками поддерживая должное уважение к предержавшей власти и охраняя ее безопасность; шпионство стало наиболее поощряемым государственным служением»...

Ссылали массами, и ссылка получила утонченно жестокую разработку... Зачастую ссылали без всякой записи в надлежащем месте и с переменою имен ссыльных, не сообщая о том даже Тайной канцелярии: человек пропадал без вести»...

9

Еще в 1731 году Анна Иоанновна, едва вступив на престол, издала указ, по которому российский трон утверждался за будущим ребенком ее племянницы Анны Леопольдовны, которой в то время было всего 13 лет.

---

³² Отметим здесь, что в отношении к евреям при Анне Иоанновне тоже прослеживается определенная преемственность политики Петра I. Хотя и издавались строгие указы, воспрещающие сдачу земли в Малороссии в аренду евреям и ограничивающие еврейскую торговлю спиртным, но в силу они не вступали. Более того... Жесточайшая эксплуатация еврейскими арендаторами крестьян была разрешена Бироном теперь еще и в Слободской Украине, и на Смоленщине, а торговля польской водкой – по всей Великороссии.

Анна Леопольдовна в замужестве за герцогом Брауншвейгским Антоном Ульрихом родила в 1740 году сына, и двухмесячный младенец Иван Антонович, как и обещала Анна Иоанновна, был объявлен императором.

В этом же году, 5 октября, во время обеда Анна Иоанновна упала в обморок с сильною рвотою...

И неожиданная болезнь Анны Иоанновны, и кончина ее так же уродливы и мрачны, как и вся жизнь, как и ее дворец, наполненный учеными скворцами, белыми павами, обезьянами, карликами и великанами, шутами и шутихами; как и все ее царствование...

Бирон, Остерман и князь Алексей Михайлович Черкасский составили духовное завещание от имени императрицы и за несколько часов до ее кончины спросили государыню, не угодно ли ей будет выслушать его?

– Кто писал? – спросила императрица.

– Ваш нижайший раб, – изгибаясь в кресле, сказал Остерман.

Затем он читал завещание, и когда дошел до статьи, что герцог курляндский будет регентом в продолжение шестнадцати лет отрочества молодого императора Иоанна Антоновича, Анна Иоанновна прервала чтение.

– Надобно ли это тебе? – спросила она у Бирона.

Бирон кивнул.

Так, 16 октября, он был назначен регентом при младенце-императоре. На следующий день, шепнув Бирону: «Не бойсь!» – императрица померла.

Бирон и не собирался никого бояться. Десять лет он правил Россией из-за спины Анны Иоанновны. Теперь Бирон собирался править страной открыто. Конечно, он догадывался, что не все довольны его назначением, но он надеялся, что никто из русских аристократов не осмелится оспорить это назначение.

Однако уже 8 ноября 1740 года принцесса Анна Леопольдовна, опираясь на поддержку враждовавшего с Бироном фельдмаршала Б.К. Миниха, распорядилась арестовать Бирона с семьей и братом.

Б.К. Миних

В сопровождении нескольких гренадеров и адъютанта Манштейна фельдмаршал ночью отправился в Летний дворец Бирона. Преображенцы, охранявшие герцога, без спора пропустили заговорщиков.

Когда Манштейн взломал дверь в спальню герцога, тот попытался спрятаться под кровать, но босая нога, которая высывалась из-под кровати, выдала его. Понукаемый штыками, Бирон был извлечен из своего убежища. Манштейн первым делом заткнул ему ночным колпаком рот, а потом объявил, что его светлость арестована.

Для вразумления гренадеры побили герцога прикладами³³ и, связав ему руки, голого, потащили мимо *верных присяге* преображенцев к карете Миниха.

В эту же ночь был арестован брат герцога – генерал Густав Бирон. Густава охраняли измайловцы, но и они по-гвардейски мудро уклонились от исполнения присяги и защищать генерала Бирона не стали.

Переворот, как и все гвардейские перевороты, был осуществлен бескровно, и уже утром Анна Леопольдовна осматривала имущество Биронов и одаривала отважных победителей.

Фрейлине Юлиане Менгден подарили расшитые золотом кафтаны герцога и его сына. Фрейлина велела сорвать золотые позументы и наделать из них золотой посуды...

Миних получил должность первого министра, а супруг Анны Леопольдовны – звание генералиссимуса.

Сама Анна Леопольдовна удовольствовалась званием регентши.

А Биронов собрали всех вместе и повезли в Шлиссельбургскую крепость.

Бывшего регента везли в отдельной карете под особо строгим конвоем. На козлах и на запятках находились офицеры с заряженными пистолетами, по сторонам кареты ехали кавалеристы с обнаженными палашами. Герцог сидел, откинувшись на подушки и надвинув на глаза меховую шапку, чтобы его не узнали. Однако теснившийся на улице народ знал, кого везут, и осыпал пленника злобными насмешками.

Такое поведение народа очень огорчило наблюдавшую за вывозом Биронов Анну Леопольдовну.

– Нет, не то я готовила ему... – с грустью сказала она. – Если бы Бирон сам предложил мне правление, я бы с миром отпустила его в Курляндию.

– Безумный человек! – кивал словам правительницы Андрей Иванович Остерман. – Не знал он предела в своей дерзости.

Когда карета выехала из Санкт-Петербурга, Бирон впал в полуобморочное состояние, и в лодку на переправе его перенесли на руках.

Шесть месяцев, пока производилось следствие, сидели Бироны в Шлиссельбургской крепости.

Содержали их, как считается, в Светличной башне.

Шесть месяцев искали и конфисковывали движимое и недвижимое имущество герцога: только драгоценности, найденные в его дворце, были оценены в 14 миллионов рублей. Все герцогское имущество в Митаве, Либаве и Виндаве было опечатано.

Против Бирона были выдвинуты обвинения «в безобразных и злоумышленных преступлениях». Его обвиняли в обманном захвате регентства, намерении удалить из России императорскую фамилию, чтобы утвердить престол за собой и своим потомством, небрежении о здоровье государыни, в «малослыханных» жестокостях и водворении немцев.

В апреле 1741 года был обнародован манифест «О винах бывшего регента герцога Курляндского», который три воскресенья подряд читали народу в церквях.

В июле 1741 года Сенат приговорил Бирона за «безбожные и зловымышленные» преступления к смертной казни, но Анна Леопольдовна заменила казнь заточением в сибирском городке Пельме.

Так, уже после кончины Анны Иоанновны, продолжал развиваться ее шлиссельбургский проект.

Скрежетал город-ключ, смыкая несмыкаемое...

Ну а завершился тот проект совсем печально...

Впрочем, об этой страшной истории наша следующая глава.

---

³³ Бирону было нанесено при аресте около двадцати ран, от которых он излечился только спустя два года.

Глава девятая

ЧТОБЫ ОН ВСЕГДА В СОХРАНЕНИИ ОТ ЗЛА ОСТАЛСЯ

Не прикасайтесь помазанным Моим, и во пророцех моих не лукавьте.

Псалом 104, ст. 15

Я крепко боюсь, чтоб Иоанн не сверг с престола нашей благодетельницы, ведь этот молодой человек, воспитанный в России монахами, далеко, вероятно, не будет философом.

Мари Франсуа Вольтер

Незадолго до кончины Анны Иоанновны, 12 августа 1740 года, у полунемки Анны Леопольдовны и чистокровного немца, принца Брауншвейг-Беве́рн-Люнебургского Антона-Ульриха родился сын.

Это был долгожданный наследник престола Иоанн VI Антонович.

Анна Леопольдовна (до миропомзания Елизавета-Екатерина-Христина) принадлежала, как и ее тетка, императрица Анна Иоанновна, к милославской ветви династии Романовых. Она была дочерью герцога Мекленбург-Шверинского Карла Леопольда и Екатерины Иоанновны, прозванной в мекленбургских владениях «дикой герцогиней».

В 1722 году герцогиня Екатерина Иоанновна привезла трехлетнюю Анну Леопольдовну в Россию.

В России и выросла девочка.

Всесильный Бирон пытался пристроить в мужья юной Анне Леопольдовне своего сына Петра, но принцесса предпочла бироновскому отпрыску племянника австрийского императора, Брауншвейг-Беве́рн-Люнебургского принца Антона Ульриха.

Казалось, что с рождением прямого правнука царя Иоанна V Алексеевича русский престол окончательно закрепляется за милославской ветвью династии Романовых.

Поэтому-то и был устроен в честь рождения Иоанна VI Антоновича грандиозный фейерверк. Огни тех салютов – увы! – самое яркое, что увидел в своей жизни этот человек.

1

Много на свете несчастных детей. Но едва ли сыщется среди них ребенок несчастнее императора Иоанна Антоновича. Ему было два месяца, когда умирающая Анна Иоанновна назначила его своим преемником на императорском престоле и его младенческий профиль был отчеканен на рублевых монетах.

Теперь все указы издавались от имени ребенка, который удивленно таращился из колыбельки на взрослых дяденек и тетенок, осыпавших себя его повелением всевозможными наградами.

Не по-детски печально и задумчиво смотрел десятимесячный император и на своего произведенного в генералиссимусы отца Антона Ульриха, когда тот изучал поступившее из Шлиссельбурга донесение. Инженер-капитан Николай Людвиг сообщал, что «...сия крепость, хотя и не при самые границы состоит, однако она водяной путь из России и коммуникацию из Санкт-Петербурха защищает».

Изучив донесение, генералиссимус Антон Ульрих взял перо, и заплакал крошка-император, словно пахнуло в его колыбельку холодом шлиссельбургского каземата...

Елизавета Петровна

Чуть больше года было императору Иоанну VI, когда провозглашенная новой императрицей Елизавета Петровна (она тоже приходилась Иоанну Антоновичу бабкой) взяла его на руки и, поцеловав, сказала:

«Бедное дитя. Ты ни в чем не виноват, родители твои виноваты...»

И сразу из колыбели отправила она нареченного русским императором ребенка в тюрьму...

Подыскивая оправдания перевороту, совершенному Елизаветой Петровной, ангажированные Романовыми историки каждый раз намекали, дескать, русская «дщерь Петрова» забрала принадлежащую ей по праву власть у «немецкого» семейства.

Насчет русских и немцев тут надо разобраться.

Императрица Елизавета Петровна была такой же полунемкой, как ее племянница правительница Анна Леопольдовна. И власть императрица Елизавета Петровна передала императору Петру III, такому же на три четверти немцу, как и его племянник, император Иоанн Антонович.

Да и насчет вины родителей Иоанна Антоновича тоже не все ясно.

Ни правительница Анна Леопольдовна, ни супруг ее, генералиссимус Антон Ульрих, умом не блистали, но за год своего правления особых бед не принесли, а если сравнивать их правление с эпохой Анны Иоанновны, то этот год можно даже счастливым для России назвать.

Любопытно, что, объявив в 1741 году войну России, Швеция выставила одной из причин ее необходимость добиться возвращения русского престола потомству Петра I. И хотя надежда шведов, что «дщерь Петрова» отблагодарит их возвращением ряда утраченных по Ништадтскому миру территорий, оказалась напрасной, тем не менее начавшаяся война оказала Елизавете Петровне серьезную помощь в борьбе за власть. 23 ноября 1741 года, когда гвардейским полкам был отдан приказ о выступлении из Петербурга на войну, сторонники цесаревны распустили слухи, что правительница Анна Леопольдовна удаляет гвардейцев из столицы, не имея никакой военной надобности, только ради того, чтобы провозгласить себя самодержавной императрицей. Это вызвало возмущение гвардии и немало способствовало успеху затеянного Елизаветой Петровной переворота.

Анна Леопольдовна

Между прочим, тогда же поползли слухи, будто при рождении принца Иоанна Антоновича Анна Иоанновна приказала академикам составить гороскоп новорожденного. Ученые, изучив звездное небо, выяснили, что светила предсказывают страшный жребий царственному младенцу.

Анну Леопольдовну предупреждали об опасной деятельности Елизаветы Петровны, но правительница ограничилась тем, что взяла со своей тетки слово не действовать против нее.

Слово это богобоязненная Елизавета Петровна держала ровно день, а ночью 25 ноября 1741 года произвела дворцовый переворот.

Любопытно и то, что, завершая войну со Швецией, ставшая-таки русской императрицей «дщерь Петра» не забыла о династических претензиях Швеции и настояла, чтобы на шведский престол был посажен брат ее умершего жениха – Голштинский принц Адольф Фридрих, епископ Любский.

Ну а сразу после переворота, 2 декабря 1741 года, заливаясь слезами, Елизавета Петровна снарядила своего несчастного внука в Ригу, чтобы запереть его в замке, прежде принадлежавшем Бирону.

Елизавета Петровна приказала стереть саму память о внуке. Указы и постановления царствования Иоанна Антоновича были изъяты, а монеты с изображением малолетнего императора подлежали переплавке. Злоумышленникам, уличенным в хранении таких монет, приказано было рубить руки.

Серебряный рубль с вензелем Иоанна Антоновича

Двухлетний Иоанн VI Антонович, согласно императорской воле, погружался в безвестность, а навстречу славе и власти везли в Петербург четырнадцатилетнего подростка, племянника императрицы Елизаветы Петровны, внука императора Петра I – Карла Петра Ульриха, будущего русского императора Петра III.

2

В жалостливом уголовном романсе советской поры поется:

*Кто скитался по тюрьмам советским,
Трудно гражданам вам рассказать,
Как приходится нам малолеткам
Со слезами свой срок отмыкать...*

Тюрьмы Иоанна VI Антоновича были не советскими, да и сам он был не малолетним преступником, а русским императором, но все остальное сходилось. Нельзя без слез думать о странствиях двухлетнего Иоанна VI Антоновича по елизаветинским тюрьмам.

Через год, когда открыт был заговор камер-лакея Александра Турчанинова, прапорщика Преображенского полка Петра Ивашкина и сержанта Измайловского полка Ивана Сновидова – заговорщики планировали умертвить Елизавету Петровну и вернуть на русский трон Иоанна VI Антоновича – малолетнего узника перевезли в крепость Динамюнде.

Но и здесь ненадолго задержался он.

В марте 1743 года в Петербурге был открыт новый заговор генерал-поручика Степана Лопухина, жены его Натальи, их сына Ивана, графини Анны Бестужевой и бывшей фрейлины Анны Леопольдовны Софьи Лилиенфельдт.

Злодеи осмелились в своем кругу сочувствовать судьбе Иоанна VI Антоновича и его матери Анны Леопольдовны! Заговорщики, как было сказано в указе, изданном 29 августа 1743 года, хотели «привести нас в огорчение и в озлобление народу».

Статс-даме Лопухиной и графине Бестужевой обрезали – в прямом значении этого слова! – языки, и, наказав кнутом, отправили в далекую ссылку. Туда же препроводили высеченную плетью фрейлину Софью Лилиенфельдт.

Еще более жестоко наказали младенца Иоанна VI Антоновича и его мать Анну Леопольдовну, которые действительно были виноваты тем, что вызывали сочувствие к себе.

Их приказано было заточить в Раненбурге.

В Рязанскую губернию, к новому месту заточения, везли императорскую семью с предельно возможной жестокостью, так что беременная Анна Леопольдовна отморозила в пути левую руку, генералиссимус Антон Ульрих – обе ноги, а крошка-император Иоанн VI Антонович всю дорогу метался в жару и бредил.

Раненбург³⁴ возник на месте поместья, подаренного Петром I Алексею Даниловичу Меншикову, и, как и Шлиссельбург, сразу после кончины Петра I начал овладевать тюремной специальностью. Сюда поначалу решено было сослать лишенного званий и чинов самого А.Д. Меншикова, потом здесь находился князь С.Е. Долгоруков, теперь пришла очередь Иоанна VI Антоновича и его матери Анны Леопольдовны.

В Раненбурге для семьи императора было выстроено два домика на противоположных концах городка. Построили их второпях, и ни окованные железом двери, ни толстые решетки на окнах не защищали ни от сквозняков, ни от сырости.

Анну Леопольдовну и принца Антона Ульриха поместили в крошечной комнате, вся обстановка которой состояла из двух деревянных кроватей, стола и грубо сколоченных табуретов.

Об Иоанне VI Антоновиче, который находился на другом конце города, несчастные родители не могли добиться сведений, а стражники – им объяснили, что арестанты – суще-

---

³⁴ Нынешний Чаплыгин.

ства «сущеглупые» – молчали, потому что и сами не слышали ни о каком малолетнем императоре.

Ульрих Антон

Капитан-поручик Вындомский приказал солдатам, охранявшим Анну Леопольдовну и принца Антона Ульриха, не церемониться с арестантами, и когда они начнут «заговариваться», вязать их и обливать холодной водой.

Так солдаты и поступили, когда Анне Леопольдовне вздумалось позвать начальника. Они связали беременную женщину, бросили на пол и облили ледяной водой. Принц Антон Ульрих, которого загодя привязали к кровати, подтверждая свою «сущеглупость», рыдал и осыпал мучителей проклятиями на немецком языке, и солдатам пришлось облить ледяной водой и генералиссимуса.

А Иоанну VI Антоновичу была придумана еще более жестокая, чем родителям, пытка. С ним запрещено было говорить. Юлиана Менгден, придворная дама Анны Леопольдовны, попыталась было шепотом разговаривать с ребенком, но солдаты отогнали ее.

3

Все эти годы продолжалось начавшееся по распоряжению генералиссимуса Антона Ульриха укрепление Шлиссельбургской крепости.

Под бастионами, которые размывало водой, сделали каменный фундамент, одели в камень – сложили из известняка наружные (эскарповые) подпорные стены – и сами бастионы. Куртины – треугольные стены – соединили бастионы в единую систему укреплений.

Шлиссельбургская бастионная крепость превратилась в результате в первоклассное фортификационное сооружение, но работы, хотя за производством их и наблюдал генерал-аншеф Абрам Ганнибал, затянулись.

Когда из Раненбурга пришло донесение о попытке освободить Иоанна VI Антоновича, императрица Елизавета Петровна долго не могла сообразить, куда теперь определить любимого внука.

27 июня 1744 года камергеру барону Н.А. Корфу предписано было везти Иоанна VI Антоновича в Соловецкий монастырь.

Брауншвейгское семейство везли к Архангельску, через Переяславль-Рязанский, Владимир, Ярославль и Вологду, не останавливаясь в этих городах. Согласно указу, данному барону Корфу, довольствовались арестантов так, «чтобы человеку можно было сыту быть, и кормить тем, что там можно сыскать без излишних прихотей».

Еще большей суровостью отличалась инструкция относительно четырехлетнего Иоанна VI Антоновича. Его везли в Архангельск под именем Григория³⁵, причем приказано было везти его скрытно, никому, даже подводчикам, не показывать и держать коляску всегда закрытою.

В Архангельске «младенца» следовало ночью посадить на судно, и ночью же пронести в монастырь. Там и велено было содержать его под строгим караулом, «никуда из камеры не выпускать, и быть при нем днем и ночью слуге, чтобы в двери не ушел или в окно от резвости не выскочил».

Продолжая традиции отца, Елизавета Петровна все предусмотрела вплоть до самых малейших деталей, но при этом упустила то обстоятельство, что осенью добраться до Соловецких островов весьма затруднительно.

Барон Корф, не желая рисковать жизнью, уверил императрицу, что Соловки – ненадежное место, поскольку летом туда заходят шведские суда и трудно исключить возможность побега.

Считается, что в решении судьбы несчастных узников участвовал и М.В. Ломоносов, посоветовавший отправить Иоанна VI Антоновича в Холмогоры.

Спешным образом переделали под тюрьму пустующий в Холмогорах – архиерейская кафедра была перенесена в Архангельск! – архиерейский дом и разместили в нем несчастного младенца-императора, а отдельно от него, в келье, окна которой выходили на скотный двор, «двух сущеглупых, кои там будут иметь пребывание до кончины».

Тоскливо было узникам в Холмогорах зимой, когда ненадолго поднималось холодное солнце, еще тоскливее становилось летом, когда солнце не сходило с неба, и казалось, что не будет конца бесконечному дню заточения.

Безрадостный вид – несколько деревьев, хозяйственные постройки да за высоким забором пустынная, нескончаемая даль – открывался из забранных решетками окон, но ничего другого не суждено было более увидеть ни правительнице Анне Леопольдовне, ни ее супругу, генералиссимусу Антону Ульриху.

Сохранилось не так уж и много документов о тюремных мытарствах ребенка-императора. Документы эти позволяют лишь предположительно говорить о развитии и образовании Иоанна VI Антоновича.

Совершенно определенно известно, что официальные инструкции не только не предусматривали какого-либо обучения мальчика, но и воспрещали разъяснять ему его положение.

Ребенок рос и развивался физически, лишенный общения со сверстниками и возможности играть, не подозревая, кто он такой и почему с ним обращаются так жестоко и бессердечно.

---

³⁵ Нетрудно заметить тут стремление уподобить законного государя-императора самозванцу Григорию Отрепьеву.

Страдания ребенка были так велики, что они сводили с ума даже его тюремщиков. Поэтому, когда до Петербурга дошли слухи о странных выходках майора Мюллера, чтобы подкрепить его, решили послать ему в помощь его жену сердобольную фрау Мюллер.

Считается, что это она и выучила Иоанна VI Антоновича читать, писать и молиться...

Иоанн Антонович

Когда Иоанну Антоновичу исполнилось 15 лет, фрау Мюллер нашла возможность завязать отношения с принцем. Через нее генералиссимус узнал, что сын живет рядом и начал переписываться с ним.

Долго так продолжаться не могло, и в 1756 году, когда допрашивали в Тайной канцелярии тобольского купца-раскольника И. Зубарева, показавшего, что прусский король Фридрих произвел его в полковники, чтобы он подготовил побег Иоанна VI Антоновича, пятнадцатилетнего императора решено было – уже завершили ремонт крепости! – перевести в Шлиссельбург.

В начале 1756 года сержант лейб-кампании Савин получил предписание тайно вывезти Иоанна Антоновича из Холмогор и секретно доставить в Шлиссельбург, а полковнику Вындомскому, главному приставу при Брауншвейгской семье, дан был указ: «Оставшихся арестантов содержать по-прежнему и строже, и с прибавкою караула, чтобы не подать вида о вывозе арестанта; в кабинет наш и по отправлении арестанта репортовать, что он под вашим караулом находится, как и прежде репортовали».

4

В Шлиссельбурге режим секретности еще более усилился.

Кто содержится в каземате Шлиссельбургской крепости под именем «известного арестанта» и «безымянного колодника», не положено было знать даже коменданту крепости майору А.Ф. Бередникову³⁶.

Инструкция, данная графом А.И. Шуваловым гвардии капитану А. Шубину, гласила:

«Быть у онага арестанта вам самому и Ингермандландского пехотного полка прапорщику Власьеву, а когда за нужное найдете, то быть и сержанту Луке Чекину в той казарме дозволяется, а кроме же вас и прапорщика, в ту казарму никому ни для чего не входить, чтоб

---

³⁶ С легкой руки автора романа «Мирович» Григория Петровича Данилевского, поместившего своего героя в каземат Светличной башни, который позднее использовался как карцер, эта информация кочует как по туристским путеводителям, так и по научным статьям. Между тем, познакомившись с «Бумагами по шлиссельбургскому бунту», приложенными ко 2-му тому книги В.А. Бильбасова «История Екатерины II», можно утверждать, что Иоанна Антоновича содержали в другом помещении, скорее всего, в казарме, отделенной от общего крепостного двора каналом.

арестанта видеть никто не мог, також арестанта из казармы не выпускать: когда же для убирания в казарме всякой нечистоты кто впущен будет, тогда арестанту быть за ширмами, чтоб его видеть не могли.

Где вы обретаться будете, запрещается вам и команде вашей под жесточайшим гневом Ее Императорского Величества никому не писать...

В котором месте арестант содержится и далеко ли от Петербурга или Москвы арестанту не сказывать, чтоб он не знал.

Вам и команде вашей, кто допущен будет арестанта видеть, отнюдь никому не сказывать, каков арестант, стар или молод, русский или иностранец, о чем подтвердить под смертною казнию, коли кто скажет».

В 1757 году А. Шубина заменил капитан Овцын, которому мы обязаны единственными, кажется, описаниями Иоанна VI Антоновича.

Май 1759 года. «Об арестанте доношу, что он здоров и, хотя в нем болезни никакой не видно, только в уме несколько помешался, что его портят шептаньем, дутьем, пусканьем изо рта огня и дыма; кто в постели лежа повернется или ногу переложит, за то сердится, сказывает, шепчут и тем его портят; приходил раз, к подпоручику, чтоб его бить, и мне говорил, чтоб его унять, и ежели не уйму, то он станет бить; когда я стану разговаривать (разубеждать), то и меня таким же еретиком называет; ежели в сенях или на галереи часовой стукнет или кашлянет, за то сердится».

Июнь 1759 года. «Арестант здоров, а в поступках так же, как и прежде, не могу понять, воистину ль он в уме помешался или притворничествует. Сего месяца 10 числа осердился, что не дал ему ножниц; схватив меня за рукав, кричал, что когда он говорит о порче, чтоб смотреть на лицо его прилежно и будто я с ним говорю грубо, а подпоручику, крича, говорил: „Смеешь ли ты, свинья, со мною говорить?“ Садился на окно – я опасен, чтоб, разбив стекло, не бросился вон; и когда говорю, чтоб не садился, не слушает и многие беспокойства делает. Во время обеда за столом всегда кривляет рот, головою и ложкою на меня, также и на прочих взмахивает и многие другие проказы делает. Стараюсь ему угождать, только ничем не могу, и что более угождаю, то более беспокоит. 14 числа по обыкновению своему говорил мне о порче; я сказал ему: „Пожалуй, оставь, я этой пустоты более слушать не хочу“, потом пошел от него прочь. Он, охватя меня за рукав, с великим сердцем рванул так, что тулуп изорвал. Я, боясь, чтоб он не убил, закричал на него: „Что, ты меня бить хочешь! Поэтому я тебя уйму“, на что он кричал: „Смеешь ли ты унимать? Я сам тебя уйму“. И если б я не вышел из казармы, он бы меня убил. Опасаюсь, чтоб не согрешить, ежели не донести, что он в уме не помешался, однако ж весьма сомневаюсь, потому что о прочем обо всем говорит порядочно, доказывает евангелием, апостолом, минеею, прологом, Маргаритою и прочими книгами, сказывает, в котором месте и в житии которого святого пишет; когда я говорил ему, что напрасно сердится, чем прогневляет Бога и много себе худа сделает, на что говорит, ежели б он жил с монахами в монастыре, то б и не сердился, там еретиков нет, и часто смеется, только весьма скрытно; нынешнее время перед прежним гораздо более беспокоит».

Свидетельства чрезвычайно любопытные.

Овцын, разумеется, шаржирует вспыльчивость Иоанна VI Антоновича, его повышенную раздражительность, но даже если это и так, то тут надо говорить не о помешательстве девятнадцатилетнего юноши, без какой-либо на то вины проведшего всю свою жизнь в тюрьмах, а о его необыкновенном смирении и терпении.

Во-вторых, вопреки распространенному мнению о неразвитости и даже некоем скудоумии Иоанна VI Антоновича, мы видим вполне разумного и достаточно начитанного молодого человека. Об этом свидетельствуют книги, на которые ссылается он, обосновывая свои мысли: Евангелие, Апостол, жития святых, поучения Святых отцов...

Подчеркнем, что Иоанн VI Антонович был здоровым юношей, и в питании – «арестанту пища определена в обед по пяти и в ужин по пяти же блюд, в каждый день вина по одной, полпива по шести бутылок, квасу потребное число» – его никто не ограничивал. При этом все жизненное пространство Иоанна VI Антоновича было стеснено каменным мешком с единственным окном... Тут, право же, задумаешься, насколько гуманным можно назвать столь обильное пищевое довольствие. Энергия и сила переполняли юношу и, не находя выхода, грозили разорвать его.

Надо подчеркнуть, что измученные скукой караульные офицеры не отказывали себе в удовольствии развлечься за счет загадочного арестанта и постоянно провоцировали в нем вспышки ярости.

«Прикажите кого прислать, истинно возможности нет; я и о них (офицерах) весьма сомневаюсь, что нарочно раздражают, – пишет Овцын в июле 1759 года. – Не знаю, что делать, всякий час боюсь, что кого убьет; пока репорт писал, несколько раз принужден был входить к нему для успокоения, и много раз старается о себе, кто он, сказывать, только я запрещаю ему, выхожу вон».

Замены, как известно, не последовало. Подобное поведение стражников если не поощрялось властями, то и не запрещалось, а порой и инспирировалось ими.

Однажды по поручению графа А.И. Шувалова капитан Овцын задал Иоанну VI Антоновичу вопрос: кто он?

Внимательно оглянув Овцына, Иоанн VI Антонович ответил, что он человек великий, но один подлый офицер это у него отнял и имя переменил...

– Великий человек? – переспросил Овцын.

– Да... – сказал Иоанн VI Антонович. – Я – принц.

«Я ему сказал, – пишет А.И. Шувалову капитан Овцын, – чтоб он о себе той пустоты не думал и впредь того не врал, на что, весьма осердясь, на меня закричал, для чего я смею ему так говорить и запрещать такому великому человеку. Я ему повторял, чтоб он этой пустоты, конечно, не думал и не врал и ему то приказываю повелением, на что он закричал: я и повелителя не слушаю, потом еще два раза закричал, что он принц, и пошел с великим сердцем ко мне; я, боясь, чтоб он не убил, вышел за дверь и опять, помедля, к нему вошел: он, бегая по казарме в великом сердце, шептал, что – не слышно.

Видно, что ноне гораздо более прежнего помешался; дня три как в лице, кажется, несколько почернел, и, чтоб от него не робеть, в том, высокосиательнейший граф, воздержаться не могу; один с ним остаться не могу; когда станет шалить и сделает страшную рожу, отчего я в лице изменяюсь; он, то видя, более шалит».

Если читать донесения Овцына отстраненно от переживаний Иоанна VI Антоновича, картина смазывается, рисуется образ человека с разрушенной психикой, уже миновавшего черту, за которой можно и не говорить о несправедливости доставшейся ему судьбы.

Вот Овцын сообщает, что в сентябре 1759 года арестант вел себя несколько смиреннее; потом опять стал браниться и драться, и не было спокойного часа; а с ноября снова стал смирен и послушен...

Все буднично, все обыкновенно и все безразлично скучно.

Но если попытаться представить, что переживал в эти бесконечные месяцы заточения сам несчастный Иоанн VI Антонович, начинаешь задыхаться от ужаса, из которого девятнадцатилетнему юноше не было выхода даже в безумие.

Тут нужно иметь в виду, что Иоанн VI Антонович знал то, что самому Овцыну было неведомо.

Однажды в разговоре с Иоанном VI Антоновичем он повысил голос.

– Как ты смеешь на меня кричать?! – сказал в ответ Иоанн VI Антонович. – Я здешней империи принц и государь ваш.

Памятуя указание А.И. Шувалова, капитан Овцын объявил арестанту, что «если он пустоты своей врать не отстанет, также и с офицерами драться, то все платье от него отберут, и пища ему не такая будет».

– Кто так велел сказать?

– Тот, кто всем нам командир, – отвечал Овцын.

– Все это вранье, – сказал Иоанн VI Антонович. – Я никого не слушаюсь, разве сама императрица мне прикажет.

Овцын расценил это как очередное свидетельство слабоумия «безымянного колодника». Любопытно, что об издевательствах, чинимых над юношей-императором, он пишет в своих донесениях совершенно открыто.

В апреле 1760 года Овцын доносил, например, что «арестант здоров и временем беспокоен, а до того всегда его доводят офицеры, всегда его дразнят». В 1761 году он сообщал, что придумали средство лечить «арестанта» от беспокойства, лишая его чаю, а также не давая «чулок крепких» в результате чего арестант присмирел совершенно.

Были и более радикальные способы «лечения» арестанта.

Однажды Иоанн VI Антонович снова начал «качать права», выкрикивая, что он «здешней империи принц и государь ваш».

Капитан Овцын долго слушал его, а потом с размаху ударил императора кулаком в висок, отчего тот упал и потерял сознание.

5

Так пришло 26 декабря 1761 года, когда умерла столь жалостливая к Иоанну VI Антоновичу – «Бедное дитя. Ты ни в чем не виноват, родители твои виноваты»... – бабушка, императрица Елизавета Петровна.

Миновали два десятилетия правления этой «дщери Петровой».

Кончились с ними два десятилетия первого тюремного срока императора Иоанна VI Антоновича.

Наши историки, дабы оправдать незаконный захват трона «дщерью Петровой» и возвращение трона в Петровскую (нарышкинскую) ветвь династии Романовых, объявили и самого царя Ивана V Алексеевича, и все его потомство, вплоть до несчастного Иоанна VI Антоновича, умственно неполноценным, «сущеглупыми».

«Царь Иоанн был от природы скорбен головой, косноязычен, страдал цингой, плохо видел и уже на восемнадцатом году от рождения, расслабленный, обремененный немощью духа и тела служил предметом сожаления и даже насмешек бояр, его окружавших..

Из трех дочерей покойного каждая унаследовала многие черты слабого ума своего родителя...

Природа, в соблюдении своих законов всегда неумолимая, не сделала исключения для дочери герцогини Мекленбургской при наделе или, вернее, при обделе Анны Леопольдовны умственными способностями»...

А с каким сладострастием описывали эти историки уродство детей, рожденных Анной Леопольдовной в холмогорских снегах?

«Принцесса Екатерина (1741 г.) – сложения больного, почти чахоточного, при том несколько глуха, говорит немо и невнятно; одержима всегда болезненными припадками... страдала цингой; в 38 лет была без зубов. Нрава робкого, уклонного, стыдливого.

Принцесса Елизавета³⁷ (1743 г.), на 10-м году возраста упала с каменной лестницы, расшибла голову; подвержена частым головным болям и припадкам. В 1777 г. страдала помешательством, но после оправилась.

Принц Петр (1745 г.) имеет спереди и сзади горб; кривобок, косолап, прост, робок, застенчив, молчалив; приемы его приличны только малым детям. Нрава слишком веселого: смеется и хохочет, когда совсем нет ничего смешного. Страдает геморроидальными припадками; до обмороку боится вида крови.

Принц Алексей (1746 г.) – совершенное подобие брата в физическом и нравственном отношении»...

Говорилось, что достаточно взглянуть на силуэты этих несчастных, чтобы по профилям, по неправильной форме их голов догадаться о врожденном слабоумии. В результате у впечатлительного читателя не оставалось сомнения, что вот эти воистину, чахлые, ядовитые плоды засохшей милославской ветви...

И тут, объективности ради, сравнить бы потомков царя Ивана V Алексеевича с Петром III, являвшимся прямым внуком Петра I, но традиционная история подобных сопоставлений избегала...

И не случайно... Внук Петра I, несмотря на хлопоты наставников, так и не научился толком говорить по-русски, так и не смог уразуметь разницу в религиозных обрядах лютеранства и православия. Так на всю жизнь и остался он без Бога, без Родины... В бедную голову его так и не вместились осознание просторов России и, став взрослым, он всегда считал титул Русского императора менее важным, нежели чин генерала прусской службы.

Как справедливо заметил психиатр П.И. Ковалевский, «в его лице маленькому человеку выпало исполнять должность великого человека»...

Достаточно выразительный портрет Петра III оставила его супруга Екатерина II:

«Утром, днем и очень поздно ночью великий князь с редкой настойчивостью дрессировал свору собак, которую сильными ударами бича и криком, как кричат охотники, заставлял гоняться из одного конца своих двух комнат (потому что у него больше не было) в другой; тех же собак, которые уставали или отставали, очень строго наказывал, это заставляло их визжать еще больше; когда наконец он уставал от этого упражнения, несносного для ушей и покоя соседей, он брал скрипку и пилил на ней очень скверно и с чрезвычайной силой, гуляя по своим комнатам, после чего снова принимался за воспитание своей своры и за наказывание собак, что мне поистине казалось жестоким.

Слыша раз, как страшно и очень долго визжала какая-то несчастная собака, я открыла дверь спальни, в которой сидела и которая была смежной с той комнатой, где происходила эта сцена, и увидела, что великий князь держит в воздухе за ошейник одну из своих собак, а бывший у него мальчишка, родом калмык, держит ту же собаку, приподняв за хвост.

Это был бедный маленький Шарло английской породы, и великий князь бил эту несчастную собачонку толстой ручкой своего кнута; я вступилась за бедное животное, но это только удвоило удары; не будучи в состоянии выносить это зрелище, которое показалось мне жестоким, я удалилась со слезами на глазах к себе в комнату».

А однажды Екатерина увидела в комнате мужа болтающуюся в петле крысу.

– Что это значит, Ваше Высочество? – спросила она.

Великий князь без тени улыбки объяснил, что крыса совершила уголовное преступление, наказуемое по законам военного времени (Россия и Пруссия вели тогда войну) жесточайшей казнью. Преступница проникла ночью в картонную крепость, перелезла через стену и сгрызла двух слепленных из крахмала часовых, что несли вахту на бастионе. К счастью,

---

³⁷ Это тот самый ребенок, которого родила Анна Леопольдовна, когда ее беременную обливали ледяной водой в Раненбурге.

верная собака поймала ее. Военно-полевой суд приговорил преступницу к повешению, и теперь три дня она будет висеть «на глазах публики для внушения примера».

Было тогда Петру Федоровичу уже двадцать пять лет... Этот человек и должен был определить дальнейшую судьбу «безымянного узника» Иоанна VI Антоновича.

6

Мы уже говорили, что бывший император Иоанн VI Антонович, которому исполнился тогда всего один год, вполне мог встретиться в декабре 1741 года, по дороге в Ригу, со своим дядей, четырнадцатилетним Карлом Петром Ульрихом, которого везли в Россию, чтобы сделать его императором Петром III.

Но встретились они только после кончины Елизаветы Петровны, когда 18 марта 1762 года император Петр III изволил посетить Шлиссельбургскую крепость.

Встрече этой предшествовало письмо, полученное Петром III от прусского короля Фридриха II. Узнав о намерении Петра III отправиться за границу для ведения войны с Данией за голштинские владения, Фридрих II не на шутку встревожился.

«Признаюсь, мне бы очень хотелось, чтоб ваше величество уже короновались, потому что эта церемония произведет сильное впечатление на народ, привыкший видеть коронавание своих государей, – писал он внуку Петра I. – Я вам скажу откровенно, что не доверяю русским.

Всякий другой народ благословлял бы небо, имея государя с такими выдающимися и удивительными качествами, какие у вашего величества, но эти русские, – чувствуют ли они свое счастье (курсив мой. – Н. К.), и проклятая продажность какого-нибудь одного ничтожного человека разве не может побудить его к составлению заговора или к поднятию восстания в пользу этих принцев брауншвейгских?

Припомните, ваше императорское величество, что случилось в первое отсутствие императора Петра I, как его родная сестра составила против него заговор!

Предположите, что какой-нибудь негодяй с беспокойною головой начнет в ваше отсутствие интриговать для возведения на престол этого Ивана, составит заговор с помощью иностранных денег, чтобы вывести Ивана из темницы, подговорить войско и других негодяев, которые и присоединятся к нему: – не должны ли вы будете тогда покинуть войну против датчан, хотя бы все шло с отличным успехом, и поспешно возвратиться, чтоб тушить пожар собственного дома.

Эта мысль привела меня в трепет, когда пришла мне в голову, и совесть мучила бы меня всю жизнь, если б я не сообщил эту мысль вашему императорскому величеству; я здесь в глубине Германии; я вовсе не знаю вашего двора: ни тех, к которым ваше величество может иметь полное доверие, ни тех, кого можете подозревать, поэтому вашему высокому разуму принадлежит различить, кто предан и кто нет; я думаю одно, что если вашему величеству угодно принять начальство над армиею, то *безопасность требует, чтобы вы прежде короновались и потом, чтоб вы вывели в своей свите за границу всех подозрительных людей*. Таким образом, вы будете обеспечены»...

Историки утверждают, что Иоанн VI Антонович показался Петру III почти совсем безумным, и, успокоившись, он приказал отправить племянника назад в тюрьму.

«Что касается Ивана, – писал он, успокаивая Фридриха II, – то я держу его под крепкою стражею, и если б русские хотели сделать зло, то могли бы уже давно его сделать, видя, что я не принимаю никаких предосторожностей. Могу вас уверить, что, когда умеешь обходиться с ними, то можно быть покойным на их счет»...

Любопытны тут и опасения Фридриха II насчет Иоанна VI Антоновича, и уверения Петра III, что, *если б русские хотели сделать зло, то могли бы уже давно его сделать*...

Еще любопытнее сама эта встреча двух родственников, дяди и племянника, встреча двух русских императоров, бывшего и настоящего, являющихся при этом по крови на три четверти немцами...

Но это с одной стороны, а с другой...

«Маленький человек», которому «выпало исполнять должность великого человека», и узник, без малейшей вины проведенный в тюрьме два десятилетия.

Жестокий тиран и несчастный, затравленный жестокими стражниками юноша... Человек, не умеющий понять отличие православия от лютеранства, и «безымянный колодник», неведомо как и где постигший главные книги Русского православия.

Впечатления Петра III от встречи с Иоанном VI Антоновичем обличают самого Петра III сильнее, чем многочисленные воспоминания очевидцев его правления. Какая же убогость чувств и черствость души должны были быть в этом человеке, чтобы даже вопреки тому, что оба они принадлежали к числу русских императоров, и оба были на три четверти немцами, не разглядеть в Иоанне VI Антоновиче личности, достойной хотя бы сочувствия.

Инструкция, данная графом А.И. Шуваловым новому главному приставу Иоанна VI Антоновича князю Чурмантееву, предписывала: «Если арестант станет чинить какие непорядки или вам противности или же что станет говорить непристойное, то сажать тогда на цепь, доколе он усмирится, а буде и того не послушает, то бить по вашему рассмотрению палкою или плетью».

Петр III

Отдавая свое жестокое распоряжение, Петр III, разумеется, не догадывался, что и ему, всесильному русскому императору, как и несчастному, жестоко избиваемому в каземате Шлиссельбургской крепости Иоанну VI Антоновичу, самому предстоит принять судьбу бесправного узника.

После переворота, произведенного Екатериной II, 34-летнего императора Петра III заключают в Ропше, и 6 июля 1762 года он будет убит.

Из донесения, посланного Алексеем Орловым, явствовало, что Петр III за столом заспорил с одним из собеседников, Орлов и другие бросились их разнимать, но сделали это так неловко, что хилый узник оказался мертвым.

«Не успели мы разнять, а его уже и не стало... – писал пьяный Орлов в донесении, – сами не помним, что делали».

Шевалье Рюльер, в служебные обязанности которого входил сбор сведений о Екатерине II и произведенном перевороте, писал:

«Нельзя достоверно сказать, какое участие принимала императрица в сем приключении; но известно то, что в сей самый день, когда сие случилось, государыня садилась за стол с отменною веселостью.

Вдруг является тот самый Орлов – растрепанный, в поте и пыли, в изорванном платье, с беспокойным лицом, исполненным ужаса и торопливости. Войдя в комнату, сверкающие и быстрые глаза его искали императрицу. Не говоря ни слова, она встала, пошла в кабинет, куда и он последовал; через несколько минут она позвала к себе графа Панина, который был уже наименован ее министром. Она известила его, что государь умер, и советовалась с ним, каким образом публиковать о его смерти народу. Панин советовал пропустить одну ночь и на другой утро объявить сию новость, как будто сие случилось ночью. Приняв сей совет, императрица возвратилась с тем же лицом и продолжала обедать с тою же веселостью.

Наутро, когда узнали, что Петр III умер от геморроидальной колики, она показалась, орошенная слезами, и возвестила печаль своим указом».

Только когда Петра III уже выставили перед похоронами в Александро-Невской лавре, заметили, что его лицо черно. Тогда и распространился в народе слух, будто хоронят не императора, а дворцового арапа...

7

Положение, в котором оказалась Екатерина II после переворота, было непростым. Как и Екатерина I, она не имела ни капли романовской крови, но если Екатерина I унаследовала престол после смерти мужа Петра I, то Екатерина II захватила престол, убив своего мужа.

«Мое положение таково, что я должна принимать во внимание многие обстоятельства, – писала она Станиславу Понятовскому, – последний солдат гвардии считает себя виновником моего воцарения, и при всем том заметно общее брожение... Если я уступлю, меня будут обожать; если нет, то не знаю, что случится».

Тут Екатерина нисколько не сгущала краски.

Известно, что когда Екатерина II объявила в Сенате о намерении выйти замуж за Григория Орлова, воспитатель наследника престола Н.И. Панин сказал, что императрица вольна в своих решениях, но госпожа Орлова никогда не была нашей императрицей.

Вскоре после коронации был раскрыт заговор поручика Семена Гурьева и Петра Хрущева, которые собирались возвести на престол Иоанна VI Антоновича. Главные заговорщики были приговорены к смертной казни, другие офицеры – к каторжным работам.

Очевидно, что после произведенного Екатериной II переворота судьба императора Иоанна VI Антоновича не могла оставаться прежней.

Известно, что возвращенный из ссылки А.П. Бестужев разрабатывал даже план брачного союза Екатерины II с Иоанном VI Антоновичем.

Насколько верны эти свидетельства, судить трудно, но можно не сомневаться, что если бы только этого потребовали обстоятельства, Екатерина II вполне могла бы выйти замуж и за шлиссельбургского узника. Чтобы удержаться на русском троне, императрица готова была заплатить любую цену.

И совершенно точно известно, что императрица Екатерина II виделась с Иоанном VI Антоновичем и, как сама признала позже, нашла его в полном уме.

Повторим, что обстоятельства могли повернуться в любую сторону и не обязательно перемена в положении Иоанна VI Антоновича должна была стать несчастливой.

Не обязательно...

Другое дело, что Екатерина II была сильной и самобытной личностью. И в переломный в своей биографии момент она не замкнулась на дворцово-династических интригах, а решила воздействовать на общество, изменяя в нужном для себя направлении и обществен-

ные настроения, и само общественное устройство страны. Решительно пошла она на убийство своего супруга, законного русского императора Петра III.

Теперь наступила очередь второго законного русского императора...

В инструкции, данной после встречи императрицы со шлиссельбургским узником, все было сказано ясно и четко:

«Ежели паче чаяния случится, чтоб кто с командою или один, хотя бы то был и комендант или иной какой офицер, без именного за собственноручным Императорского Величества подписанием повеления или без письменного от меня приказа и захотел арестанта у вас взять, то оного никому не отдавать и почитать то за подлог или неприятельскую руку. Буде же так оная сильна будет рука, что опастись не можно, то арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать».

Безусловно, Екатерина II обладала незаурядными актерскими и режиссерскими способностями. Все, что необходимо было совершить, совершалось, но как бы без ее участия. Вот и поразительное по жестокости убийство императора Иоанна VI Антоновича, которое должно было произойти – нельзя, нельзя было оставлять в живых человека, который имеет неизмеримо больше прав на русский престол, чем она! – произошло, но произошло как бы без всякого участия самой императрицы.

8

Сюжет, который вошел в русскую историю под названием «попытка Мировича», предельно прост.

Стоявший в гарнизоне крепости подпоручик Смоленского пехотного полка Василий Яковлевич Мирович, человек «честолюбивый и на всех обиженный»³⁸, в ночь с 4 на 5 июля 1764 года скомандовал своим солдатам «в ружье» и двинулся к казарме, где содержался Иоанн VI Антонович.

Мирович арестовал коменданта крепости А.Ф. Бередникова и потребовал выдачи Иоанна VI Антоновича.

Тот отказался, и Мирович навел на двери каземата пушку.

Согласно имеющейся у них инструкции, караульный офицер поручик Чекин штыком заколол императора Иоанна VI Антоновича.

Кровь безвинного 23-летнего страдальца обагрила древние камни Шлиссельбурга.

Когда Мирович во главе своих солдат ворвался в камеру узника, он понял, что проиграл: на полу лежал мертвый Иоанн VI Антонович.

Солдаты хотели заколоть караульных офицеров штыками, но Мирович не допустил этого.

«Теперь помощи нам нет никакой! – сказал он. – Теперь они правы, а мы виноваты».

Следствие над Мировичем было проведено быстро и, кажется, впервые в деле, связанном с попыткой дворцового переворота, обошлось без пыток.

Никаких сообщников В.Я. Мировича следствие не установило, да и не пытались установить.

Сам Василий Яковлевич показал, что действовал он на свой страх и риск и имел лишь одного товарища: поручика пехотного полка Аполлона Ушакова.

В середине мая 1764 года они отслужили с Ушаковым панихиду в Казанском соборе по самим себе, и через две недели Аполлон Ушаков утонул, а Мирович решил исполнить свой замысел в одиночку и тоже готов теперь взойти на эшафот.

---

³⁸ Он происходил из знатного украинского рода, имения которого в свое время были конфискованы за содействие гетману Мазепе в 1709 году

Все эти показания, учитывая режим секретности, которым было окружено заточение Иоанна VI Антоновича, выглядят чрезвычайно неубедительно.

Есть косвенные свидетельства, что Мирович был связан с братьями Орловыми, и таким образом его «попытка» приобретает характер спланированной самой императрицей и ее ближайшим окружением провокации.

Следствие обрабатывать такую версию не стало.

Вообще весь ход его был определен заранее.

«Но не могли, однако же, избегнуть зла и коварства в роде человеческого чудовища, каковой ныне в Шлиссельбурге с отчаянием живота своего в ужасном своем действии явился, – говорилось в манифесте об умерщвлении принца Иоанна Антоновича, выпущенном 17 августа 1764 года. – Некто подпоручик Смоленского пехотного полку малороссиянец Василей Мирович, перьвого изменника с Мазепю Мировича внук, по крови своей, как видно Отечеству вероломный, провождая свою жизнь в мотовстве и распутстве, и тем лишаась всех способов к достижению чести и счастья, напоследок отступил от Закона Божьего и присяги своей Нам принесенной, и не зная, как только по слуху единому о имени принца Иоанна, а тем меньше о душевных его качествах и телесном сложении, зделал себе предмет, через какое бы то ни было в народе кровопролитное смятение, щастие для себя возвысить».

Говорят, что Петр Иванович Панин прямо спросил у Мировича:

– Для чего ты принял такой злодейский умысел?

– Для того чтобы быть тем, чем ты стал! – ответил Мирович.

Всех подчиненных поручика забили палками, прогнав сквозь тысячный строй, а Василию Мировичу огласили отдельный приговор, в котором отмечалось, что злодей:

«1) Хотел и старался низвести с престола императрицу, лишить прав наследника ея, возвести Иоанна, причем хотел уничтожить всех противящихся его намерениям.

2) Поводами к сему было то, что не имел свободного доступа во дворец, не получил отписных его предка имений, наконец, хотел себе составить счастье.

3) Обще с поручиком Великолуцкого пехотного полка Аполоном Ушаковым давал в церквах разные обеты, призывая Бога и Богородицу себе на помощь.

4) Сочинил и написал от имени Императрицы указ. Своей же рукой писал и другие возмутительные сочинения, наполнив их неизречимыми непристойностями против императрицы.

5) Разными хитростями вовлек и опутал других несмысленных и простых людей в свои сети, иных лестью, других обманом, иных насильством, страдая смертью, и с сими людьми сделал нападение. Из ружей стрелял. Пушку наводил. Коменданта Бередникова, уязвя, арестовал.

6) Был причиною приневольной смерти принца Иоанна, в чем сам признался.

По сему приговариваем отсечь Мировичу голову, оставить тело на позорище народу до вечера, а потом сжечь оное купно с эшафотом».

В ночь на 15 сентября 1764 года на Обжорном (Сытном) рынке Санкт-Петербурга воздвигли эшафот, на который возвели честолюбивого поручика.

Вечером эшафот вместе с обезглавленным телом Василия Мировича был сожжен.

Мы говорили, что Алексей Орлов, убивая в Ропше императора Петра III, руководствовался только полунатеками и не догадывался даже, что убивает последнего Романова из петровской (нарышкинской) ветви династии³⁹.

Поручик Чекин, убивая в Шлиссельбургской крепости Иоанна VI Антоновича, руководствовался совершенно ясной и определенной инструкцией Екатерины II и старался вообще не думать, кто тот арестант, которого он убивает. Разумеется, он не осознавал, что, убивая императора Иоанна VI Антоновича, он убивает последнего Романова из иоанновской (милославской) ветви династии...

Он так и не узнал – «не прикасайтесь помазанным Моим!» – что он совершил в русской истории.

Это знала только сама Екатерина II.

Любопытно, что она сама озаботилась созданием для истории своего алиби в этом преступлении.

Среди бумаг императрицы нашлась писанная к Н.И. Панину, но почему-то неотправленная записка, «относящаяся», как пишет А. Брикнер, «кажется, к Иоанну».

«Мое мнение есть, чтоб... из рук не выпускать, дабы всегда в охранении от зла остался, только постричь ныне и переменить жилище в не весьма близкий и в не весьма отдаленный монастырь, особливо в такой, где богомолья нет, и тут содержать под таким присмотром, как и ныне; еще справиться, можно ли посреди муромских лесов, в Коле или в Новгородской епархии таких мест»⁴⁰.

Никакого алиби записка эта не обеспечила, но есть в ней поразительные слова: «дабы всегда в охранении от зла остался», необыкновенно глубоко рисуящие впечатление, которое произвел на Екатерину II при личной встрече Иоанн VI Антонович.

Впечатление это разительно рознится с тем, что сказано в манифесте об умерщвлении принца Иоанна Антоновича:

«...по природному Нашему человеколюбию, чтоб сему судьбою Божию низложенному человеку сделать жребий облегченный в стесненной его от младенчества жизни. Мы тогда же положили сего принца видеть, дабы узнав его душевные свойства и жизнь его по природным его качествам и по воспитанию, которое он до того времени имел, определить спокойную.

Но с чувствительностью Нашею увидели в нем кроме весьма ему тягостного и другим почти невразумительного косноязычества лишение разума и смысла человеческого. Все бывшие тогда с нами видели, сколько Наше сердце сострадало жалостию человечеству. Все напоследок и то увидели, что Нам не оставалось сему несчастнорожденному, а несчастнейше еще возросшему иной учинить помощи, как оставить его в том же жилище, в котором Мы его нашли затворенного, и дать всяческое человеческое возможное удовольствие; что и делом самим немедленно учинить повелели, хотя при том чувства его лучшего в том состоянии противу прежнего уж и не требовали, – ибо он не знал ни людей, ни розсудка не имел доброе отличить от худого, так как и не мог при том чтением книг жизнь свою пробавлять, а за едино блаженство себе почитал довольствоваться мыслями теми, в которые лишение смысла человеческого его приводило».

---

³⁹ Екатерина II в своих «Записках» достаточно определенно пишет о том, что Павел был рожден ею от Сергея Салтыкова.

⁴⁰ Брикнер А. История Екатерины Второй. В 2-х т. Т. 1. М.: Современник. Товарищество Русских Художников, 1991. С. 176.

Вообще-то, утверждение, будто Иоанн VI Антонович «розсудка не имел доброе отличить от худаго, так как и не мог при том чтением книг жизнь свою пробавлять», прямо противоречит донесениям самих тюремщиков, но в манифесте, написанном, как считается, Н.И. Паниным, есть и другие, еще более не согласующиеся с подлинностью подробности.

Например, когда Мирович «пушку с потребным снарядам» взял с бастиона и сопротивляться стало невозможно, капитан Власьев и поручик Чекин действовали, оказывается, не по инструкции, предписывающей убийство императора, а по собственному разумению.

«Увидя перед собою совсем силу непреодоленную и неизбежно-предтекущее погубление (ежели бы сей вверенный был освобожден) многого невинного народа от последующего через то в обществе мятежа, приняли между собою крайнейшую резолюцию, – пресечь оное пресечением жизни одного к нещастию рожденного».

Можно привести и другие нелепости, декларируемые манифестом, но, собственно говоря, избежать этих накладок и подчисток в манифесте, объявляющем во всенародное известие версию убийства в империи ее, пусть и «незаконно во младенчестве определенного ко Всероссийскому Престолу» императора, было просто невозможно.

Поэтому-то и остается не опровергнутым впечатление о встрече со шлиссельбургским узником, записанное самой Екатериной II.

Ее можно упрекать и в чрезмерном властолюбии, и в развратности, и во множестве других грехов, но при этом, несомненно, она была наделена бесценным даром понимания людей, с которыми приходилось встречаться.

Вот и, увидев прошедшего всю свою жизнь в заключении Иоанна VI Антоновича – он был на одиннадцать лет моложе Екатерины II, – она увидела не диковатого, нездорового вида молодого мужчину, прошедшего всю свою жизнь в тюрьмах, а человека, взглянув на которого, хотелось, чтобы он «всегда в охранении от зла остался».

Желание это было непонятно и самой Екатерине II, но оно появилось, оно оказалось даже закреплено на бумаге...

Еще одно свидетельство, рисующее духовное состояние Иоанна VI Антоновича перед его мученической кончиной, находим мы в донесениях тюремщиков.

В ответ на увещания Власьева и Чекина, склонявших его к принятию монашества, Иоанн VI Антонович ответил: «Я в монашеский чин желаю, только страшусь Святаго Духа, притом же я безплотный».

Тюремщикам Иоанна VI Антоновича, как и историкам, слова эти показались свидетельством слабоумия «шлиссельбургского узника». Мы же, зная, что они сказаны накануне его мученической кончины, склонны считать их святым пророчеством.

А тогда, в июле 1764 года, кажется, только один человек и понимал, что случилось.

Ах, как плакала, как страдала блаженная Ксения Петербургская в те дни.

Ксения Петербургская

– Что ты плачешь, Андрей Федорович? – жалея Ксению, спрашивали тогда прохожие. – Не обидел ли тебя кто?

– Кровь, кровь, кровь... – отвечала Ксения. – Там реки налились кровью, там каналы кровавые, там кровь, кровь...

И еще три недели плакала Ксения, прежде чем стало известно в Петербурге, что в Шлиссельбурге убили Иоанна VI Антоновича.

Никто не знает, где похоронили этого русского императора⁴¹.

По приказу Екатерины II погребение было совершено в строжайшей тайне...

Одни исследователи считают, что Иоанна VI Антоновича увезли хоронить в Тихвинский Богородицкий монастырь, другие полагают, что его погребли в Шлиссельбурге и на месте могилы воздвигли собор пророка Иоанна Предтечи⁴².

Последняя версия, на наш взгляд, наиболее вероятна.

Скорее всего, погребение императора находится под фундаментом Иоанновского собора. Как известно, собор этот был заложен в 1776 году, когда умер в Холмогорах принц Антон Ульрих. После убийства Иоанна Антоновича Екатерина II разрешила ему – принц не был членом Дома Романовых и не мог стать конкурентом в борьбе за престол! – покинуть Россию, но отец Иоанна Антоновича предпочел свободе семью, остающуюся в заключении.

Документов, подтверждающих взаимосвязь смерти принца Антона Ульриха и закладки Иоанно-Предтеченского храма, нет, но нет и никаких иных объяснений этому строительству, никакой особой надобности в строительстве еще одной церкви в крепости тогда не было. Потребности гарнизона и немногочисленных арестантов вполне удовлетворяла крепостная церковь Успения Пресвятыя Богородицы.

В 1779 году Иоанно-Предтеченский храм был достроен, и 21 июня Высокопреосвященнейший Гавриил, архиепископ Новгородский и Санкт-Петербургский, освятил его⁴³.

Заходишь под разверстые прямо в небо купола собора пророка Иоанна Предтечи, всташь рядом с бронзовыми фигурами солдат, защищавших крепость в годы Великой Отечественной войны, и как-то легко и спокойно начинаешь думать о невероятно жестокой судьбе императора, всю свою жизнь проведенного в заточении и при этом до последних дней оставшегося таким, что даже его убийце хотелось, чтобы он «всегда в охранении от зла остался».

Его убили 4 июля 1764 года...

Это по Юлианскому календарю, по которому жила тогда Россия.

В пересчете на Григорианский календарь, который введут у нас только в 1918 году, получается 17 июля.

В этот день, 17 июля 1918 года, убьют в Екатеринбурге всю царскую семью...

---

⁴¹ Недавно во время строительных работ в Холмогорах был открыт скелет, который, по мнению местных краеведов, является скелетом Иоанна VI Антоновича.

⁴² Маркиз де Кюстин в своих воспоминаниях о посещении 2 августа 1839 года крепости, где несчастный наследник русского престола умер, лишившись рассудка, – оттого, что кто-то решил, что удобнее сделать из него идиота, чем императора, пишет, что ему пришлось проявить немалую настойчивость для того, чтобы попасть на могилу Иоанна Антоновича. Когда мы покинули гостиную коменданта, мне для начала стали показывать великолепное убранство церкви! Если верить тому, что удосужился сообщить мне комендант, четыре церковные мантии, торжественно развернутые передо мною, обошлись в триста тысяч рублей. Устав от всего этого кривлянья, я напрямую заговорил о могиле Ивана VI; в ответ мне показали пролом, сделанный в стенах крепости пушкой Петра Великого, когда он лично вел осаду этого шведского укрепления, ключа к Балтике. – Но где же могила Ивана? – повторил я, не давая себя сбить. На сей раз меня отвели за церковь, к бенгальскому розовому кусту, и сказали: – Она здесь.

⁴³ Это строение Екатерины II оказалось непрочным, храм пришлось перестраивать, и заново его освятили уже в правление Николая I, в 1828 году.

Часть вторая ТЮРЬМА 1764–1916 годы

*Но новгородский тот орех,
Вращенный здесь на страх врагам,
И больно крепкий, как на грех,
Раскусывать придется нам...*

Г.А. Лопатин

Мы имеем тех преступников, каких заслуживаем.

Е.Р. Эйхгольц

Тюремный врач Шлиссельбургской крепости

Глава первая НУМЕРНЫЕ УЗНИКИ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

*Камо пойду от духа твоего; и от лица твоего камо вежу;
Аще възду на небо, ты тамо еси: аще сниду во ад, тамо еси.*

Псалом 138, ст. 7–8

*Но не всем скажи и не всем напиши, а токмо избранным моим
и токмо святым моим; тем напиши, которые могут вместить наши
словеса и наша наказания.*

Откровение Авеля

Казнь Василия Мировича была первой почти за четверть века.

Смертную казнь отменила одним из первых своих указов императрица Елизавета Петровна, и так получилось, что пока безвинно страдал в тюрьме мученик-император Иоанн VI Антонович, никого не казнили в России, но вот убили его, и снова полилась кровь.

Может быть, наполненные этой кровью реки и каналы и разглядела своими глазами, свободно заглядывающими далеко вперед, блаженная Ксения Петербургская?

В манифесте об умерщвлении принца Иоанна VI Антоновича была объявлена во всенародное известие не только благоприличная история убийства императора, но и изложены благообразные мотивы дворцовых переворотов, устроенных Елизаветой Петровной и Екатериной II.

Про саму Екатерину в манифесте было сказано просто и со вкусом:

«Когда всего Нашего верноподданного народа единодушным желанием Бог благоволил Нам вступить на престол Всероссийский»...

То есть Екатерину возвели на престол не гвардейцы, а единодушное желание народа. Ну и, конечно, «благоволение Божие».

Сложнее оказалось с императрицей Елизаветой Петровной.

Тут авторам манифеста приходилось сталкиваться с историческими фактами, но они легко справились с возникшим затруднением. Народу было объявлено, что «принц Иоанн... был на некоторое время (*как всему свету известно*) незаконно во младенчестве определен ко Всероссийскому Престолу Императором, и в том же еще сущем младенчестве *советом Божиим* низложен на веки (курсив мой. – Н. К.), а Скипетр законнонаследный получила

Петра Великого дочь, Наша Вселюбезнейшая Тетка, в Бозе почившая Императрица Елизавета Петровна»...

Так вот и стало *всему свету известно*, что не кучка гвардейских офицеров низложила двухмесячного императора, а сам «совет Божий», дабы «дщерь Петрова» получила «Скипетр законнонаследный».

Впрочем, иначе и не могло быть.

Это ведь по указу Елизаветы Петровны привезли в Петербург 14-летнюю Софью Августу Фредерику, принцессу Ангальт-Цербстскую, чтобы, превратившись в Екатерину, она была возведена на трон по «единодушному желанию народа» и по «благоволению Божию».

1

Можно говорить о зеркальном отражении правления Петра I и Екатерины I в царствованиях Петра III и Екатерины II.

Петр I назван Великим и Екатерина II названа Великой.

И тут можно долго рассуждать о грандиозных успехах, достигнутых Петром I и Екатериной II в военном и государственном строительстве. Успехи эти действительно неоспоримы, и весь вопрос только в цене, которой были оплачены они.

И, конечно, цели...

Никак не списать на ошибки ту жесткую и продуманную систему, с помощью которой Петру I удалось нанести сокрушительный удар по национальному самосознанию. Порабощение и унижение Русской православной церкви; жесточайшие расправы над всеми, кто выказывал малейшее уважение к русской старине; злобное преследование русской одежды; окончательное закрепощение русских крестьян...

А в противовес – неумеренное, и зачастую незаслуженное возвышение иноплеменного сброда, хлынувшего со всех сторон в Россию, обезьянье копирование заграничных манер и обычаев. Все это привело к тому, что в общественном сознании укрепилась мысль о предпочтительности всего иностранного, о бесконечной и дремучей отсталости всего русского. *Быть русским стало* не только не выгодно, но как бы и *не совсем культурно*...

Любопытно, что петровское и екатерининское дворянство отличалось не только обезьяньим стремлением копировать заграничные наряды и повадки, но и крайне своеобразными, невозможными в прежней Руси монархическими убеждениями.

Пока первые Романовы с деспотической решительностью оформляли и охраняли на территории подвластной страны рабовладельческие отношения, дворянство охотно поддерживало и защищало их неограниченный абсолютизм. Яркий пример этому – события 25 февраля 1730 года, когда по просьбе дворянства были уничтожены кондиции, ограничивавшие самовластие Анны Иоанновны.

Правда, как только государи делали попытки ограничить рабовладельцев-дворян и ввести их в рамки более цивилизованных отношений, дворянство наше тут же забывало и о *скипетре законнонаследном*, и о верноподданническом долге и легко могло пойти на дворцовый переворот или даже на прямое убийство монарха.

В этом заключалось отличие дворян от простого русского народа, почитавшего своих монархов как помазанников Божиих.

Екатерина II

Разумеется, были и среди дворян исключения, но для дворянской верхушки, прошедшей через гвардейские полки, самовластие государей как-то естественно «ограничивалось удавкой»...

Екатерина II потому и удержалась на троне, что не только сумела разгадать своеобычность монархических предпочтений российского дворянства, но, подчинившись им, узаконила их, и в результате обрела ту силу, которую не могла дать никакая династическая интрига.

Екатерина II стала Великой, потому что при ней окончательно сформировалась воистину небывалая в истории рабовладельческая империя, где в рабстве оказалась большая часть государствообразующего этноса, несшего при этом – такого уж точно нигде не бывало! – и воинские повинности, связанные с защитой государства.

Беззаконно возведенная на престол гвардейскими полками, Екатерина II на дворянство и опиралась, и, даруя ему все новые привилегии, только еще сильнее увеличивала разрыв между высшими слоями общества и народными массами.

В Екатерининскую эпоху разрыв между поработанным русским народом и денационализированной аристократией вышел за границы материальных отношений и захватил и духовную сферу.

Неслучайно именно Екатерина II провела секуляризацию церковных земель, и именно при ее правлении сословие священников оказалось оттеснено на социальное дно. Обремененный семьей, полуголодный сельский батюшка стал тогда такой же типичной приметой русской жизни, как и утопающий в роскоши екатерининский вельможа...

Именно в правление Екатерины II разрыв народа, сохранившего православную нравственность, и высшего общества, ориентированного на масонские идеалы, приобрел очертания пропасти, преодолеть которую не смогли в дальнейшем никакие реформы.

Еще в 1762 году, едва взойдя на престол, Екатерина II обязала крестьян предъявлять увольнительное разрешение от помещиков при записи в купцы, а через пять лет, 22 августа 1767 года, издала указ, согласно которому русские крестьяне, осмеливающиеся подавать жалобы на своих владельцев, подлежали вечной ссылке на каторжные работы в Нерчинск.

Этот указ окончательно отделил русское крестьянство от государства, которое называется Российской империей, и русский народ ответил на него крестьянской войной, целью которой было восстановление подлинной монархии, освященной Божией волей, а не дворянской гвардией. Крестьянская война Емельяна Пугачева стала прямым следствием совершившегося разрыва единой русской нации на подлое и благородное сословия.

И неслучайно в этой войне Емельян Пугачев выдавал себя за Петра III.

Историки, сравнивающие Екатерину II и Петра III, редко расходятся в оценке этих исторических персонажей. Разумеется, Екатерина II предпочтительней, она умнее и тоньше, но – об этом «но» обыкновенно забывают! – не Екатерина II была помазанником Божиим, а Петр III...

Что с того, будто Екатерина II несравненно лучшая правительница, нежели Петр III? Так считаем мы и считаем по своему человеческому пониманию, а по Божьему? Великая самонадеянность полагать, что наши соображения сходны с Божией волей и Божиим замыслом.

Да, велики свершения Екатерины II...

Но бесспорно ведь и то, что если бы не было ее великого своеволия, совершенного при безусловной поддержке дворян-рабовладельцев, наверняка не было бы такой жестокости по отношению к дворянству и Царскому дому в 1917 году!

Как это ни парадоксально, но столь стремительное распространение восстания Емельяна Пугачева доказывало, что русский народ сохранял верность монарху, пусть и убитому уже...

«Что мешало в послепетровские времена вернуться к едва протекшим временам? – задавался вопросом А.И. Герцен. – Все петербургское устройство висело на нитке. Пьяные и развратные женщины, тупоумные принцы, едва умевшие говорить по-русски, немки и дети садились на престол, сходили с престола, горсть интриганов и кондотьеров заведовала государством.

Одна партия сбрасывает другую, пользуясь тем, что новый порядок не успевал обжиться, но кто бы ни одолевал, до петровских оснований никто не касался, а все принимали их – Меншиков и Бирон, Миних и сами Долгорукие, хотевшие ограничить императорскую власть не в самом же деле прежней боярской думой. Елизавета и Екатерина льстят православию, льстят народности для того, чтобы захватить трон, но, усевшись на нем, они продолжают его путь. Екатерина II – больше, нежели кто-нибудь».

Тут трудно не согласиться с Александром Ивановичем Герценом...

История тюремного Шлиссельбурга тоже может служить иллюстрацией этой мысли. Превращая старинную русскую крепость в тюрьму, Петр I и его преемники самовластно и самочинно заключают в нее тех, кто мешает или может помешать им лично. Но ни сестра императора Петра I Мария Алексеевна, ни царица Евдокия (Елена), ни верховник Дмитрий Михайлович Голицын, ни герцог Бирон, ни несчастный император Иоанн VI Антонович преступниками не являлись. Как ни различны причины и поводы, приведшие эти osoby в крепость, как ни разнятся их судьбы, но все они – люди одного круга, положением и родством своим так или иначе связанные с верховной властью. Они точно такие же преступники, как и те, кто отправил их в заточение, и единственная вина их в том, что они оказались оттеснены от власти.

Однако уже при Елизавете Петровне круг узников Шлиссельбурга существенно расширяется.

2

Это при Елизавете Петровне, в 1745 году, замуровали в Шлиссельбургском каземате «старорусского человека» – Ивана Круглого.

Происходил он из крепостных крестьян Московской губернии и в Выговской пустыни занимался торговлей хлебом между хлебородным Поволжьем и нуждающимся в хлебе Петербургом⁴⁴.

---

⁴⁴ Очевидно, что после 1762 года, едва взойдет на престол Екатерина II и обяжет крестьян предъявлять увольнительное

Хлебная торговля чинила «споможение» братству, и размеры ее были весьма значительными.

На Вытегре раскольниками была выстроена специальная пристань Пигматка. Здесь находились «келья и анбар болшей», в котором держали хлеб, привезенный из низовых городов через Вытегорский погост.

На Пигматке хлеб перегружали в «новоманерные» суда и везли в Петербург.

Духовные принципы выговской торговли сформулировал еще Андрей Денисов, поучавший, что надобно «купечествовати, а ничего не стяжати, торговати, а прибытков не собирати, много о куплях подвизатися, а сокровища себе не ожидати... на земли торговати, а весь прибыльток на небесех стяжати»...

Этой древнерусской моралью руководствовался в своей торговле и Иван Круглый.

Как видно из допросов, торговые дела беглый крепостной мужик вел с большим размахом. Он «выменял» на лен «сукна Анбурского» на тысячу рублей и отвез его из Санкт-Петербурга в Вязники, где сложил в амбар к старообрядцу Ивану Григорьеву. Брат Федор Семенов сукно принял с тем, чтобы продать его в Казани. На вырученные деньги Круглый закупил хлеб в Нижнем Новгороде и привез его на мытный каменный двор на Адмиралтейской стороне.

Идеолог Выговской пустыни Андрей Денисов учил, что богоугодна торговля не для себя, а для братии, и ведение такой торговли является подвигом и одновременно жертвою со стороны того, кто взялся ее вести.

Ивану Круглому самой своей жизнью суждено было подтвердить истинность этих слов Андрея Денисова. пытки, которым его подвергли в синодальных арестантских палатах на Васильевском острове, были настолько страшными, что Иван Круглый в приступе малодушной слабости попытался резать себя медным крестом.

Попытка самоубийства не удалась, допрос был продолжен и, не имея уже сил терпеть муки, Иван Круглый сделал обстоятельное сообщение о раскольниках Выговской пустыни. Он даже согласился отстать от выговского учения, но поминать в вечерних и утренних молитвах высочайшую фамилию отказался наотрез, и его отправили на «обуздание» в Тайную канцелярию.

Тут нужно разделить поведение Ивана Круглого, когда палачам удалось-таки сломать его, и его поведение после того, когда он осознал, что под пытками сделал нечаянный «донос» на выговскую братию.

Поэтому-то, вернувшись в арестантские палаты, Иван Круглый заявил, что *«пришед в чувство и познав свою совесть, и боясь суда Божьего, вымыслением своим на всех на них сказал напрасно»*.

Его подвергли еще более жестоким пыткам, но теперь Иван Круглый уже твердо стоял на своем.

И хотя братья считали Ивана Круглого предателем, но его сравнимый с настоящим подвигом отказ от доноса заставил комиссию О.Т. Квашнина-Самарина свернуть розыск, и расследование было продолжено уже непосредственно Синодом, добивавшимся закрытия Выговской пустыни.

Ну а Иван Круглый, согласно решению Синода, как нераскаявшийся раскольник и государственный преступник, был отправлен на каторгу в крепость Рогервик.

В сентябре 1743 года Иван Круглый бежал с каторги...

История эта еще ждет своего описателя. Беглому крепостному Ивану Круглому суждено было пройти через такие трагические коллизии, которые, кажется, не знакомы были и героям Шекспира. Ведь только сбежав с каторги, и понял Иван Круглый, что самое страшное

разрешение от помещиков при записи в купцы, история Ивана Круглого станет невозможной.

– не те зверские пытки, которые суждено было перенести ему, когда он отказался от своих показаний, а осуждение братии, с которым столкнулся сейчас, оказавшись на свободе. Эту пытку Иван Круглый вынести не смог, и через год добровольно явился в Санкт-Петербург и заявил властям, что готов принять смерть.

21 октября 1745 года Ивана Круглого заковали в ручные и ножные кандалы и отвезли в Шлиссельбургскую крепость, дабы «оный Круглый, яко сосуд непотребный и зело вредный, между обществом народным не обращался и от раскольников скраден не был».

В Шлиссельбурге Ивана Круглого поместили в Светличной башне, и дверь каземата сразу наглухо заложили кирпичом, оставив только одно маленькое оконце, в которое подавали хлеб и воду.

Впрочем, хлеб Иван Круглый не трогал, две недели брал только воду, а потом и вода осталась нетронутой.

Через неделю наглухо заложенная дверь была разобрана, и охранники вошли в каземат.

«По осмотру, – сообщал 17 ноября 1745 года комендант Шлиссельбурга, – Круглый явился мертв, и мертвое тело его в этой крепости зарыто».

3

Судьба другого шлиссельбургского узника Елизаветинской эпохи – муллы Батыршы Алеева, сложилась совершенно иначе, но в чем-то поразительно сходна с судьбой выговского старовера Ивана Круглого.

Батырша Алеев⁴⁵ получил образование медресе и был муллой. Он отличался глубоким знанием шариата и часто привлекался властями для решения наследственных дел в волостях Осинской дороги. В 1754 году Батыршу избрали главой мусульман Сибирской дороги, но он не вступил в эту должность, хотя в 1754–1755 годах много ездил по Оренбургской, Казанской и Тобольской губерниям. И, может быть, потому и не вступал Алиев в должность, что эти поездки были, как видно из письма Батырши императрице Елизавете Петровне, связаны с организацией восстания.

«Поздоровавшись и обменявшись рукопожатиями, бурзянцы спросили:

– Вы кем будете?

Я ответил:

– Меня зовут Гали.

– В медресе какого мудариса учились? – спросили они.

Я им ответил, в каких медресе учился.

– Мулла Батырша и ахун Муртаза в добром ли здоровье живут? – спросили они.

– Живут в таком же добром здоровье, как и в то время, когда их вы сами видели, – ответил я.

– Мы их обоих никогда не видели, знаем только по рассказам людей, – ответили бурзянцы.

Пожелав вместе со мной совершать намаз, они сошли с коней.

– Из какой волости вы, – спросил я, – и по каким делам едете?

– Мы, бурзяне, ездим по старшинским делам, – ответили они.

– Мы слыхали, – сказал я, – что бурзяне все поголовно скрываются, каким образом вы не убежали?

---

⁴⁵ Батыршу называют в исторической литературе и Абдуллой Алеевым, и Батыршей Алиевым, и Абдуллой Мязгялидином, и Губайдуллой Матзялтдином, и Габдуллой Галлиевым, но нам представляется более убедительной версия Гайсы Батыргариевича Хусайнова, который полагает, что официальное имя муллы Батыршы Алеева – Бахадиршах, как он и назвал себя в своем письме императрице Елизавете Петровне. В народе это имя сокращенно употребляли как Батырша.

– Скрылись воры, – ответили они, – а мы, часть людей, остались.
– Почему вы говорите „воры“, – сказал я, – что же они у вас украли?
– Они ничего у нас не украли. Уехали, восстав против повелений падишаха, и сделались ему ворами.

– Против какого повеления падишаха они восстали и какое они совершали воровство? – спросил я.

– Убили управляющего заводом с его соратниками и скрылись, – ответили бурзянцы.

– Почему же убили? – спросил я.

– Этот управляющий заводом был жестоким злодеем. Он и его товарищи, запугивая нас, лишили наших земель и вод, насильовали на наших глазах жен и дочерей. Не стерпев подобных притеснений, они стали бунтовать, идя на смерть.

– Разве падишах дал повеление этому управляющему заводом совершать такие дела? Ваши башкиры разве теперь согласны отдать своих жен и дочерей на блудодеяния? – спросил я.

Бурзянцы как-то онемели и замолчали.

– Бороды ваши побелели, – продолжал я, – по наружности вы люди хорошие, а умы ваши все еще не просветлели, слова ваши неверны. Наверно, вы меня боитесь и скрываете свои истинные слова. Всякий мусульманин является благодетелем другого мусульманина. Считайте меня за своего. Народ нашей земли хочет выступить одновременно с населением всех четырех дорог; о ваших бурзянцах тоже говорили.

Они ответили:

– О друг, мулла Гали! Говорить с тобой откровенно мы боялись. Теперь мы узнали, что ты истинный мусульманин, стало быть, не следует скрывать тайну. По поводу притеснений этого проклятого управляющего заводом народ наш несколько раз ходил к мурзе Тевкелеву, но от него никакой пользы не было. Какая же может быть польза, когда они сами замучили людей, живущих ближе к Оренбургу, своими сверхповинностями. И мы предполагали выступить совместно с другими, но не могли терпеть дальше. Мы не были в состоянии выдержать и полдня. И народ наш восстал.

– Вот это верно. Весь народ так же, как и вы, намерен восстать, надеемся, что с помощью Аллаха мы достигнем своей цели, – сказал я, и мы с ними разошлись».

Этот эпизод в письме Батырши не выдуман автором, а имеет конкретную историческую основу – 15 мая 1755 года бурзянцы действительно убили заводчика Брагина и его помощников.

Примерно в это же время сам Батырша открыто обратился к мусульманам края с листовкой, в которой призвал выступить против правительственного ограничения обрядностей мусульман, а также запрещения местному населению свободно и беспошлинно добывать соль⁴⁶.

Восстание вспыхнуло 3 июля 1755 года и дошло до Казанского уезда, но сам Батырша, как считается, от руководства уклонился и скрылся со своими учениками в лесах.

Однако, когда восстание было жестоко подавлено, начальство деревни Азяк выдало Батыршу, и, закованного в цепи, его повезли в Москву, а оттуда – в Санкт-Петербург, на суд и расправу.

Еще на допросах в Оренбурге Батырша заявил, что будет держать ответ лишь перед царицей, поскольку у него имеются секреты, которые необходимо передать лично ее величеству.

---

⁴⁶ Сенатским указом от 16 марта 1754 года башкирам была запрещена свободная добыча соли из местных соляных месторождений.

Обер-секретарь Хрущов заинтересовался этим заявлением и предложил Батырше написать «секреты» в виде письма Ее Императорскому Величеству. Стребовав с Хрущова клятвенное подтверждение, что письмо в запечатанном виде будет передано императрице, мулла взялся за работу.

Так было составлено знаменитое письмо императрице Елизавете Петровне с жалобой на тяжелое положение башкир и мишар, которое хотя и не дошло до императрицы, но тем не менее признано исследователями как яркий образец народной публицистики XVIII века.

«Если мы находимся под клятвенным обетом одного падишаха, и если этот падишах тверд и постоянен в своем обете, то мы, по предписанию нашего шариата и нашей священной книги, обязаны жертвовать своими головами и жизнью, – писал Батырша. – Если падишах не обеспечивает в настоящее время взятые на себя обязательства по защите своих подданных от притеснений, если повинности постоянно меняются и накладываются новые, то мусульмане обязаны примкнуть и помочь своим единоверцам и постараться о возвышении веры по способу, предписанному шариатом»⁴⁷.

Узнал ли сам Батырша, что его обманули, и не передали письма по адресату – неведомо. В декабре 1758 года он был бит плетьюми, ему вырвали ноздри и отправили в Шлиссельбургскую крепость на пожизненное заточение...

Заросли лишайником потрескавшиеся от северных морозов камни Светличной башни. Если потрогать эти камни рукой, они кажутся живыми и шершавыми, точно спина спящего верблюда.

Что происходило с Батыршей в шлиссельбургском сыром и тесном каземате, можно только догадываться.

В июле 1762 года он схватил в свои закованные руки топор, забытый надзирателями, и бросился на охранников.

Убив в схватке четырех солдат, он погиб и сам.

4

Екатерину II принято называть Великой. Великой ее делала пунктуальность и последовательность в своих начинаниях. Очистив Шлиссельбург от Иоанна VI Антоновича, императрица превращает старинную русскую крепость в настоящую регулярную тюрьму.

Для тюремных целей приспособливают теперь не только казематы в Светличной башне, но и солдатскую «номерную» казарму – двухэтажное здание, еще в 1728 году поставленное вдоль северной стены крепости. Это было тем более удобно, что казарму от территории крепости отделял достаточно широкий канал. Всего в «номерной» казарме было двенадцать жилых помещений, но одним только этим числом узников великая императрица не собиралась ограничивать свой замысел.

Когда, перелистывая скорбные страницы тюремной летописи, приходишь до ее эпохи, возникает ощущение, что в Шлиссельбурге, как в гигантской лаборатории, начиналось тогда изучение того, что следует считать государственным преступлением.

Это намерение подтверждается самой представительностью состава узников. При Екатерине II в Шлиссельбурге сидели шейх и масон, конституционалист и пророк...

Имя шейха Мансура более известно сейчас названием современного аэропорта в Грозном, но и при жизни о нем ходили весьма противоречивые сведения.

Считается, что его отец Шаабаз был родом из села Элистанжи, но со временем семья его обосновалась в селе Алды, где и родился мальчик, давший свое будущее имя аэропорту.

---

⁴⁷ Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне. Уфа, 1993. С. 94.

Шабаз был беден, он не мог обучить Уччермана – так тогда звали будущего шейха Мансура! – грамоте, но мальчик отличался умом и хорошей памятью и, изучая Коран под началом дагестанского муллы, легко запоминал целые куски наизусть и потом, уже став взрослым, усиленно размышлял над ними.

Однажды во сне Уччерман увидел двух всадников, въехавших на белых скакунах в его двор, хотя ворота и были заперты.

– Магомет прислал нас сказать тебе, что народ ваш впал в заблуждение и совсем отклонился от пути, указанного ему законом веры! – объявил один из пришельцев. – Просвети неразумных!

Всадники исчезли, унося с собой скромного алдыйского пастуха.

В его хижине остался избранник пророка Магомета по имени Мансур.

Считается, что проповеди необразованного – Магомед так и не даровал ему постигнуть грамоту! – пастуха Уччермана выработали идеологию священной войны против неверных, заложили основы «газавата» на Северном Кавказе.

Скоро бывший пастух окончательно превратился в шейха Мансура, а затем провозгласил себя имамом.

Безусловно, Мансур был талантливым проповедником, хотя его проповедь священной войны во многом обязана своим успехом тревоге, которая владела горцами в 1785 году, накануне Кавказской войны.

Григорий Александрович Потемкин направил тогда двухтысячный отряд, чтобы захватить Мансура и его последователей, но командир отряда полковник Юрий Николаевич Пьерри к порученному делу отнесся легкомысленно и 6 июля 1785 года был окружен горцами и разбит при селении Алды. Сам Пьерри погиб. В числе пленных оказался его адъютант Багратион, будущий герой Отечественной войны 1812 года.

Успех вдохновил Мансура на ряд наступательных операций против российских укреплений и станиц Кавказской линии. В результате возмущение охватило весь Северный Кавказ, и Мансур пытался даже штурмовать Кизляр, но был отбит с огромными для него потерями.

Неудача под Кизляром вызвала шатание в войсках шейха, его армия начала рассыпаться, и снова собрать горцев под знаменами ислама шейху Мансуру удалось только в начале Второй русско-турецкой войны 1787–1791 годов, при непосредственной помощи Турции.

Однако после ряда столкновений с русскими частями силы Мансура были разбиты, и он с последними отрядами укрылся в занятой турками Анапе. 22 июня 1791 года, во время штурма и взятия крепости, Мансур был ранен и попал в плен.

В середине октября 1791 года шейха поместили в Шлиссельбургской крепости в «номер 11» нижнего этажа казармы, но здесь он «оказал новую дерзость», зарезав ножом караульного солдата.

Будущий аэропорт заковали тогда в «железа».

Не выдержав одиночного заключения, шейх Мансур скончался, и его похоронили на левом берегу Невы – на *Преображенской* горе...

5

«Человек-аэропорт», звеня кандалами, еще метался по «номеру 11», пережигая в себе, как заходящий на аварийную посадку самолет, остатки жизни, когда в девятой камере «номерной» казармы появился новый постоялец, издатель-масон Николай Иванович Новиков, осужденный на 15 лет заточения.

Рождение Николая Ивановича Новикова совпало с прибытием в Петербург 14-летней Софьи Августы Фредерики принцессы Ангальт-Цербстской, которой суждено было превра-

титься в Екатерину Великую, и совпадение это весьма символично. Трудно найти другого человека, который в такой степени, как Новиков, был бы одновременно и продуктом Екатерининской эпохи, и ее жертвой.

Как это зачастую бывает, образование будущему просветителю поначалу не давалось. Из Московской дворянской гимназии он был исключен «за леность и нехождение в классы».

В 1762 году, когда Новиков начал служить в гвардии, произошел дворцовый переворот, и восемнадцатилетний гвардеец за проявленную решительность сразу же был произведен в унтер-офицеры.

Но карьера гвардейца, сумевшего угодить будущей императрице, на этом не завершилась. В 1767 году унтер-офицер Новиков в качестве секретаря был прикомандирован к комиссии по составлению проекта нового Уложения.

Н.И. Новиков

Комиссия работала на основании выпущенного Екатериной II «Наказа», который она называла «фундаментом законодательного здания империи», и в состав комиссии входили представители городов, государственных учреждений, дворянства, государственных крестьян и национальных меньшинств. Эта комиссия, хотя и не составила никакого нового Уложения, тем не менее стала школой для многих, кто принимал участие в ее работе, в том числе и для Николая Ивановича Новикова.

В 25 лет, пользуясь екатерининским указом, даровавшим дворянству освобождение от государственной службы, Новиков вышел в отставку и занялся литературно-издательской деятельностью.

Он издавал сатирические журналы «Трутенъ», «Пустомеля», «Живописец» и «Кошелек», которые пользовались поразительным успехом и с которыми («Живописец») сотрудничала сама императрица.

В 1772 году Новиков выпустил «Опыт исторического словаря о российских писателях», а в 1773 году при поддержке Екатерины II приступил к изданию «Древней Российской Вивлиофики».

Вступление Николая Ивановича Новикова в масонскую ложу произошло тоже благодаря политике Екатерины. Случилось это после первого раздела Польши.

«Опера, сочиненная вашим величеством, – сообщил тогда Екатерине II прусский король Фридрих II, – будет выполнена без малейшей остановки».

В результате Россия приобрела Витебскую и Могилевскую губернии, а еще – 100 000 евреев и двадцать – коллегиумы, резиденции, миссии – иезуитских организаций.

Начало масонской карьеры Новикова трудно назвать частью сочиненной Екатериной II оперы, но то, что совершилось оно под ее звучание, несомненно.

Перебравшись в Москву, Новиков развернул воистину титаническую деятельность. Взяв в аренду Московскую университетскую типографию, он начинает издание газеты «Московские ведомости», множества журналов и книг, а в 1784 году, сблизившись с розенкрейцерами («Братство золоторозового креста»), создает «Типографическую компанию» – крупнейшее для своего времени издательское и торговое предприятие.

«Типографическая компания» приносила огромные доходы, однако в 1792 году, вскоре после указа Екатерины II о введении черты оседлости, ограничившей расселение лиц иудейского вероисповедания, в подмосковном имении Новикова был произведен обыск, в ходе которого нашли книги, напечатанные в тайной типографии.

Новиков был арестован и осужден на 15 лет заключения в Шлиссельбургской крепости.

Сидел масон Новиков в девятой камере «нумерной» казармы не один, а со своим крепостным человеком, который за человека не считался и который и в шлиссельбургской камере должен был прислуживать своему, ставшему государственным преступником, владельцу.

Не в пример староверам и шейхам сидельцем масон Новиков оказался «жиденским». Хотя после смерти Екатерины II 9 ноября 1796 года его и освободили по приказу императора Павла – но вышел он на свободу большим и сломленным физически и морально.

В 1818 году Н.И. Новиков умер в своем подмосковном имении Авдотьино. Удалось ли выжить в крепостном аду его крепостному человеку – никаких известий нет.

6

А вот Федор Кречетов карьеры на службе не сделал.

Служил он писцом в канцелярии, копиистом в Юстиц-коллегии, писарем в штабе фельдмаршала Разумовского и, наконец, аудитором в Тобольском пехотном полку. Впрочем, военная карьера и не могла ему удалиться, поскольку чувствовал Кречетов, что он «не только человека, но и животное убить не может». В 1775 году подпоручик вышел в отставку.

Но не достиг Федор Кречетов успехов и на статской службе. Здесь он усиленно занимался самообразованием, читал по ночам журналы, издаваемые Николаем Ивановичем Новиковым, и в результате пришел к мысли, что и сам может послужить просвещению соотечественников.

Конечно, тут пришлось поломать голову, но скоро отставного поручика осенило, что ликвидировать неграмотность можно с помощью организации широкой сети училищ, а искоренить беззакония и лихоимства помогут юридические знания. Еще, конечно, и воспитание – для этого и задумывалось «Всенародное, вольное, к благоденствованию всех общество»! – следовало вести в масонском духе, чтобы смягчить грубые нравы народа.

Новоявленного «просветителя» не посадили сразу только потому, что его «нелепые писания» немало потешали окружение императрицы. Действительно, таких защитников масонства, таких борцов за «конституцию» там еще не видывали.

Понимая, что плоды его мудрых раздумий не достигают цели, Федор Кречетов решил в 1787 году издать все «юридические и собственные свои деяния» и выпустил первый номер журнала «Не все и не ничего».

Первый номер оказался и последним.

Название журнала заинтересовало петербургского обер-полицмейстера, и в результате сочинения новоявленного защитника масонства и конституции попали к санкт-петербургскому митрополиту Гавриилу, который ничего смешного в них не нашел, а обещание отставного поручика издать «открытого масонства святуго истину» прямо назвал вредным.

Федору Кречетову было объявлено, чтобы он «в не заслуживающих одобрения сочинениях не упражнялся и оных печатать самовольно не отваживался».

Решение было мягкое, оно не предусматривало никаких кар, но отставной поручик пришел в совершенное неистовство. Не думая о последствиях, он открыто ругал митрополита Гавриила, расхваливал события в революционной Франции и неприлично выражался об императрице. Кроме того, он по-прежнему сулил просветить Россию и тем самым избавить народ от ига царизма.

На Кречетова был сделан донос, но отставной поручик не запирался и в Тайной канцелярии. Он предрек митрополиту Гавриилу участь растерзанного толпой в дни Чумного бунта московского митрополита Амвросия, напугал власти солдатским восстанием и пригрозил заточить в монастырь саму императрицу – «как убивицу, впадшую в роскошь и распутную жизнь».

Безусловно, отставной поручик выглядел достаточно карикатурно. При чтении его высказываний в пользу масонства возникает ощущение, что Кречетов черпал знания о нем только со страниц новиковских журналов.

И тем не менее некоторые мысли Кречетова глубоки и сохраняют актуальность и сейчас, а ощущению справедливости, живущему в этом смешном человеке, следовало бы поучиться и другим...

«Из всех его мыслей и произносимых им слов видно, что он не хочет, чтобы были монархи, а заботится более о равенстве и вольности для всех вообще, – писал тогда генерал-прокурор А.Н. Самойлов, – ибо он, между прочим, сказал, что раз дворянам сделали вольность, для чего же не распространить оную и на крестьян, ведь и они такие же человеки».

Кажется, что мысль, будто крестьяне «такие же человеки», как и дворяне, и переполнила чашу терпения властей предержавших.

18 июля 1793 года Федор Кречетов был помещен в Петропавловскую крепость, а затем переведен в Шлиссельбург.

«Арестанта по имени Кречетов принять и посадить в Шлиссельбургской крепости в одном из состоящих там порожних под номерами покоев так, чтоб он никаких разговоров ни с кем не имел и содержан был накрепчайше, на содержание его производиться будет 25 коп. в день».

Поместили Кречетова во втором этаже «номерной» казармы, в камере № 5.

Изможденный и оборванный, с распухшими от водянки ногами, он провел в одиночном заключении шесть лет и был освобожден только в 1801 году, по случаю вступления на престол Александра I.

7

«Буди ты новый Адам и древний отец Дадамей, и напиши яже видел еси; и скажи яже слышал еси. Но не всем скажи и не всем напиши, а токмо избранным моим и токмо святым моим; тем напиши, которые могут вместить наши словеса и наша наказания. Тем и скажи и напиши. И прочая таковая многая к нему глаголаша»...

Такие голоса услышал 1 ноября 1787 года тридцатилетний тульский крестьянин Василий Васильев, и продолжалось это видение более тридцати часов...

До этого жизнь Василия Васильева была достаточно обыкновенна. Хотя, как утверждает автор его биографии, «больше у него было внимания о Божестве и о Божественной судьбе», но родители, крестьяне деревни Окулово (Акулово), Алексенского уезда Тульской губернии, недолго думая, отыскивали сыну лекарство от «задумчивости». В семнадцать лет

его женили, и очень скоро Василий сам стал отцом трех сыновей. Теперь в своем Окулово Василий жил мало, освоив плотницкое ремесло, «шатался по разным городам»...

Неведомо, когда Василий принял монашеский постриг и превратился в инока Авеля.

Амвросий, митрополит Петербургский, уведомил 19 марта 1800 года генерал-прокурора Обольянинова о крестьянине Васильеве, постриженном в декабре 1796 года в Александро-Невской лавре с наречением ему имени Авеля и сосланном в 1798 году в Валаамский монастырь, где он засел за сочинение прорицательных тетрадей.

Из этого послания следует, что пострижение Авеля состоялось много лет спустя после того, как он стал называть себя Авелем.

Кроме того, существует предание, что еще осенью 1785 года Авель появился в Валаамском Спасо-Преображенском монастыре и попросил настоятеля позволить ему пожить на острове.

Игумен Назарий принял двадцативосьмилетнего странника, однако через год Авель отпросился у игумена в «пустынь», в «место уединенное», поселился отшельником неподалеку, в скиту, чтобы принять «попустительство искусов великих и превеликих».

Но и в этой версии не все сходится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.